Od les
у трап. 37 37.7 40

37.37.7.40

Лидія Чарская.

СЕМЬЯ ЛОРАНСКИХЪ.

(НЕ ВЪ ДЕНЬГАХЪ СЧАСТЬЕ).

ДУРНУШКА.

(ИЗЪ ЖИЗНИ СВѢТСКОЙ ДѢВУШКИ).

ДВѢ ПОВѢСТИ.

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА **М. А. Андреева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Сочиненія Л. А. ЧАРСКОЙ.

...РНЫЙ БОГАТЫРЬ" Александръ Васильевичъ Суворовъ. ...вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Соч. ...**ой.** Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо ... какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою ... ать". Суворовъ, покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рым... ь судебъ Польши и пр. пр.

***СВѢТЛ... ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской**, съ рисун. ...ника М. Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

...ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста ...**ской**, съ 49 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ. Пересказы ...тскихъ писателей **Л. А. Чарской.** Съ 40 рис., художника ... въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

... Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской.** Съ ри... Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*... Разсказы для дѣтей младш. возраста **Л. А. Чарской**... худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

ГИМ... ...азовъ. Съ рисунками художн. М. Андреева, гравир. ... ...въ и М. Морозовъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ГИМНА... ...*глуши.* Три разсказа **Л. А. Чарской.** Съ ри... ...ова; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СКАЗКИ. Со... ...въ пересказѣ **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. Я. Сизова... ...35 к.

ОГОНЬКИ. Разска... ...тва **Л. А. Чарской.** Съ рисунками художн. А. Шлипера; ... ...р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИН... ...изъ институтской жизни: *Южаночка—Некрасивая.* Л... ...Съ рис. художн. М. Андреева; 296 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 5...

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, Х... ...истор. повѣсти **Л. А. Чарской.** *Содержаніе:* Долой Пер... ...Руси). — Подъ вѣчевымъ колоколомъ. (Марѳа Посадница) — Сю... ...Казанская. (Покореніе Казани). Съ рис. художн. М. Андреева и ...икова; ц. 1 р. 50 к.

ЦАРЕВИЧЪ-ОРЛЕНОКЪ. Истори...кій разсказъ временъ Петра I **Л. А. Чарской.** Съ рисунками.

ЛАРА БЕЗСОНОВА. Повѣсть **Л. А. Чарской.** Съ рисунками; М. Андреева. 256 стран. въ папкѣ. Ц. 1 35 к.

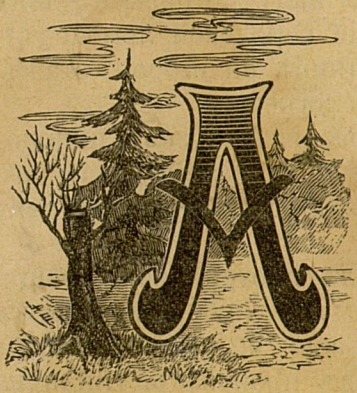
ПРІЮТКА. Повѣсть изъ пріютской жизни **Л. А. Чарской.** Съ рис.; М. Андреева. Ц. 1. 50 к. въ папкѣ.

ОСОБЕННАЯ. Повѣсти и разсказы; съ рисунк., въ папкѣ

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Спб. Ярославская ул., 1—9.

Семья Лоранскихъ.



I.

— Адмиралтейская площадь! громко выкрикнулъ голосъ кондуктора, и конка остановилась.

Молоденькая дѣвушка, сидѣвшая у самой двери вагона съ неуклюжимъ узломъ на колѣнахъ, проворно вскочила со своего мѣста и, обѣими руками придерживая ношу, вышла изъ конки.

Промозглый сѣрый октябрь стоялъ надъ Петербургомъ. Дождь непріятно моросилъ въ лица прохожихъ. На троттуарахъ было мокро и скользко.

Но молодая дѣвушка, казалось, и не замѣчала неприглядной картины осенняго петербургскаго дня. Заботливо прижавъ къ своей груди узелъ, съ раскрытымъ зонтикомъ надъ головой, она торопливо шагала по Невскому.

Дѣвушка была премиленькая. Изъ-подъ дешевенькаго фетра выбивались непокорные завитки огненно-рыжихъ кудрей, обстриженныхъ въ кружокъ, какъ у мальчика. На снѣжно-бѣломъ личикѣ, слегка усѣянномъ мелкимъ бисеромъ веснушекъ, ласково и ярко сіяли большіе добрые глазки, синіе, какъ васильки... Тонкія брови дѣвушки, слегка рыжеватыя, придавали что-то оригинальное и милое всему свѣжему личику съ вздернутымъ носикомъ и пухлыми губами. Тоненькая, стройная, она имѣла

видъ скорѣе подростка, нежели взрослой барышни. И походка у нея была торопливая и стремительная, точь въ точь, какъ у школьниковъ, которые бѣгутъ по утрамъ въ школу, боясь опоздать къ урокамъ.

Поровнявшись съ Казанскимъ соборомъ, дѣвушка высвободила правую руку и набожно перекрестилась.

— Дай Богъ удачи!—прошептали ея пухлыя губки и она еще быстрѣе и рѣшительнѣе зашагала по троттуару и вскорѣ скрылась въ подъѣздѣ, надъ которымъ синяя вывѣска гласила: „С.-Петербургскій городской ломбардъ“.

Поднявшись по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, она вошла въ отдѣленіе пріема залоговъ.

Рыженькая дѣвушка быстро развязала узелъ и положила на прилавокъ скромный лѣтній жакетъ песочнаго цвѣта, такую-же юбку и поношенную драповую кофточку съ бархатными отворотами.

Оцѣнщикъ долго разглядывалъ и отряхивалъ вещи, какъ-бы желая проникнуть въ самую глубь старенькихъ тканей. Наконецъ, покачавъ головою не то съ сожалѣніемъ, не то съ легкой ироніей, онъ произнесъ, глядя на дѣвушку поверхъ очковъ:

— Четыре рубля, барышня.

Свѣжее личико молоденькой кліентки вспыхнуло до корней рыжеватыхъ завитковъ, до бѣлой тоненькой шейки, выходившей изъ-подъ отложного мерлушковаго воротничка жакетки.

— Ахъ, пожалуйста, — произнесла она смущенно, — накиньте... въ прошлый разъ мнѣ у васъ-же пять за нее давали... и вдругъ... Пожалуйста, прибавьте.

Оцѣнщикъ еще разъ встряхнулъ вещи и, снова сокрушенно помотавъ головой, крикнулъ кому-то въ пространство:

— Пять рублей. Драповый жакетъ и лѣтній костюмъ оба держанные, пять рублей,—и далъ рыженькой дѣвушкѣ бланкъ съ четко написаннымъ на немъ номеромъ и цифрой залога.

Дѣвушка приняла бумажку изъ рукъ оцѣнщика и отошла

къ кассѣ, за проволочной рѣшеткой которой сидѣла полная дама въ пенснэ. Ждать пришлось какихъ-нибудь три минуты, не дольше. Дама выкрикнула номеръ бланка и рыженькая дѣвушка получила квитанцію, на которой красиво выдѣлялся новенькій золотой пятирублевикъ. Она поспѣшно спрятала и то и другое въ маленькое потертое портмонэ и вышла изъ ломбарда съ легкимъ сознаніемъ душевной удовлетворенности.

А на улицѣ попрежнему моросилъ нудный осенній дождикъ, попрежнему бѣжали подъ открытыми зонтиками рѣдкіе пѣшеходы и плелись сонные „ваньки“ съ поднятыми верхами.

Рыженькая дѣвушка подобрала платье и отважно зашагала по мокрому троттуару. На душѣ у нея было хорошо и весело, несмотря на ненастье. Все складывалось такъ славно сегодня! И оцѣнщикъ не замѣтилъ большого пятна на подкладкѣ жакета и далъ ей именно столько, сколько ей было нужно, и народа не было въ ломбардѣ, такъ что она успѣетъ къ обѣду домой; вдобавокъ она еще принесетъ экономію, оставшуюся отъ двухъ конокъ, потому что, несмотря на просьбы матери ѣхать на конкѣ отъ Адмиралтейства до ломбарда, она прошла туда пѣшкомъ.

„Не купить-ли къ чаю сушекъ у Андреева?—подумала дѣвушка, проходя мимо большой булочной, пріятно пахнувшей на нее запахомъ свѣжихъ булокъ сквозь открытую дверь:—мама такъ любитъ сушки!“ — добавила она мысленно и уже готовилась войти въ булочную, какъ вдругъ услышала позади себя знакомый голосъ:

— Ну, и бѣжишь-же ты, Лелечка! Едва догналъ!..

Рыженькая дѣвушка, которую звали Лелечкой, обернулась. Предъ ней, подъ зонтикомъ, стоялъ молодой человѣкъ съ портфелемъ подмышкой и въ форменной чиновничьей фуражкѣ. Его добрые близорукіе глаза щурились и улыбались. Полныя губы улыбались также, сверкая крупными зубами, бѣлыми, какъ сахаръ. Русая вью-

щаяся бородка красиво удлиняла его нѣсколько круглое лицо, съ здоровымъ румянцемъ во всю щеку.

И это улыбающееся лицо, и эта веселая улыбка такъ мало подходили къ скучному дождливому петербургскому дню и сердитымъ лицамъ прохожихъ!

— Володя!—весело выкрикнула Лелечка,—вотъ не ожидала... Развѣ ты уже со службы?

— Да, разумѣется, — съ тою же веселою улыбкою произнесъ тотъ: — не въ моихъ правилахъ уходить со службы до ея окончанія, Елена Денисовна!

— А ты почему такъ давно у насъ не былъ?—недовольно протянула дѣвушка и косо посмотрѣла на своего спутника своими синими, ясными глазками, которые, казалось, располагали, каждаго въ пользу ихъ владѣлицы.

— Не сердись, Лелечка, ужъ такъ вышло!—виновато произнесъ Владимиръ Владимировичъ Кодынцевъ (такъ звали молодого чиновника) и вдругъ, взглянувъ на ноги своей молоденькой спутницы, онъ воскликнулъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ:—батюшки, да ты въ туфляхъ! Вѣдь, это—безуміе, Лелечка! Долго-ли простудиться и схватить кашель, бронхитъ, воспаленіе легкихъ...

— Гнилую жабу... дифтеритъ... бугорчатку,—докончила его спутница и расхохоталась.

Но Владимиръ Владимировичъ не раздѣлялъ, казалось, веселья Лелечки. Онъ чуть-ли не съ отчаяніемъ продолжалъ смотрѣть на ея маленькія ножки, одѣтыя въ прюнелевыя туфелки и мелкіе галоши, щедро смоченные дождемъ.

— Развѣ можно такъ,—говорилъ онъ сокрушенно.—Ай, ай! ай! И что это мамаша смотрѣла? Какъ рѣшилась она отпустить тебя такъ? И почему ты высокихъ сапогъ не надѣла, Лелечка?—негодовалъ онъ, глядя съ укоромъ въ ея синіе смѣющіеся глазки, своими добрыми сѣрыми близорукими глазами.

— Фу, какой ты сегодня скучный, Володя, — полушутливо, полунедовольно произнесла Лелечка,—и все-то

тебѣ знать надо... Пожалуйста, мамашѣ не вздумай только насплетничать, что я ноги промочила. Мои сапоги надѣлъ Граня... У насъ одна нога... Надѣлъ въ гимназію... у его сапогъ подошвы отлетѣли... Нельзя же такъ. Ну, вотъ и пришлось мнѣ надѣть туфли. Ты молчи только, а то Гранѣ попадетъ еще! Недавно, вѣдь, ему подошвы новыя ставили, а онъ опять...

— Да ты хотя-бы дома сидѣла! — окончательно вознегодовалъ Кодынцевъ, — если ужъ сапоги брату отдала. А то въ эдакую непогоду чуть-ли не въ ночныхъ туфляхъ... Бога ты не боишься!

— Какъ разъ! Вотъ-вотъ только и сидѣть дома! А кто въ ломбардъ поѣдетъ?—задорно тряхнувъ своими рыжими кудрями, произнесла Лелечка.

— Опять у васъ значитъ безденежье, Леля? — совершенно другимъ, новымъ голосомъ произнесъ Владиміръ Владиміровичъ, — и какъ тебѣ не грѣхъ по ломбардамъ ходить? Спросила бы у меня! — произнесъ онъ съ нѣжнымъ укоромъ.

— Ай, что ты? что ты, Володя?! Мы и такъ тебѣ Богъ знаетъ сколько должны... — залепетала Лелечка. — Нѣтъ, нѣтъ, ни за что больше нельзя у тебя брать. И потомъ деньги у мамы есть... на хозяйство есть... А это для насъ... т. е., для Валентины. Видишь-ли, Валентинѣ окончательно дебютъ даютъ. Сегодня бумагу изъ театра прислали,—понизила она почему-то голосъ до шепота, — въ настоящій театръ, понимаешь и съ настоящими актерами!.. Ну, и костюмъ у нея есть... юбка, то-есть, а кофточку сшить надо... красную шелковую кофточку... Это я говорю... А Валентина говоритъ—желтую... Какъ ты думаешь—какую?

Но Кодынцевъ не слышалъ вопроса Лели. Онъ ласково и нѣжно смотрѣлъ на нее и думалъ.

«Милая, милая дѣвочка! И всегда-то ты была, и останешься такой милой и славной! Будешь бѣгать въ дождь и слякоть по ломбардамъ закладывать свое послѣднее убогое платьишко, чтобы доставить удовольствіе другимъ. И

никто не оцѣнитъ тебя по заслугамъ, какъ бы слѣдовало. Каждый будетъ требовать отъ тебя выгоды и пользы и врядъ-ли сумѣетъ поблагодарить твое чуткое, доброе сердечко, бьющееся любовью и заботой къ другимъ».

И онъ смотрѣлъ съ ласковымъ участіемъ на ея тоненькую, тщедушную фигурку, отважно шагавшую о-бокъ съ нимъ по мокрымъ плитамъ Невскаго проспекта, и думалъ, что вотъ эта чудная, добрая Лелечка дорога и мила ему, какъ родная сестра. А они даже и не родственники съ нею, просто дѣтьми росли вмѣстѣ и играли въ былое безпечное время.

Звонкій смѣхъ Лелечки разбудилъ Кодынцева отъ его задумчивости.

— Какой ты смѣшной, Володя!—хохотала дѣвушка,—ты сейчасъ зонтикомъ чуть цилиндръ съ того господина не сбилъ! Онъ бранится, а ты самымъ серьезнымъ тономъ говоришь себѣ подъ носъ: „очень вамъ блогодаренъ...“ Ха-ха-ха!

Но вдругъ смѣхъ ея разомъ прервался. Страшный ливень хлынулъ внезапно и мигомъ наводнилъ и тротуары и улицу...

— Извозчикъ!—закричалъ Кодынцевъ не своимъ голосомъ,—въ Галерную гавань! Живо!

— Что ты, Володя! Вѣдь, мы на конкѣ можемъ!—запротестовала Леля,—отлично на конкѣ-бы...

Но было уже поздно. Не торгуясь съ хитроватымъ на видъ „ванькой“, заломившимъ, глядя на ненастье, чудовищную цѣну. Кодынцевъ отстегнулъ фартукъ и, энергично взявъ Лелю за руку, подсадилъ ее подъ закрытый верхъ въ пролетку.

— Такъ будетъ вѣрнѣй,—произнесъ онъ весело, самъ усаживаясь подлѣ дѣвушки.

— Ну, а про кофточку ты мнѣ все-таки ничего не сказалъ, Володя!—снова заговорила Лелечка, когда ихъ пролетка миновала стоявшія у Александровскаго сквера

конки и легко покатилась по торцовой мостовой по направленію къ Дворцовому мосту.

— Какую кофточку? — недоумѣвающе переспросилъ Кодынцевъ.

— Ахъ, какой ты разсѣянный, Володя! — заволновалась она.—Я тебя про Валентинину кофточку спрашиваю. Какого цвѣта ей шелка купить: краснаго или желтаго? По-моему—краснаго, потому, что Валентина блѣдна немного, а въ красной кофточкѣ она будетъ чудо какая хорошенькая! Желтая къ ея цвѣту лица не пойдетъ. Правда?

— Правда, Лелечка,—весело согласился Кодынцевъ.

— Ну, и отлично, — обрадовалась она. — Я тогда ей выберу красную. Скажу—Володя посовѣтовалъ. Хорошо?

И Лелечка съ лукавой улыбкой заглянула въ его глаза, сіявшіе ей съ братской лаской изъ-подъ козырька чиновничьей фуражки.

— Лелечка! — неожиданно произнесъ Кодынцевъ. — Смотрю я на тебя и думаю: всегда-то ты всѣмъ довольная, радостная, хлопотливая, какъ воробушекъ. И, глядя на тебя, самому весело на сердцѣ станетъ... Все-то у тебя такъ гладко и хорошо выходитъ. Счастлива ты, Лелечка?

Лелечка только звонко расхохоталась въ отвѣтъ своимъ дѣтскимъ серебристымъ смѣхомъ.

— Странный ты сегодня, Володя! — произнесла она сквозь смѣхъ, — то цилиндры съ прохожихъ зонтикомъ сбиваешь, а то философствовать началъ... Ха, ха, ха!

— Какая ты милая, Лелечка! Какъ ты всегда развеселить умѣешь. Вѣдь, для насъ всѣхъ какъ солнышко для міра, нужна. Дай тебѣ Богъ подольше такимъ дитяткомъ оставаться! Ни задумываться, ни печалиться не пристало твоей головкѣ, дѣтка...

— Потому что она рыжая, — съ комическою серьезностью заключила та, — а всѣ рыжія ужасно веселыя и ужасно глупыя! Мнѣ и печалиться-то некогда, Володя! Самъ знаешь небось. Утромъ надо Граню чаемъ поить, въ лавку сбѣгать — Ѳекла мяса порядочнаго выбрать не

умѣетъ, Павлука въ академію отправить... А тамъ, смотришь, завтракъ. Пошить что-нибудь надо... А потомъ Граня возвращается. Съ нимъ потолкуешь. Глядишь, и Павлукъ является. Опять обѣдъ. А тутъ и друзья наши тутъ какъ тутъ. Самоваръ, закуска... Валентина отъ своего хозяина вернется... Къ одиннадцати часамъ такъ устанешь, что только-только до постели дотянешься. Какая ужъ тутъ задумчивость! Нѣтъ, мнѣ всегда работать весело. Вѣдь не Валентинѣ же хлопотать по дому. Валентина—красавица. Ей и работать-то грѣшно. У нея, взгляни, ручки — точно у принцессы крови. А мои—гляди!

И она протянула къ самому лицу Владиміра Владиміровича крошечныя рученки въ старенькихъ перчаткахъ, сквозь прорванные пальцы которыхъ выглядывали ея розовые коротко остриженные ноготки.

— Славная ты! — произнесъ Кодынцевъ и поцѣловалъ старенькія перчатки въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда выглядывали розовые пальчики. — Славная ты, родная моя сестренка!

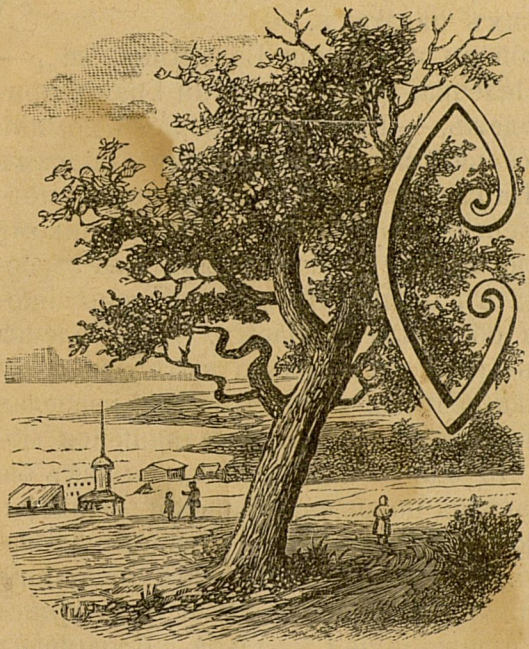
Онъ хотѣлъ добавить еще что то, но въ ту же минуту пролетка остановилась у небольшого сѣраго домика-особняка въ одной изъ маленькихъ улицъ Галерной гавани.

— Вотъ и пріѣхали! — радостно произнесла Лелечка, слѣзая.—Вы къ намъ, или домой пойдете, господинъ государственный чиновникъ?

— Если позволите, къ вамъ, госпожа беззадумчивая барышня.

— «Если позволите!» — передразнила его Лелечка съ усмѣшкой.—Вотъ еще какъ разговаривать выучился. Нечего важничать! Ну, руки по швамъ и маршъ за мною. Живо!

Кодынцевъ съ улыбкой послѣдовалъ за нею.



II.

СЕМЬЯ Лоранскихъ жила въ собственномъ сѣромъ домикѣ «у самаго синяго моря», какъ говорилъ старшій изъ дѣтей, Павелъ Денисовичъ, или Павлукъ, по семейному прозвищу, студентъ медицинской академіи.

Марья Дмитріевна Лоранская овдовѣла какъ разъ предъ рожденіемъ своего послѣдняго сына, Грани, и теперь жила на крошечную пенсію, оставленную ей мужемъ-чиновникомъ, да приработкомъ старшихъ дѣтей, Валентины и Павла, изъ которыхъ первая, въ качествѣ чтицы, занималась у одного старика, другой давалъ уроки. Кромѣ того, верхъ домика отдавался внаймы.

Сѣрый домикъ былъ данъ въ приданое за Марьей Дмитріевной и всѣ ея дѣти родились и выросли въ немъ. Это былъ совсѣмъ особенный домикъ. Съ утра до ночи тамъ кипѣла жизнь, звучали молодые, свѣжіе голоса, мелькали юныя здоровыя лица. Утромъ всѣ расходились, чтобы сойтись снова къ обѣду, а вечеромъ, послѣ чая, въ сѣромъ домикѣ поднимался дымъ коромысломъ: молодежь пѣла, играла, хохотала... Товарищи Павла по Академіи приходили сюда запросто, въ рубашкахъ-косовороткахъ или въ старенькихъ заплатанныхъ тужуркахъ, пили чай съ булками или съ простымъ ситнымъ, ѣли грошевую

колбасу и веселились такъ, какъ, навѣрное, уже не умѣютъ веселиться въ княжескихъ палатахъ.

И не блѣдная спокойная красавица Валентина, не рыженькая хлопотливая Лелечка, ни Павлукъ, ни Граня, притягивали къ себѣ молодежь, — просто въ сѣромъ домикѣ все располагало къ веселью, смѣху, дружескимъ спорамъ и милымъ бесѣдамъ. На глазахъ этой молодой толпы поднялась и расцвѣла Валентина, выросла Лелечка, и никому въ голову не приходило ту или другую принять за взрослую барышню и, когда въ одинъ прекрасный день сіяющая Марья Дмитріевна объявила за чаемъ, что «Валечка просватана», всѣ какъ-будто тутъ только замѣтили и то, что Валентина—дѣвушка-невѣста, и то, что она—взрослая красавица. И вдругъ всей этой шумно веселившейся молодежи стало обидно, что одинъ изъ членовъ ея какъ бы отпадаетъ отъ нихъ, ставъ на положеніе барышни-невѣсты. Когда же узнали, что женихъ Валентины, Владиміръ Владиміровичъ Кодынцевъ, другъ дѣтства юнаго поколѣнія Лоранскихъ и ихъ ближайшій сосѣдъ, всѣ встрепенулись и даже обрадовались предстоящей свадьбѣ. Кодынцевъ былъ славный, хорошій человѣкъ, а Валентина — совершенно исключительная барышня-невѣста: она не уединялась отъ другихъ со своимъ женихомъ, какъ это обыкновенно происходитъ у помолвленныхъ, а просто и мило держала себя съ нимъ въ обществѣ товарищей брата, попрежнему бѣгала съ ними на «верхи» въ Александринку и отбивала себѣ мозоли, хлопая любимцамъ актерамъ. И снова въ сѣромъ домикѣ поднимался дымъ коромысломъ и молодежь бѣжала сюда отдыхать отъ лекцій, а иной разъ повѣрять свои невзгоды доброй, чуткой, по матерински отзывчивой ко всѣмъ имъ Марьѣ Дмитріевнѣ, или незамѣнимому другу-совѣтнику во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, Лелечкѣ, и, наконецъ, къ Павлуку, готовому содрать съ себя послѣднюю рубашку и дружно подѣлиться ею съ неимущимъ.

Съ Валентиной и Граней откровенничали меньше: съ

первой — вслѣдствіе ея внѣшней холодности и исключительнаго положенія невѣсты, съ которымъ, какъ-никакъ, а приходилось все-таки считаться, со вторымъ—въ виду его крайней молодости.

Но больше всѣхъ въ смыслѣ дружескихъ откровенностей и всякихъ душевныхъ изліяній перепадало Лелечкѣ. Съ нею обращались за-панибрата, по-товарищески; ей разсказывали съ особенной охотой про маленькія и большія невзгоды и радости... Лелечка имѣла драгоцѣнную способность помочь, утѣшить, посовѣтывать, выпутать изъ бѣды.

— Мірская печальница!— любовно приглаживая ея рыжыя кудри, говорила Марья Дмитріевна, гордясь своей дочуркой.

Впрочемъ, изо всѣхъ своихъ четверыхъ дѣтей Лоранская особенно любила своего послѣдняго младшаго сына, Граню, родившагося двумя мѣсяцами позднѣе смерти отца. Граня былъ общимъ кумиромъ. Онъ жилъ точно юный принцъ среди своихъ подданныхъ. Каждый изъ членовъ маленькой семьи считалъ своей обязанностью баловать Граню. Происходило-ли это вслѣдствіе того, что ребенокъ, не видѣвшій отцовской ласки, возбуждалъ нѣжное сочувствіе близкихъ, или самъ по себѣ Граня, красавчикъ собой, нѣжный, какъ дѣвушка, располагалъ къ себѣ своими внѣшними достоинствами.

Даже Валентина, не любившая проявлять особенную нѣжность, и та, нѣтъ-нѣтъ, да и выражала ее по отношенію къ младшему брату. А о Лелечкѣ и Павлукѣ и говорить нечего—тѣ просто таки боготворили Граню.

Вообще, семья Лоранскихъ шутливо раздѣлялась ихъ ближайшими друзьями и знакомыми на двѣ половины: аристократическую, состоящую изъ Валентины и Грани, и демократическую, въ составъ которой входили сама Лоранская, Павлукъ, Леля и краснощекая глуповатая, но честнѣйшей души дѣвушка Ѳеклуша, жившая уже десятый годъ въ сѣромъ домикѣ.

Когда Лелечка съ Кодынцевымъ вошли черезъ крошечную прихожую въ столовую, вся семья была въ сборѣ, готовясь приступить къ обѣду. Изъ открытой въ прихожую двери кухни шелъ очень вкусно пахнувшій паръ и наводнялъ собою столовую, такъ что сидѣвшія тамъ за столомъ четыре фигуры казались плавающими въ облакахъ.

— Наконецъ-то! Гдѣ тебя носило? — весело крикнулъ по адресу вошедшей Лели молодой некрасивый медикъ съ веснушчатымъ лицомъ и мясистымъ носомъ, но съ большими умными карими глазами, смотрѣвшими бойко, весело и добродушно.

Забавный хохолокъ бѣлокурыхъ волосъ, торчавшій надъ его умнымъ высокимъ лбомъ, придавалъ всему лицу молодого человѣка не то задорный, не то безшабашный видъ. Плотный, широкоплечій, въ разстегнутой тужуркѣ, изъ подъ которой алѣла кумачевая красная косоворотка, съ этимъ бойкимъ, задорнымъ, улыбающимся лицомъ, Павелъ Лоранскій казался именно тѣмъ «рубахой—парнемъ», какимъ его справедливо считали окружающіе. Совсѣмъ противоположнымъ ему былъ младшій братъ Граня, сидѣвшій подлѣ матери, полной маленькой добродушной женщины съ чудомъ сохранившимися черными, какъ смоль, волосами, несмотря на ея преклонныя пятьдесятъ шесть лѣтъ. Граня былъ миніатюренъ и строенъ, какъ дѣвушка: тѣ-же огненно-рыжіе волосы, какъ у сестры Лели, только съ болѣе крупными кудрями, обрамляли нѣжный бѣлый лобъ юноши; большіе синіе глаза, немного вызывающіе и гордые, настоящіе глаза общаго баловня, зорко и насмѣшливо поглядывали изъ-подъ тонкихъ темныхъ бровей. Эти брови при рыжевато-красной шапкѣ волосъ да тонкій породистый, точеный носикъ на нѣжно-розовомъ почти дѣвичьемъ лицѣ и составляли главную прелесть красоты Грани.

Валентина, высокая, стройная брюнетка, на первый взглядъ, не поражала красотою. Но достаточно было вгля-

дѣться въ ея матово-блѣдное, какъ-будто всегда немного усталое лицо, заглянуть въ глубь ея загадочно странныхъ зеленоватыхъ глазъ подъ темными рѣсницами, на ея гордый ротъ, рѣдко дарящій улыбкой, и невольная мысль прокрадывалась въ голову при видѣ молодой дѣвушки:

«Да, это—какая-то странная, не заурядная внѣшность, какая-то исключительная красота, богатая не обиліемъ красокъ, а тайнымъ смысломъ, проглядывающимъ изъ-подъ каждой черточки этого блѣднаго спокойнаго лица».

При видѣ Кодынцева глаза Валентины, опущенные до того на тарелку, чуть сощурились. Легкая краска оживила лицо. Она точно похорошѣла и какъ-бы просвѣтлѣла сразу.

— Володя! — прозвучалъ ея грудной нѣжный голосъ.— Вотъ пріятный сюрпризъ!

— Не хотѣлъ идти! Я притащила силкомъ! — весело крикнула Лелечка и быстро наклонившись къ уху сестры, зашептала съ дѣловымъ видомъ: — пять рублей дали! Понимаешь? Торговалась я... какъ извозчикъ!

— Милая ты! — произнесла Валентина, улыбнувшись одними своими зелеными глазами, и подвинула свой стулъ, чтобы дать около себя мѣсто Кодынцеву.

— Не взыщи, братъ, что въ паровую ванну попалъ,— со смѣхомъ произнесъ Павелъ Денисовичъ, дружески хлопнувъ по плечу Кодынцева. — Это, братъ, у насъ случается.

— Мама, а все-таки не мѣшаетъ дверь прикрывать,— вмѣшался Граня съ легкой гримаской,—а то весь кухней пропахнешь... Даже и въ гимназіи замѣтили. Василій Никандровичъ за урокомъ и то сказалъ: «кто это у васъ, братцы, лукомъ душится?» Срамъ. И всѣ на меня посмотрѣли... какъ по командѣ. Чуть не сгорѣлъ, ей-Богу!

— Такъ ужъ вотъ сразу и на тебя, — недовольно замѣтила Лоранская.—Воображеніе это одно!

— Постойте, мама, — примиряюще замѣтила Валентина, — правда, неловко, если кухней пахнетъ... Слушай, Граня, ты у меня духовъ возьми завтра, какъ пойдешь.

Знаешь, Володины духи, которые онъ мнѣ на рожденье подарилъ... Только не все, слышишь... А то ты весь обольешься. Знаю я тебя, пусти козла въ огородъ! — и она улыбнулась, показавъ частые крупные зубы, сверкающіе бѣлизной.

Послѣ обѣда Валентина отказалась отъ обычнаго чая и, сказавъ всѣмъ одно общее «до свиданья», вышла изъ дома.

III.

Валентина шла не торопясь, точно на прогулкѣ, по лѣвой сторонѣ Большого проспекта. Ей не къ чему было спѣшить. Старикъ Вакулинъ, у котораго она состояла въ качествѣ лектрисы, ждалъ ее ежедневно къ шести часамъ, а теперь было только половина шестого. Жилъ Вакулинъ недалеко, въ семнадцатой линіи, и Валентина успѣвала въ какихъ-нибудь двадцать минутъ попасть къ нему изъ своей Гавани.

Ровно безъ десяти шесть дѣвушка звонила у большого одноэтажнаго дома-особняка, окрашеннаго въ мрачную коричневую краску. Тщедушный пожилой лакей съ сѣрыми бакенами открылъ ей дверь. Валентина поднялась по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ, на круглую площадку, съ правой и лѣвой стороны которой было по двери; одна вела въ пріемную старика, другая въ его кабинетъ, столовую и прочія комнаты. Валентина вошла въ

пріемную—большое мрачное помѣщеніе съ круглымъ столомъ посрединѣ и вѣнскими стульями у стѣнъ. Оно напоминало собою пріемную врача. Какъ и въ гостиной врача, здѣсь были разбросаны на столѣ журналы, небольшіе альбомы съ видами Швейцаріи и стояла массивная лампа въ видѣ рыцаря-воина.

Но Валентина знала, что не стоитъ пробѣгать журналы и газеты, потому что ровно черезъ десять минутъ раздастся звукъ колокольчика и тщедушный Францъ пригласитъ ее къ барину.

Такъ было всегда, и она успѣла уже привыкнуть къ порядкамъ старика Вакулина. Въ первое время своихъ занятій молодая дѣвушка приходила за полчаса раньше, мечтая также пораньше освободиться, но это не привело къ желанному результату: ее впускали только ровно въ шесть часовъ въ кабинетъ хозяина. Вначалѣ эта педантичность раздражала Валентину, потомъ она къ ней привыкла, какъ привыкла и къ самой личности старика Вакулина.

А привыкнуть было къ чему. Въ первый же день ихъ знакомства, когда смущенная новизной положенія Лоранская пришла по публикаціи предлагать свои услуги въ качествѣ лектрисы, она увидѣла худого длиннаго субъекта въ бархатномъ халатѣ. У старика было суровое, недовольное лицо и брезгливо оттопыренныя губы. Глаза его подъ дымчатыми стеклами было трудно разобрать.

— Вы—лектриса? — отрывисто обратился онъ къ дѣвушкѣ и, пронизавъ ее съ ногъ до головы тяжелымъ испытующимъ взглядомъ, сказалъ, какъ отрѣзалъ:—не годитесь.

— Но почему? — вырвалось у Валентины, помимо ея воли съ несвойственной ей горячностью.

— Молоды вы... красивы... вѣтеръ въ головѣ бродитъ. О выѣздахъ и нарядахъ, небось, мечтаете. Ну, не годитесь, да и все тутъ. Были ужъ у меня такія.

Валентина вспыхнула. Вся ея природная гордость поднялась и запротестовала въ ней.

— Да, какъ вы можете оскорблять меня не зная, какова я на самомъ дѣлѣ! — произнесла она строго.—Надо раньше испытать меня, а потомъ уже изрѣкать приговоръ.

Старикъ опѣшилъ. Никто еще не смѣлъ разговаривать съ нимъ такимъ образомъ. Смѣлость дѣвушки рѣшительно понравилась ему.

— Ну, ладно, испытаемъ! — буркнулъ онъ себѣ подъ носъ и сунулъ въ руки Валентинѣ газету.

Валентина читала отлично. Ея грудной звучный голосъ, такъ и вкрадывался въ душу. Ясная дикція не заставляла желать лучшаго. Старикъ нѣсколько разъ одобрительно покачивалъ головой во время ея чтенія и, когда она кончила статью, произнесъ:

— Спорить не стану, читаете хорошо. Только надо вамъ сказать, что и тѣ, другія, хорошо читали, а прока изъ этого вышло не много. Торопится, скачетъ черезъ строки, лишь-бы окончить скорѣе и убѣжать.—А вы такъ не будете?

— Не буду!—улыбнулась Валентина.

— Ну, вотъ и хорошо!—неожиданно обрадовался чудакъ.—А то, что за чтица ужъ—если какъ козелъ скачетъ. Васъ я, пожалуй, возьму, но поставлю вамъ нѣкоторыя условія. Согласны?

— Это зависитъ отъ вашихъ условій,—соглашусь я или нѣтъ,—отвѣчала спокойно дѣвушка.

— Ну-съ, такъ слушайте. Во-первыхъ, сидѣть спиной къ зеркалу, дабы не поглядывать въ него каждую минуту, какъ ваши предшественницы; во-вторыхъ, чтобы аккуратно приходить во время, терпѣть не могу ждать и время терять даромъ. Поняли?

— Разумѣется!—пожала плечами Валентина.

Оригиналъ теперь больше тѣшилъ, нежели раздражалъ ее.

— Ну, а теперь возьмите «Исторію цивилизаціи» Бокля и читайте мнѣ. Только не громко. Я слава тебѣ Господи еще не глухой.

Этотъ разговоръ происходилъ годъ тому назадъ въ кабинетѣ Вакулина и теперь почему-то пришелъ въ голову Валентинѣ.

Около года уже она ежедневно посѣщала Вакулина, не глядя на праздники, еще менѣе ихъ на ненастныя погоды, и вполнѣ привыкла къ чудачествамъ старика. Тѣмъ болѣе, что занятія эти увеличивали скромный доходъ семьи Лоранскихъ.

Рѣзкій звонокъ напомнилъ Валентинѣ объ ея обязанности. И снова тщедушный Францъ съ сѣрыми бакенами появился на площадкѣ, какъ бы вынырнувъ изъ противоположной двери и безстрастно произнесъ:

— Пожалуйте, баринъ дожидается.

Валентина сбросила на-ходу осеннюю пелерину на руки лакея и, миновавъ гостиную съ тяжелой допотопной мебелью, вошла въ кабинетъ.

Старикъ Вакулинъ не поднялся даже ей навстрѣчу. Онъ удовольствовался однимъ короткимъ кивкомъ головы. Такъ они здоровались ежедневно.

— Сегодня будемъ читать Спенснера!—произнесъ отрывисто Вакулинъ, когда она сѣла у стола.—Вы, надѣюсь, ничего не имѣете противъ Спенснера, сударыня?

Валентина поспѣшила отвѣтить, что она ничего не имѣетъ противъ Спенснера, и, поправивъ зеленый абажуръ на лампѣ, принялась за чтеніе.

Но едва только она успѣла прочесть двѣ страницы, какъ старикъ забрюзжалъ:

— Что это вы сегодня охрипли, что-ли? Безъ голоса? По секрету читаете-съ. Себѣ подъ носъ.

— Хорошо я буду громче,—спокойно произнесла Валентина. И тутъ-же повысила свой голосъ, и безъ того красивый и звучный.

— Ай-ай-ай!—неожиданно вскричалъ Вакулинъ.—Да что вы это, точно съ цѣпи сорвались! Глухой я что-ли? Не кричите-съ. Народъ соберется, подумаютъ пожаръ!

— Нѣтъ, при такихъ условіяхъ я не могу читать!

вышла изъ себя Валентина.—Послушайте, и вамъ не стыдно такъ издѣваться надо мною? Вѣдь я должна поневолѣ сносить ваши капризы, потому что бѣдная дѣвушка, потому что моя семья нуждается въ этомъ заработкѣ, а вы точно нарочно, смѣетесь надо мной. Больше у меня нѣтъ силъ, кажется, выносить этого! Вотъ, выйду замужъ и избавлю васъ отъ своего непріятнаго чтенія,—съ грустью проговорила она.

— Какъ, выходите замужъ? Когда?

— Послѣ Рождественскаго поста, должно быть.

— Да какъ-же вы смѣли скрыть это отъ меня!?—всхорохорился старикъ.

— Я не знала, что должна спрашивать у васъ разрѣшенія,—улыбнулась дѣвушка.

— Разумѣется, должны были! И не ваше дѣло разсуждать объ этомъ!—снова забрюзжалъ Вакулинъ.—Надо было раньше сказать, такъ молъ, и такъ, а теперь... теперь вы меня изъ колеи вышибаете... Нужна новая лектриса... Не люблю привыкать. Глупо это—что вы сдѣлали... очень глупо!

— Ну, а это—ужъ мое дѣло,—холодно прервала его Валентина.—А теперь позвольте мнѣ откланяться и пожелать вамъ всего лучшаго, такъ какъ и вы, вѣроятно, не пожелаете меня удерживать, да и я должна откровенно сознаться, не особенно жажду продолжать у васъ мою дѣятельность, такъ какъ она меня постоянно раздражаетъ. Вы почти всегда недовольны мною,—и, гордо поднявъ красивую головку, Валентина съ самымъ рѣшительнымъ видомъ двинулась къ двери.

— Стойте! стойте, вамъ говорятъ!—почти въ голосъ завопилъ старикъ.—Стойте же! Я согласенъ терпѣть васъ, хотя вы и наглупили... Я привыкъ... да, привыкъ къ вашей методѣ чтенія... и потомъ... Да стойте-же, вамъ говорятъ!

Но Валентина уже не слышала. Она была за дверью.

Вакулинъ, какъ былъ, такъ и остался, ошеломленный,

недоумѣвающій, въ своемъ массивномъ вольтеровскомъ креслѣ.

Онъ привыкъ къ своей молоденькой чтицѣ и къ ея бархатному голосу, глубоко западающему въ душу. Чѣмъ-то роднымъ, давно позабытымъ при первомъ-же знакомствѣ съ ней пахнуло ему въ душу... Далекое прошлое вспомнилось ему, какъ давняя позабытая сказка. И другая дѣвушка, до странности похожая на Валентину, съ такимъ же гордымъ, холоднымъ лицомъ предстала въ его памяти. Эта дѣвушка была его родною дочерью. Немного непокорной и своевольной дочерью, но которую онъ горячо любилъ. Ея образъ снова воплотился въ лицѣ Валентины. Вакулину было пріятно, глядя на Лоранскую вспоминать его дочь, умершую въ ранней молодости отъ тяжелой и долгой болѣзни.

— Гордая, славная дѣвушка!—произнесъ Вакулинъ.—Гордая, славная!—повторилъ онъ еще разъ, и вдругъ лицо его исказилось и глаза подъ дымчатыми стеклами наполнились непрошенными слезами:—Совсѣмъ, какъ моя покойная Серафимочка! Совсѣмъ какъ она! Моя бѣдная покойная дѣвочка,—прошепталъ онъ.

А Валентина не шла, а летѣла домой. Она была вся поглощена пріятнымъ чувствомъ сознанія своей свободы. Отнынѣ ея вечера принадлежатъ ей, она уже не должна бѣжать къ скучному старику и переносить его чудачества и брюжжаніе. Она можетъ заниматься ролями, серьезно подготовить себя къ сценѣ, поступить на которую мечтаетъ съ дѣтства. Нѣсколько разъ Валентинѣ приходилось участвовать въ любительскихъ спектакляхъ и всегда очень успѣшно. Ея бархатный голосъ и красивая внѣшность заставляли забывать о неопытной игрѣ юной любительницы. Она много мечтала о томъ, какъ-бы поступить на настоящую сцену, частью для облегченія жизни родной семьѣ, частью изъ любви къ искусству, которое ее влекло неотразимо. Наконецъ, братъ Павлукъ выхлопоталъ ей дебютъ въ Василеостровскомъ театрѣ, гдѣ она будетъ дебю-

тировать на будущей недѣлѣ. Какъ хорошо! И вдругъ она окажется талантливой!.. Володя будетъ гордиться ею!

«Володя»! При одномъ воспоминаніи о немъ, сердце Валентины наполнилось тихимъ радостнымъ сознаніемъ счастья. Впереди все было такъ опредѣленно, ясно и хорошо... Будущая супружеская жизнь съ добрымъ и любящимъ Кодынцевымъ, священное служеніе искусству— это шло дружно, рука объ руку въ ея мысленномъ представленіи. Непріятный эпизодъ потери мѣста скрашивался отъ сознанія молодости, силъ и счастья. Даже временное лишеніе тридцатирублеваго жалованья не казалось болѣе страшнымъ для нея. Вѣдь она вдвое больше можетъ заработать, сдѣлавшись актрисой! И это сознаніе успокоило ее.

IV.

ВѢСТЬ о потерѣ мѣста Валентиною была встрѣчена совершенно различно каждымъ изъ обитателей сѣраго домика.

Марія Дмитріевна мысленно прикинула свой хозяйственный расчетъ и пришла къ невеселому заключенію, что по утрамъ придется брать ситный вмѣсто булокъ и бѣличью шубку въ приданое Валентины придется сшить только къ будущему сезону.

Граня тоже не безъ разочарованья сообразилъ, что новыя ботинки и перчатки ему не придется получить къ гимназическому балу. Положимъ, Лелька могла-бы дать свои, благо руки и ноги у нихъ почти одинаковыя, но Лелька бережетъ перчатки, какъ зѣницу ока, для Вален-

тининой свадьбы, а сапоги у нея съ пуговицами, и ихъ не напялишь на балъ.

Зато Павлукъ, услыша новость, заоралъ благимъ матомъ.

— Молодчага, Валька! Наша взяла! Ишь, вѣдь, отдѣлала стараго брюзгу! Богъ съ нимъ! Не найдетъ онъ другой такой лектрисы. У тебя голосъ—бархатъ ліонскій... А знаете, господа, у этого Вакулина, говорятъ, деньжищъ видимо невидимо,—дѣлая большіе глаза, сообщилъ онъ семьѣ.—И сквалыга-же онъ! Къ нему нашъ пятекурсникъ Мухинъ ходилъ вмѣсто доктора. У старика сердце не въ порядкѣ. Такъ онъ ему цѣлковый далъ... за визитъ... Ей Богу, только цѣлковый. А, вѣдь, домохозяинъ! Домохозяинъ! Поймите это!

Кодынцевъ ужасно обрадовался «свободѣ» Валентины. Теперь онъ могъ безъ помѣхи проводить цѣлые вечера съ любимою дѣвушкой.

Правда Валентина теперь больше, чѣмъ когда-либо отдастся театру, будетъ штудировать роли, но онъ не послужитъ ей помѣхой въ этомъ дѣлѣ, постарается даже помочь, чѣмъ можетъ, хотя-бы провѣрять ее по репликамъ, послушать ея читку, подать совѣтъ! О! Онъ такъ чутокъ ко всему, что касается Вали, его Вали! И эта чуткость поможетъ ему быть ей необходимымъ.

Что-же касается самой Валентины, то она была особенно оживлена сегодня. Къ вечернему чаю пришли два медика, товарищи Павлука, и Сонечка Гриневичъ, подруга Лели, маленькая быстроглазая блондиночка, съ миловиднымъ личикомъ и удивительно тонкимъ, но симпатичнымъ голоскомъ.

Играли въ фанты, въ веревочку, въ свои сосѣди. Потомъ Леля сѣла за разбитое піанино, купленное еще при бабушкѣ, и по слуху сыграла модное „pas d'Espagne“, въ то время, какъ Сонечка, при помощи Грани, учила этому танцу трехъ медиковъ, чрезвычайно похожихъ по ловкости на медвѣжатъ. И всѣ хохотали до упаду.

А Валентина съ Кодынцевымъ тихо разговаривали между собою.

— Валя! Валя! — говорилъ Владимиръ Владимировичъ. — Скажи мнѣ еще разъ, что ты любишь меня! Я такъ дорожу этимъ!

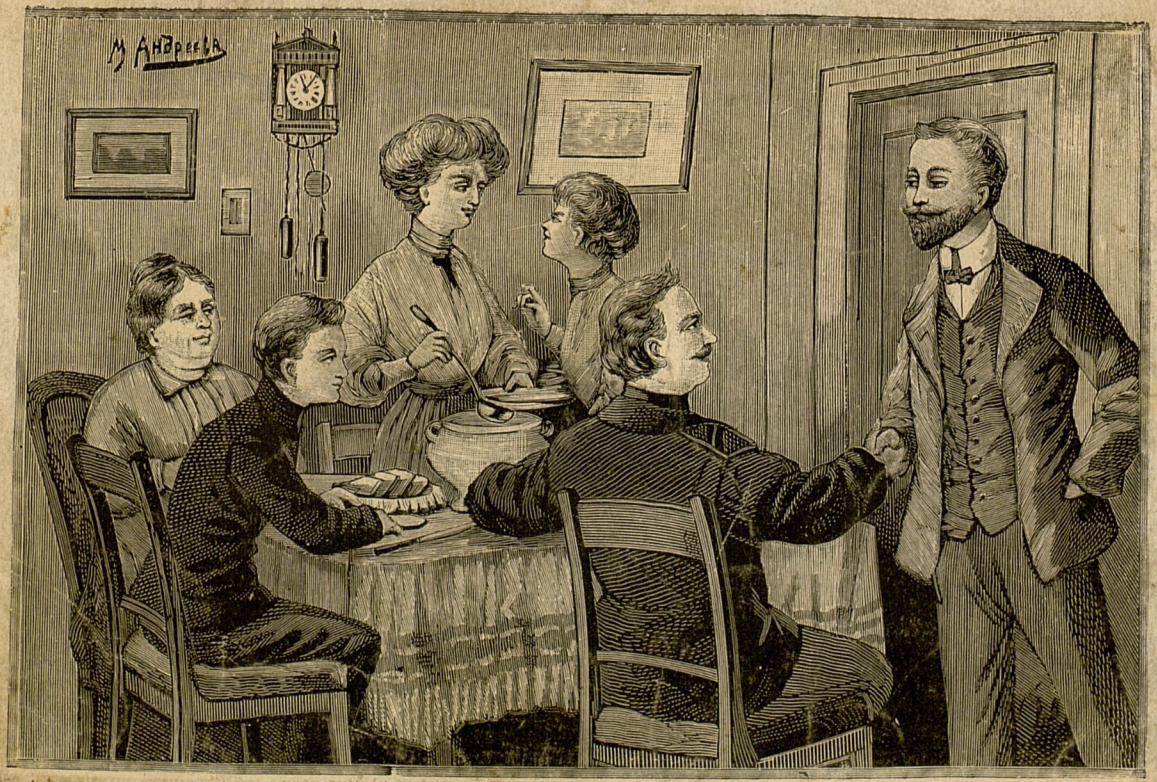
— Да, я люблю тебя,— отвѣчала Валентина.—Я люблю тебя, Володя, такъ хорошо, тепло и радостно люблю. Я знаю, я странная, я „не будничная", говорилъ про меня покойный папа,—уже въ дѣтствѣ я была не будничною, Володя. Меня плѣняютъ блескъ, шумъ, слава или богатство, огромное богатство... Мнѣ хочется видѣть все, узнать все! Постичь всю роскошь! Меня это манитъ, какъ огонь — мотылька. И какое счастье, что этого нѣтъ, что нѣтъ у меня этой роскоши. Я не была-бы тогда такою, какъ теперь. Я гордая была-бы, пожалуй, какъ Вакулинъ. Вѣдь, я очень, очень тщеславная и люблю, когда мною любуются, меня хвалятъ... Знаешь,—продолжала она послѣ минутнаго молчанія,—что я сдѣлала особеннаго, что отказалась сегодня отъ мѣста? А меня это такъ взвинтило, точно я ни вѣсть, что натворила. И мнѣ пѣть, веселиться хочется, прыгать, скакать! Да, да, вашей спокойной, разсудительной Валентинѣ, какою вы всѣ меня считаете, тоже хочется скакать и прыгать. Звуковъ хочу, веселья, шума, пѣть, кричать, декламировать...

— Ну, и отлично, зачѣмъ-же дѣло стало?—подхватилъ послѣднее ея слово подвернувшійся Павлукъ:—валяй себѣ... Эй, вы, команда!—прикрикнулъ онъ на не въ мѣру расходившуюся молодежь.—Тише вы! Валентина намъ сейчасъ изобразитъ нѣчто.

Валечка! Валентина Денисовна! Валентина, милая!— послышалось со всѣхъ сторонъ и Лелечка, бросивъ піанино, кинулась на шею сестры.

Валентина вышла на средину комнаты и, скрестивъ руки и обернувшись къ старшему брату, спросила:

— Павлукъ, какъ ты думаешь, что мнѣ прочесть?



Семья Лоранскихъ. (Стр. 25).

— «Дары Терека» валяй! «Дары Терека!» Это у тебя такъ выходитъ, что хоть мозги въ потолокъ!

— Или «Старую цыганку» Апухтина, — попросила Лелечка.

— Лелечка, — съ упрекомъ произнесъ лохматый медикъ Декунинъ, знавшій барышень Лоранскихъ еще съ дѣтства.—Ну, зачѣмъ она вамъ? Вы сами—воплощеніе молодости, и вдругъ «Старая цыганка!» И потомъ, неужели же вы Апухтина Лермонтову предпочитаете? А?

Лелечка сконфузилась, залепетала что-то, оправдываясь, но на нее яростно зашикали со всѣхъ сторонъ, потому что Валентина уже начала:

«Терекъ воетъ дикъ и злобенъ
Межъ увѣсистыхъ громадъ,
Бурѣ гласъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ»...

Валентина читала прекрасно, съ тѣмъ захватывающимъ выраженіемъ, съ экспрессіей, свойственной только очень немногимъ натурамъ. И куда дѣвались ея холодная сдержанность, ея спокойствіе! Предъ молодыми слушателями стояла новая Валентина. Блѣдное лицо ея слегка заалѣло, зеленые непроницаемые глаза сіяли теперь горячимъ блескомъ. Что-то радостное, сильное и непонятно-влекущее было въ ея чудно-похорошѣвшемъ лицѣ.

Молодые слушатели словно застыли, восторженно сіявшими взорами устремлясь въ прекрасные, горючіе, какъ звѣзды, глаза Валентины.

И вдругъ чей-то незнакомый, чужой голосъ произнесъ за ними:

— Какъ хорошо! Какъ хорошо вы читали!

И вмигъ сладкій дурманъ восторга, охватившій молодежь, разсѣялся. Сонъ прошелъ—наступила дѣйствительность. Всѣ разомъ, какъ-бы по командѣ, обернулись въ ту сторону, откуда слышался голосъ. Въ дверяхъ стоялъ неизвѣстный молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, высокій,

стройный, бѣлокурый, въ безукоризненномъ сюртукѣ и изящномъ жилетѣ. Бѣлоснѣжные воротнички и манжеты съ блестящими запонками, небрежно повязанный галстухъ,—все въ немъ поражало особеннымъ аристократическимъ изяществомъ. Его свѣтлые глаза спокойно и остро смотрѣли съ блѣднаго лица, обличающаго породу. Тонкія губы улыбались смѣлой, положительной улыбкой. Видя общій переполохъ, молодой человѣкъ съ любезной улыбкой отдѣлился отъ двери и прямо подошелъ къ Валентинѣ, смотрѣвшей еще затуманенными отъ вдохновенія глазами на неизвѣстнаго никому пришельца.

— Простите великодушно, — произнесъ онъ пріятно ласкающимъ слухъ мягкимъ голосомъ,—простите, что невольно оказался непрошеннымъ свидѣтелемъ вашего чуднаго чтенія, но такъ какъ прислуга, открывшая мнѣ дверь, сказала, что у васъ гости, то я рискнулъ войти безъ доклада въ вашъ пріемный день.

— «Пріемный день»... «Безъ доклада!» Слышишь?— незамѣтно подтолкнулъ Павлукъ Лелечку, растерявшуюся при видѣ такого важнаго гостя, и юркнулъ за ея спину, силясь удержать обуревавшій его смѣхъ.

— Я—Вакулинъ!—дѣлая видъ, что не замѣтилъ общаго смятенія, произнесъ посѣтитель.—Вы были такъ любезны занимать моего отца въ продолженіи года своимъ дивнымъ чтеніемъ... Нѣтъ ничего удивительнаго, что мы не встрѣчались, такъ какъ я возвращался домой только къ десяти часамъ, а иной разъ и позднѣе, тогда какъ вы кончали свои занятія въ девять. Теперь же я являюсь по предписанію отца и рѣшаюсь безпокоить васъ, Валентина Денисовна, только въ силу его усиленнаго желанія.

— Чѣмъ могу служить?—спокойно спросила Валентина.

— Но позвольте мнѣ сначала представиться обществу,— немного заминаясь, произнесъ Вакулинъ.

— Пожалуйста. Мой братъ Павелъ... Граня... т. е., Герасимъ...—поправилась она съ улыбкой.—Сестра...—указала она на пылающую отъ смущенія Лелечку, чуждаю-

щуюся всѣхъ незнакомыхъ,—подруга сестры, m-lle Гриневичъ, наши почтенные эскулапы Навадзе и Декунинъ. Мой женихъ Кодынцевъ, Владиміръ Владиміровичъ... И всѣ... Вотъ и мама...

Марья Дмитріевна, оповѣщенная уже Ѳеклой, вышла какъ разъ въ эту минуту изъ столовой со своей добродушной улыбкой, навстрѣчу гостю.

Вакулинъ поспѣшилъ къ ней и склонился предъ ней въ такомъ почтительномъ поклонѣ, цѣлуя ея руку, какъ-будто предъ нимъ была знатная барыня-аристократка, а не простая «гаванская чиновница».

Смущенная, красная, Марья Дмитріевна поспѣшно «клюнула», по выраженію Павлука, Вакулина въ надушенную голову и произнесла, захлебываясь отъ волненія:

— Милости просимъ, милости просимъ... Мы всегда гостямъ рады, батюшка! У насъ попросту. Ужъ не побрезгайте, чайку-съ. Милости просимъ,—и вдругъ чуть не вскрикнула, потому что Лелечка, пробравшаяся къ ней поближе, умышленно наступила ей на ногу.

— Богъ съ вами! Богъ съ вами!—зашептала она, пользуясь минутой, когда гость знакомился съ молодежью.— У насъ, вѣдь, колбаса чайная и холодная корюшка отъ обѣда... А, вѣдь, его позвали! Ну, какъ-же можно это, мамочка? Вѣдь сынъ домовладѣльца, богачъ!

— Ну, такъ что-же дѣлать, Лелечка?—растерянно мигая, залепетала старуха.—Ну, скажи Ѳеклушѣ, чтобы за ванильными сухариками сбѣгала въ нѣмецкую булочную, да морошки подала къ чаю!

— Какъ-же! будетъ онъ ѣсть ваши сухарики и морошку! А впрочемъ...—и Лелечка поспѣшно «нырнула» въ кухню.

А гость въ это время говорилъ Валентинѣ:

— Отецъ просилъ меня, Валентина Денисовна, уговорить васъ вернуться къ своимъ занятіямъ у него. Будьте снисходительны къ старику. Онъ раскаивается, что былъ нѣсколько рѣзокъ съ вами. Простите его...

— «Нѣсколько рѣзокъ?» — усмѣхнулась Лоранская, и оживленное, за минуту до того прелестное лицо ея стало снова холоднымъ и устало-спокойнымъ. — Онъ былъ непростительно рѣзокъ, грубъ со мною...

— Онъ раскаивается, Валентина Денисовна, увѣряю васъ. Онъ—большой чудакъ, мой отецъ, но золотой души человѣкъ. Его всѣ считаютъ скупцомъ, но онъ дѣлаетъ втайнѣ много-много добра,—торопливо проговорилъ молодой Вакулинъ. — Вашъ отказъ искренно опечалилъ его, такъ какъ вы знаете, вѣроятно, что помимо вашего идеальнаго чтенія, отцу пріятно было ваше общество:—вы такъ поразительно напоминаете ему его покойную дочь и мою старшую сестру,—Серафиму. Я былъ еще мальчикомъ, когда она умерла, и не могу судить о сходствѣ. Но судя по словамъ отца, это сходство огромное. Въ вашемъ присутствіи онъ представлялъ себѣ особенно ярко покойную Серафимочку и вы можете себѣ вообразить, какъ ему больно поэтому лишиться его... И сегодня, едва дождавшись моего возвращенія, старикъ мой командировалъ меня къ вамъ съ письмомъ.

И Вакулинъ вынулъ изъ кармана сюртука конвертъ большого формата, съ четко надписаннымъ на немъ именемъ, отчествомъ и фамиліей Валентины, и передалъ его молодой дѣвушкѣ.

Послѣдняя вскрыла конвертъ и прочла:

«Не придирайтесь къ старику-чудаку и умѣйте относиться снисходительно вообще къ человѣческимъ слабостямъ. Я успѣлъ за годъ привыкнуть къ вашему голосу и методѣ чтенія и, теряя васъ, ощущаю большое неудобство. Поэтому предлагаю вамъ увеличенное жалованье ровно на треть вашего оклада и надѣюсь на ваше согласіе. Съ уваженіемъ — Вакулинъ».

Валентина кончила и съ досадой скомкала записку.

— Передайте вашему батюшкѣ, что мнѣ неудобно это занятіе у него и вообще я никогда не возвращаюсь къ

разъ оставленному дѣлу,—произнесла она вѣско по адресу молодого Вакулина.

Глаза ея холодно блеснули при этомъ. Алый румянецъ вернулся на блѣдныя щеки и сдѣлалъ холодное лицо снова живымъ и прекраснымъ.

Въ эту минуту подбѣжала Лелечка, успѣвшая оправиться отъ перваго смущенія, хлопотливая и привѣтливая.

— Валечка,—бросила она сестрѣ,—зови гостя чай кушать!

— Но...—замялся тотъ,—моя миссія, кажется, окончена, и...

— Ну, такъ что же? Недоразумѣніе, вышедшее съ отцомъ, не должно распространяться на сына,—произнесла Валентина, улыбаясь.

— Прошу пожалуйста!—еще разъ радушно пригласила она Вакулина и другихъ и повела ихъ въ столовую.

Здѣсь на чайномъ столѣ, на простыхъ фаянсовыхъ тарелкахъ, лежали нарѣзанная тоненькими ломтиками чайная колбаса, холодная корюшка и стояла сухарница, наполненная до-верху тѣми ванильными сухариками, за которыми успѣла уже слетать Θеклуша въ нѣмецкую булочную на «уголокъ».

Молодежь вначалѣ ужина косо поглядывала на «барина», затесавшагося незваным гостемъ въ ихъ тѣсный кружокъ. Но вскорѣ первое смущеніе прошло и языки развязались.

— Ну, что ты вздоръ мелешь!—громко произнесъ голосъ Навадзе съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ, очевидно, продолжавшаго начатую подъ сурдинку бесѣду.—Больно ты нуженъ въ твоемъ «Куринковѣ!»

— Не скажи...—протестовалъ Павелъ Лоранскій,—не скажи, братъ, тамъ, во всякомъ случаѣ нужнѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Въ деревнѣ докторовъ нѣтъ. Каждому рады будутъ. Дайте мнѣ кончить только, дайте крыльямъ отрости—махну я въ самыя дебри, и ни тифъ, ни холера, ничто такое повальное у меня въ округѣ не прогоститъ долго. Ручаюсь!

— Что это вашъ братъ въ провинцію собирается?— спросилъ Вакулинъ Валентину.

— Не говорите, батюшка, — вмѣшалась Марія Дмитріевна, услышавъ вопросъ гостя, —не говорите, спитъ и бредитъ захолустьями разными. Въ самую-то глушь его тянетъ!

— По призванію? — сощурился гость въ сторону Лоранскаго.

— По призванію, потому что выгоды тутъ ожидать не приходится,—спокойно отвѣтилъ Павелъ.—А васъ это удивляетъ?

— Признаюсь, да!—отвѣчалъ Вакулинъ.—Вы еще такъ молоды, юны!

— Павлукъ нашъ—уродъ нравственный,—неожиданно поднялъ голосъ шестнадцатилѣтній Граня,—онъ съ десятилѣтняго возраста безкорыстно хромоногихъ кошекъ лечилъ, которыхъ, по-моему, топить слѣдуетъ...

— Молчи ты, мелюзга! —презрительно-ласково осадилъ его старшій братъ,—молчи о томъ, чего не разумѣешь... Нѣтъ, знаете, — обернулся онъ снова въ сторону Вакулина,—я, дѣйствительно, уродъ, должно быть. Тянетъ вотъ меня туда, въ глушь, къ сѣрымъ людямъ, лечить ихъ немощи... Тянетъ, да и все тутъ. И не по добротѣ, замѣтьте. Доброта у меня еще вилами по водѣ писана—я нищему никогда не подамъ, потому что знаю, отъ моего гроша сытъ онъ не будетъ, а просто потребность... Вотъ, какъ у Лельки потребность всѣхъ корюшкой кормить и пуговицы пришивать,—лукаво подмигнулъ онъ на младшую сестру, вспыхнувшую, какъ зарево;—такъ вотъ и у меня тяготѣніе къ сѣрому рваному люду, находящемуся на самой низкой степени общественнаго развитія. Хочется мнѣ къ этимъ дѣтямъ природы махнуть... да и помочь ихъ тѣлесному и нравственному запустѣнію.

— И это васъ удовлетворитъ?

— Что, то-есть? Принесеніе пользы рваным сермягамъ, полудикарямъ захолустья? Да, это за цѣль своего

существованія, за прямое свое назначеніе считаю! Вѣдь сколько пользы-то принести можно! Вѣдь, молодъ я, молодъ, поймите! Все еще впереди меня... Правда, Володька?—неожиданно прервалъ себя Павлукъ, встрѣчаясь глазами съ ласково сіявшимъ ему взглядомъ Кодынцева.

— Вѣрно, Паша! Вѣрно, голубчикъ. Давай твою лапу скорѣе!

— Обѣ,—протягивая къ будущему шурину свои загрубѣлыя сильныя руки,—произнесъ со смѣхомъ Лоранскій.

— А вы .. не раздѣляете его мнѣнія?—спросилъ Вакулинъ у мрачно насупившагося Навадзе.

— Не совсѣмъ,—отвѣтилъ армянинъ своимъ гортаннымъ голосомъ,—я самъ жажду приносить пользу. Для того и пріѣхалъ сюда съ моей родины, изъ моей маленькой Арменіи. Пріѣхалъ оттуда, чтобы вернуться туда снова съ большимъ запасомъ знанія. Но не вижу надобности залѣзать въ нѣдра самыя отдаленныя, когда кругомъ тебя есть тысячи нуждающихся въ твоей помощи.

— А я понимаю Павла!—произнесъ Кодынцевъ.—Онъ знаетъ, что и вы, Навадзе, и вы Декунинъ,—кивнулъ онъ другому студенту, не принимавшему участія въ разговорѣ—и Граня,—всѣ вы изберете ближайшіе по возможности пункты и никого изъ васъ не потянетъ «по собственному влеченію въ нѣдра», какъ выразился Навадзе. А по указанію свыше» туда ѣхать—ужъ это выходитъ особая статья. Стало быть, надо ѣхать Павлуку и десятку другихъ, ему подобныхъ...

— Спасибо, Володя! Спасибо, братецъ, поддержалъ.—Обрадовался такому заключенію Павлукъ.

— Вы учились декламаціи?—спросилъ, перемѣнивъ тему разговора, Вакулинъ, обращаясь къ Валентинѣ.

— Нѣтъ... А что?

— Вы читаете безподобно, какъ актриса.

— Да она и есть актриса,—неожиданно вмѣшался Павелъ Лоранскій,—до сихъ поръ—любительница, въ

пользу студентовъ и курсистокъ не разъ выступала. А въ будущее воскресенье дебютируетъ въ качествѣ профессіональной актрисы въ Василеостровскомъ театрѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—произнесъ Вакулинъ.—Это интересно!

Что-то недовѣрчиво послышалось въ возгласѣ Вакулина, что задѣло за живое всѣхъ сидящихъ за столомъ. Сама Валентина вспыхнула до корней волосъ.

— Что васъ такъ удивляетъ? Что въ нашемъ медвѣжьемъ углу есть доморощенные таланты?—спросилъ Павелъ, съ чуть замѣтной иронiей.

— О, помилуйте! Въ талантѣ Валентины Денисовны я не сомнѣваюсь!—заторопился Вакулинъ.—По крайней мѣрѣ, судя по тому, что я слышалъ часъ тому назадъ...

— Ну, по тому, что слышали, еще судить нельзя; декламацiя—одно, сцена—другое!—вмѣшался Кодынцевъ.

— Валентина талантлива!—произнесъ безапелляцiонно Граня.—Хотите убѣдиться, я вамъ билетъ пришлю на ея дебютъ. Пьеса хорошая! Прекрасная пьеса.

— Очень обяжете!—поклонился Вакулинъ и тотчасъ-же добавилъ съ любезной улыбкой въ сторону Валентины:—не сомнѣваюсь, что вы украсите спектакль своимъ участiемъ.

Гость посидѣлъ еще минуты двѣ, потомъ извинился и сталъ прощаться.

Въ дверяхъ онъ задержался немного и, обращаясь къ Валентинѣ сказалъ:

— А можетъ быть, вы измѣните ваше рѣшенiе по по поводу отца... Можетъ быть осчастливите старика своимъ возвращенiемъ къ старому занятiю, Валентина Денисовна?

— Я никогда не возвращаюсь назадъ!—произнесла она отчетливо и, кивнувъ головой гостю, вернулась къ молодежи.

Вакулинъ отвѣсилъ почтительный поклонъ и вышелъ.

— Уфъ!—вырвалось облегчающимъ вздохомъ изъ

груди Павлука,—наконецъ-то! А манишка-то, манишка! Видали? А ногти какіе? Вотъ дѣлать то кому нечего, должно быть!

— Э, Богъ съ нимъ, давайте плясать лучше. Лелька! Маршъ за рояль!—скомандовалъ Граня. И молодежь съ шумомъ повскакала со своихъ мѣстъ и закружилась по маленькой гостиной.

Марья Дмитріевна, Валентина и Лелечка долго не спали въ эту ночь. Изъ своей крохотной комнатки въ одно оконце, выходящее на заливъ, Валентина пробралась къ матери и сидѣла на ихъ общей широкой постели, поджавъ подъ себя босыя ножки.

— Вѣдь, я хорошо сдѣлала, что отказалась возвращаться къ этому привереднику, какъ вы думаете, мама?—шепотомъ спрашивала она утонувшую среди грудЫ подушекъ Марью Дмитріевну.

— Какъ тебѣ, дѣточка, удобнѣе, такъ и поступай!—уклончиво отвѣчала та, не безъ тайной грусти вспомнивъ о внезапно утерянной статьѣ тридцатирублеваго мѣсячнаго дохода.

— А по моему, Валя права!—какъ-бы угадывая тайныя мысли матери, вступилась Лелечка.—Гордость прежде всего! Вотъ еще! Богачъ онъ, такъ и издѣваться надъ бѣдными можетъ!.. Молодецъ Валентина, люблю такихъ!—и она звонко чмокнула сестру въ самыя губы.

— Да дадите-ли вы, наконецъ, спать, сороки неугомонныя? Вѣдь, завтра на лекцію ни свѣтъ, ни заря надо!—раздался недовольный голосъ Павлука, спавшаго за досчатой перегородкой вмѣстѣ съ братомъ, въ гостиной.

— Самому не спится, а другіе мѣшаютъ, видите-ли!—бойко отрѣзала изъ-за стѣнки Лелечка.

— Корюшкой только кормить умѣешь! Ужъ ты молчи, стрекоза!

— Ну, васъ, горластые!—послышался недовольный

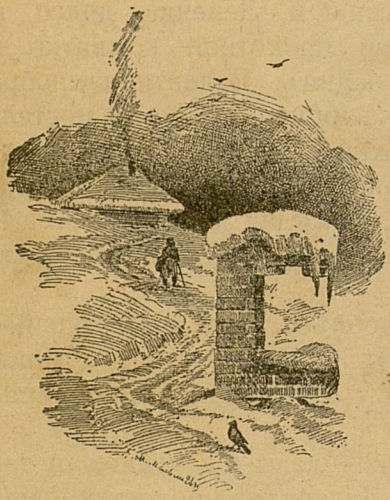
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

сонный голосъ Грани,—къ завтра латыни не готовилъ, вставать рано надо, а они трещатъ!

— Гранѣ вставать рано! Слышите?—озабоченно произнесла Марья Дмитріевна.—Спите съ Богомъ, дѣти, завтра наговоритесь!

Шепотъ прекратился. Дѣти улеглись...

Черезъ полчаса мирный храпъ наполнялъ всѣ уголки сѣраго домика.



V.

Скромный маленькій Василеостровскій театръ былъ набитъ биткомъ публикою. Этому способствовали отчасти и праздничный день, и дебютъ молодой актрисы, «Валентины Денисовны Лоранской», какъ гласила розовая афиша, наклеенная у входа. Преобладали по большей части студенты, курсистки, приказчики, изрѣдка мелькалъ скромный сюртукъ армейскаго офицера. Кое-гдѣ чернѣли въ своихъ форменныхъ курточкахъ гардемарины и кадеты морского корпуса. Все это непринужденно болтало и смѣялось, разсаживаясь по мѣстамъ и весело привѣтствуя знакомыхъ.

Десятка два медиковъ столпились около входа въ партеръ, окруживъ Павла Лоранскаго и нетерпѣливо поглядывая на сцену. Павлукъ казался озабоченнымъ. Онъ, видимо, волновался за сестру.

— Что, Володя,—поймалъ онъ за рукавъ шедшаго изъ-за кулисъ Кодынцева,—волнуется она?

— Ужъ и не говори!—махнулъ рукою тотъ.—Лелечка

меня уже въ аптеку за валерьянкой посылала. Ты-бы ей брома предъ театромъ далъ!

— Ну, вотъ еще вздоръ! Валентина и бромъ! Не вяжется какъ-то. И чего волнуется, какъ дѣвченка, право! Надо пойти...—и, пожавъ плечами, Павлукъ энергично двинулся за кулисы.

— Постороннимъ входъ воспрещается!—остановилъ его у самой двери внушительнаго вида сторожъ.

— Какіе такіе посторонніе! сестра моя тамъ!—завопилъ Лоранскій и, отстранивъ бдительнаго стража съ дороги, прошелъ за кулисы.

Валентина сидѣла передъ зеркаломъ въ отведенной для нея маленькой уборной, одѣтая въ ярко-красную шелковую кофточку, сшитую совмѣстными усиліями ея и Лелечки. Гладкая, съ небольшимъ треномъ, песочная юбка сидѣла на ней, какъ вылитая. Ради условій сцены нужно было загримироваться. Но Валентинѣ не хотѣлось портить красками лицо и она только провела тушью подъ глазами и усилила этимъ ихъ темную глубину, оставивъ блѣдными щеки. Но отъ этого гримма получилось нѣчто чужое въ красивомъ лицѣ. Этому способствовала не мало измѣненная прическа изъ ея высоко поднятыхъ густыхъ, черныхъ волосъ.

Павлукъ вошелъ и замеръ на порогѣ.

— Что ты? — проронила Валентина по адресу вошедшаго брата, устремившаго на нее восхищенный взоръ.

— Ахъ, шутъ возьми!—произнесъ онъ растерянно,— и Валька и не Валька какъ-будто! Ну, и типъ-же у тебя! Скажу безъ лести, братъ... молодчина!

— Правда? Правда?—полувопросительно, полуутвердительно произнесла Лелечка и, какъ дѣвочка, запрыгала на одномъ мѣстѣ и захлопала въ ладоши.

Валентина заглянула въ зеркало и по ея красивому лицу проскользнула самодовольная усмѣшка. Потомъ брови сдвинулись и она сказала озабоченно:

— У меня четвертый актъ не выходилъ на репетиціи! Непріятно.

— Брось, все какъ нельзя лучше выйдетъ! Ты не трусь только!

Въ этотъ мигъ Граня, появился на порогѣ уборной, съ великолѣпной палевой розой въ рукахъ.

— Это тебѣ отъ Володи! — произнесъ онъ торопливо.

— Ахъ, онъ милый!—произнесла Валентина и понюхавъ цвѣтокъ, приколола его къ груди.

Послышались первые звуки оркестра.

— Уходите, уходите!—накинулась Лелечка на братьевъ, шутливо выталкивая ихъ изъ уборной. — Валинъ выходъ изъ первыхъ. Спѣшите на мѣста, чтобы не пропустить ни одного словечка!

Молодые люди покорились со смѣхомъ, звучавшимъ, однако не совсѣмъ естественно: братья волновались за сестру, потому что маленькая семья Лоранскихъ билась однимъ пульсомъ и жила одними общими интересами.

На порогѣ они столкнулись съ высокимъ худымъ старичкомъ, трагикомъ труппы.

—А-а! — радостно протянула ему навстрѣчу руку Валентина.—Какъ я рада, что вы пришли!

— Я не могъ не придти, дѣтка!—произнесъ старый актеръ.—Я, какъ истинный жрецъ искусства, считаю своимъ долгомъ благословить каждую или каждаго, вновь вступающаго въ его священный храмъ. Я благословляю лишь талантливыхъ, Валентина Денисовна, потому что сцена и такъ ломится подъ напоромъ бездарностей, годныхъ быть ремесленниками, но не артистами. Благослови васъ Богъ, дѣтка!—произнесъ онъ торжественно.—Несите высоко знамя искусства, Валентина Денисовна, работайте, трудитесь, потомъ и кровью создавайте роли... Добивайтесь совершенства и Боже васъ упаси играть ради бездѣлья, скуки, ради выставки красоты и нарядовъ. Я первый тогда отвернусь отъ васъ, какъ теперь первый протягиваю къ вамъ благословляющую руку.

— Михайло Михайлычъ!—произнесла Валентина дрогнувшимъ голосомъ.—Сестра—свидѣтельница, — и она обняла Лелечку,—что я исполню ваше желаніе. Я вамъ даю эту клятву.

— Ну, тогда съ Богомъ!—и старикъ Сергѣевъ (фамилія трагика) съ отеческой нѣжностью перекрестилъ и и поцѣловалъ Валентину.

И Лелечка увидѣла нѣчто чего не видѣла никогда: прекрасные всегда спокойные глаза ея сестры были полны слезъ. Гордая, спокойная Валентина плакала впервые.

Въ этотъ вечеръ шла увлекательная захватывающая своимъ сюжетомъ драма одного изъ модныхъ писателей.

Плѣнительный, странный и загадочный характеръ героини вполнѣ отвѣчалъ даннымъ Валентины, и потому, когда послѣдняя, съ убитымъ горемъ лицомъ, вышла на сцену, узнавъ только что о раззореніи горячо любимаго отца по ходу пьесы, театръ встрѣтилъ молодую дѣвушку громкимъ взрывомъ рукоплесканій.

И Валентина какъ-то разомъ наэлектризовалась при первомъ-же звукѣ этого привѣтствія. Легкая краска естественнаго румянца, заиграла на лицѣ дѣвушки, оживляя его...

Лелечка, сидѣвшая въ третьемъ ряду креселъ, вся похолодѣла отъ ожиданія.

— Господи, Господи! вывези! Валюша, голубушка! — лепетала она беззвучно однѣми губами и поминутно взглядывала на своего сосѣда, Граню.

Окружающая публика съ удивленіемъ оглядывала рыженькую дѣвушку съ короткими кудрями и возбужденнымъ личикомъ.

— Родственница дебютантки!—снисходительно произнесъ какой-то студентъ позади кресла Лелечки.

— Сиди смирно, Лелька!—сердито буркнулъ Граня.—Что за охота срамиться: смотрятъ, вѣдь.

Но Лелечка притихла и безъ него, потому что Валентина заговорила.

И точно не Валентина заговорила, а кто-то другой, обладающій нѣжнымъ бархатистымъ контральто, съ чуть вибрирующими верхними нотами. По крайней-мѣрѣ, ни Лелечка, ни братья ея не подозрѣвали, что можетъ сдѣлать акустика театра съ красивымъ, звучнымъ голосомъ ихъ сестры.

И играла Валентина горячо, искренне, съ тѣмъ неуловимымъ отпечаткомъ индивидуальности, который такъ дорогъ въ каждомъ талантливомъ человѣкѣ.

Измученная до послѣдней степени своими заботами и печали, героиня пьесы достигла той. точки душевнаго отчаянія, когда остается одно—удалиться отъ міра и уйти въ монастырь. И это все движеніе души особенно ярко вылилось въ исполненіи Балентины.

Такъ именно передавала роль Валентина и это выходило прекрасно.

Публика неистовствовала, какъ можетъ только неистовствовать публика съ неиспорченнымъ вкусомъ и здоровыми требованіями: стучали каблуками, хлопали до мозолей на рукахъ, кричали до хрипоты. И Валентина выходила на авансцену въ какомъ-то сладкомъ дурманѣ, потрясенная и взволнованная и еще болѣе красивая въ этомъ несвойственномъ для нея волненіи.

Въ уборной ее уже ждали свои: Леля, Павелъ, Граня и Кодынцевъ.

Лелечка, лишь только вошла Валентина, бросилась ей на грудь со слезами, лепеча совсѣмъ по-дѣтски, растерянно и пылко:

— Милая! милая! Господи! какъ хорошо! Я плакала! Валечка! прелесть! восторгъ мой!

— Да ты и теперь плачешь, — насмѣшливо прищурился на нее Павлукъ и потомъ взялъ руку Валентины и галантно приложился къ ней, произнеся съ комической важностью:—моя великая сестра! пріими лобзанье твоего не великаго брата!

Кодынцевъ молчалъ. Но его сіяющіе глаза съ такимъ

краснорѣчивымъ восторгомъ были устремлены на лицо невѣсты, что Валентинѣ не надо было никакихъ изліяній съ его стороны: она и безъ нихъ видѣла, какъ гордъ и счастливъ ею ея Володя. И не только онъ, а и всѣ ея гордились ею, Валентиной; даже сдержанный Граня и тотъ не удержался отъ похвалы:

— Молодецъ! Жаль, что мамы нѣтъ въ театрѣ... А знаешь, — добавилъ онъ, слегка нахмурясь, — Вакулинъ здѣсь.

— Старикъ?

— Нѣтъ, молодой! Въ первомъ ряду сидитъ. Важно!

— Какъ онъ явился? Вѣдь, ты ему не послалъ билета,—взволновалась Валентина.

— Купилъ въ кассѣ, благо сіе не возбраняется—разсмѣялся Павелъ.—Да ну его! Не нравится онъ мнѣ что-то. И любезенъ онъ съ нами точно по нарочному. Точно всей своей вылуженной особой сказать хочетъ. Вотъ де, молъ, я какой: богачъ знатный, а вами не гнушаюсь бѣдняками компанію водить, и даже, какъ видите, любезенъ. Непріятный онъ господинъ, къ намъ не подходитъ... А вотъ еще гость къ тебѣ жалуетъ, Валентина,—добавилъ онъ весело.

Всѣ обернулись къ двери. На порогѣ ея стоялъ Сергѣевъ. Его лицо такъ и сіяло. Онъ протянулъ обѣ руки дебютанткѣ и голосъ его дрогнулъ, когда онъ произнесъ задушевно:

— Спасибо, дѣтка! Не обманулся въ тебѣ. Большая актриса изъ тебя выйдетъ. Только работать, работать, какъ батрачкѣ надо. Слышишь? Работать, какъ батрачкѣ, а играть, какъ богинѣ! Поняла? А то дядя Миша Сергѣевъ и знать тебя не захочетъ!

Радостная улыбка заиграла на гордомъ красивомъ лицѣ Валентины. Даже непріятное извѣстіе о присутствіи молодого Вакулина, переданное Граней, какъ-то разомъ стушевалось при этой похвалѣ строгаго ветерана сцены. Ей хотѣлось еще разъ подтвердить во всеуслышаніе, что от-

нынѣ становится вѣрной и чистой служительницей искусства, хотѣлось поблагодарить за участіе, за похвалы, хотѣлось расцѣловать Сергѣева, — и она ничего не могла ни говорить, ни сдѣлать, а только сіяла своими необыкновенными глазами, ставшими теперь прекрасными, какъ никогда, и оглядывала всѣ эти милыя, близкія ей лица съ такимъ радостнымъ торжествомъ, съ такимъ счастливымъ возбужденіемъ, что ея счастье передавалось и всѣмъ имъ. Веселый молодой смѣхъ особенно звонко звучалъ въ маленькой уборной и оборвался только тогда, когда раздался звукъ колокольчика, возвѣщавшаго объ окончаніи антракта. Молодежь поспѣшила въ партеръ, Сергѣевъ—къ себѣ въ уборную. Лелечка замедлила у порога и, когда всѣ скрылись за дверью, она порывисто обняла одной рукой старшую сестру, другой быстро перекрестила ее и птичкой выпорхнула за порогъ уборной.

Второй актъ подѣйствовалъ на публику еще болѣе сильно, нежели первый. Наэлектризованная общими похвалами Валентина, получившая уже нѣкоторый аппломбъ, благодаря шумнымъ овацiямъ послѣ перваго акта, играла еще съ большей увѣренностью и подъемомъ.

Когда она окончила свой монологъ среди акта, въ маленькомъ Василеостровскомъ театрѣ стало внезапно тихо-тихо, какъ въ могилѣ. Но только на минуту, на одну минуту,—потомъ оглушительный взрывъ апплодисментовъ наполнилъ, казалось, всѣ его уголки и закоулки.

Послѣдній актъ Валентина играла, какъ во снѣ, благо въ послѣднемъ актѣ не требовалось ни подъема, ни силы. Въ немъ, по ходу пьесы, героиня встрѣчаетъ, послѣ цѣлаго ряда горестей, неудачъ и борьбы съ нуждою, прекраснаго, добраго и великодушнаго человѣка, не принебрегшаго ея бѣдностью и предложившему выйти за него замужъ.

И Валентина блестяще закончила красивой и спокойно-лирической сценой свою роль.

Въ томъ-же блаженномъ снѣ, послѣ окончанія спек-

такля, она вышла, окруженная своими, на театральный подъѣздъ, гдѣ неистовствовала кучка особенно рьяныхъ поклонниковъ и поклонницъ, пріобрѣтенныхъ Лоранской въ этотъ вечеръ.

На улицѣ было темно и промозгло. Шелъ дождь. Лелечка торопила всѣхъ домой, гдѣ Марья Дмитріевна не рѣшившаяся ѣхать въ театръ, благодаря страшному волненію за дочь, ждала съ нетерпѣніемъ извѣстія о результатѣ дебюта. Но извозчики были всѣ расхватаны вышедшей заблаговременно публикой и ни одного не осталось для барышень Лоранскихъ. Наконецъ, Граня съ Павлукомъ, разыскали гдѣ-то у 16-й линіи соннаго «ваньку» и подъѣхали на немъ къ театру. Но тутъ Валентина энергично запротестовала. Ей, не остывшей еще отъ своего нервнаго возбужденія, не хотѣлось трусить на скучномъ «ванькѣ». Она предпочитала идти домой пѣшкомъ съ Кодынцевымъ.

— Да побойся Бога, вѣдь, дождь идетъ!—сокрушалась Лелечка.

— Не сахарная, не растаю!—усмѣхнулась Валентина и настояла на своемъ, по обыкновенію.

На извозчика усадили Лелечку и Граню. Павлукъ поспѣшилъ домой въ обществѣ трехъ приглашенныхъ имъ «на чаепитіе» товарищей медиковъ, въ томъ числѣ и Навадзе. Валентина раскрыла зонтикъ и, взявъ подъ руку жениха, двинулась по знакомому ей тротуару по направленію къ Гавани.

Не успѣли молодые люди сдѣлать и пяти шаговъ, какъ ихъ обогнала щегольская пролетка, съ сидящимъ въ ней молодымъ Вакулинымъ.

— Доброй ночи! — услышали они знакомый голосъ.

И Вакулинъ птицей промчался мимо нихъ.

На минуту нехорошее чувство зависти захватило Валентину.

— «Вѣдь вотъ, богатъ, знатенъ, на какихъ рысакахъ разъѣзжаетъ,—вихремъ промелькнуло у нея въ головѣ,—

а мы съ Лелечкой, Павлукомъ, Граней и моимъ Володей должны на конкахъ ѣздить и рѣдко, рѣдко въ видѣ исключенія позволять себѣ такую роскошь, какъ плохой извозчикъ. А между тѣмъ мы ничѣмъ не хуже и не глупѣе этого важнаго барина. Почему-же такъ несправедливо распорядилась судьба?!»

И въ ту же минуту она съ отвращеніемъ прогнала нелѣпую мысль.

— «Неблагодарная я, неблагодарная!—возмущенно укоряла себя Валентина.—Мнѣ-ли завидовать другимъ? Я-ли не избалована судьбою!»

«Какой успѣхъ былъ у меня сегодня! И дебютъ удачный, и въ театръ приняли и все такъ хорошо, отлично складывается. И мы съ Володей такъ любимъ другъ друга!»

— Ахъ, какъ я счастлива, милый, милый Володя!—неожиданно вырвалось изъ груди дѣвушки и она крѣпко пожала руку своего жениха.

Тотъ отвѣтилъ ей не менѣе крѣпкимъ пожатіемъ. И въ его сердцѣ цвѣла свѣтлая надежда на радостное, счастливое будущее. И въ то же время память подсказывала Кодынцеву то недалекое милое прошлое, тотъ чудный день, когда любимая дѣвушка отдала ему свою душу. Онъ давно любилъ Валентину. Любилъ еще въ ту пору отроческихъ лѣтъ, когда куцымъ гимназистикомъ бѣгалъ къ своему другу дѣтства Павлуку Лоранскому готовить съ нимъ совмѣстно уроки. Тогда уже высокая, стройная зеленоглазая дѣвочка заставляла какъ-то особенно биться и трепетать его отроческое сердчишко. Потомъ уже позднѣе, въ свою бытность студентомъ-универсантомъ, онъ посѣщалъ сѣрый домикъ часто-часто, благо онъ со старушкою-матерью жилъ по сосѣдству. Съ трогательнымъ участіемъ смотрѣлъ онъ на кончавшую гимназическій курсъ Валю, поклоняясь ей, какъ только рыцарь могъ поклоняться своей дамѣ, робко, съ полнымъ забвеніемъ самого себя. Старушка-мать одобряла эту чистую любовь ея

Володеньки; она чуть не съ пеленокъ знала сестеръ Лоранскихъ, и серьезная, спокойная Валентина вполнѣ отвѣчала требованіямъ старушки, хотя хлопотливая семейственная Лелечка, съ дѣтства проявлявшая всѣ способности рьяной семьянинки, какъ-то больше располагала въ свою пользу Екатерину Степановну Кодынцеву, нежели нѣсколько апатичная къ будничной обстановкѣ старшая сестра. Но ея «ненаглядный Володенька любилъ Валентину, а не Лелечку, а старушка привыкла уже благоговѣть предъ выборомъ своего единственнаго сына.

Кодынцевъ отлично помнилъ тотъ счастливый день, когда его до тѣхъ поръ молчаливая любовь къ Валентинѣ нашла, наконецъ, возможность высказаться передъ ней. Это было въ самой срединѣ мая, когда всѣ домики Галерной гавани буквально утопаютъ въ липовыхъ и яблоневыхъ цвѣтахъ, распространяющихъ вокругъ себя чудесный медвяный ароматъ. Онъ тогда уже ходилъ на службу около года и былъ отчасти обезпеченъ ею. Валентина, сама по себѣ, принадлежала къ разряду трудовыхъ дѣвушекъ, и потому Кодынцевъ рискнулъ заговорить съ ней о свадьбѣ.

Вышло это такъ неожиданно и хорошо.

Они читали автора, входившаго только что въ силу и умиленные красотой его твореній, сердцами слились въ одномъ общемъ восторгѣ передъ захватившей ихъ красотой. И сердце Кодынцева забилось еще сильнѣе, когда, отбросивъ книгу на скамью, на которой они сидѣли, закрытые вѣтвями развѣсистой яблони, осыпавшей ихъ, какъ снѣгомъ, своими бѣлыми лепестками, онъ взволнованно сказалъ:

— Я люблю васъ, Валентина!.. давно люблю. Хотите быть моей женой?

Она не вспыхнула, не измѣнилась въ лицѣ. Она, казалось, преждевременно знала, что такъ должно было случиться. И такъ же простъ и ясенъ былъ ея отвѣтъ, когда она произнесла спокойно:

— Да, Володя, потому что я тоже люблю васъ.

И потомъ началось счастье, въ которое даже вѣрить боялся Кодынцевъ. Правда, бывали минуты страха за будущее. Страшно было подвергнуть любимую дѣвушку какимъ бы то ни было лишеніямъ. Ему хотѣлось окружить Валентину богатствомъ, и такъ какъ этого было нельзя, заработокъ молодого человѣка былъ еще слишкомъ скроменъ, то Кодынцевъ омрачался невольно, негодуя на свою «бѣдность». Но отъ малѣйшей ласковой улыбки его невѣсты, въ немъ снова расцвѣтало счастье и снова, какъ и сейчасъ припоминались цвѣтущій май, бѣлая какъ невѣста подъ вѣнчальною фатою яблоня и красивая, стройная дѣвушка, такъ довѣрчиво и просто отдавшая ему свою руку на цѣлую жизнь.

Эти думы о недавнемъ прошломъ и сейчасъ овладѣли мыслями и сердцемъ Владимира Владимировича. Валентина, его талантливая прекрасная Валентина, только что приведшая въ восторгъ весь театръ, принадлежала ему, ему одному! Она—его невѣста, его будущая жена. Кодынцевъ почти задыхался при одной думѣ объ этомъ счастьѣ и все крѣпче и крѣпче прижималъ къ себѣ руку Вали, довѣрчиво покоившуюся на его рукѣ. А дѣвушка и не подозрѣвая его мыслей, говорила, говорила безъ умолку:

— Ты радъ за меня, не правда-ли, Володя? А мама-то какъ рада будетъ, подумай! Тридцать рублей потеряли, а семьдесять пять пріобрѣли. И не скучнымъ, непріятнымъ занятіемъ у брюзги-старика, а свободнымъ, вольнымъ, любимымъ! Ахъ, какъ хорошо! «Работай, какъ батрачка, а играй, какъ богиня!»—сказалъ Сергѣевъ нынче. Прекрасно онъ это сказалъ, Володя! Да, именно, «какъ богиня!» Чтобы эта усидчивая работа батрачки была незамѣтна для глазъ публики. И тогда это будетъ хорошо! Чудесно! Думалъ-ли ты, Володя, когда-нибудь, что твоя жена будетъ настоящею актрисою?

— Милая!—могъ только произнести Кодынцевъ.

Теперь они уже не шли впередъ, а стояли другъ

противъ друга на панели, молодые, счастливые, улыбаясь другъ другу радостною улыбкою, не замѣчая дождя и вѣтра.

И вдругъ нежданный звукъ, протяжный и страшный, похожій на стонъ какого-то невѣдомаго чудовища, потрясъ воздухъ и, прокатившись надъ проспектомъ, замеръ на дальней окраинѣ города.

Валентина вскрикнула, пошатнулась и лицо ея изъ возбужденнаго, розоваго разомъ сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ.

— Что ты?—поддерживая ее, произнесъ Кодынцевъ.—Это—сирена... морская сирена. Успокойся, дорогая!

— Д... да!.. морская сирена! — какъ-то машинально произнесла она упавшимъ голосомъ. — Я! Тамъ гибнетъ судно, должно быть,—помолчавъ немного, добавила она.—Тамъ несчастье... Какой ужасъ!

— Да ужасъ, потому что врядъ-ли имъ кто-нибудь поможетъ въ эту бурную ночь. Какъ странно, одни люди сч глизы другіе гибнутъ, въ то же самое время.

И они оба затихли и присмирѣли сразу.

— Добраться-бы скорѣй домой и мигомъ ложись спать. Не сиди съ гостями, ты такъ утомлена, — послѣ долгой паузы произнесъ Кодынцевъ.

— Не буду! Мнѣ завтра на репетицію надо,—согласилась Валентина и теперь печально смотрѣли, за нѣсколько минутъ до этого ея оживленные глаза.

Ужасное сознаніе, что въ бушующемъ заливѣ гибнетъ судно и крикомъ сирены взываетъ о помощи, потрясло молодыхъ людей. Отъ ихъ недавняго оживленія не осталось и помину.

Дома всѣ были взволнованы въ ожиданіи ихъ.

Марья Дмитріевна крѣпко расцѣловала Валентину, гости выпили за ея новую карьеру, и дѣвушка ушла къ себѣ.

Но спать она не легла. Ей хотѣлось только уединенія, покоя. Вся душа ея еще трепетала каждымъ фибромъ, то переживая сегодняшній успѣхъ, то томилась воспоминаніемъ о погибающемъ суднѣ. Она подошла къ окну. Заливъ пѣнился и шумѣлъ. Волны съ упорной настойчи-

востью наскакивали на отлогій берегъ, подхлестываемыя вѣтромъ. Что-то угрожающее и роковое было въ картинѣ разсвирѣпѣвшей стихіи. Валентина, стоя у окна и не отрывая отъ моря глазъ, продекламировала негромко, но съ экспрессіей:

«Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ увѣсистыхъ громадъ,
Бурѣ гласъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ...»

— Что это я?—остановила самое себя молодая дѣвушка съ улыбкой.—Терекъ, а властное, жуткое чудовище... измѣнчивая и роковая стихія, приносящая столько горя людямъ... Это—судьба... Судьба и море, море и судьба! Не одно-ли это цѣлое? Двѣ сродныя стихіи! Однако, философію въ сторону! Надо лечь и постараться уснуть.

И, отойдя отъ окна, молодая дѣвушка стала медленно раздѣваться.

VI.

На репетицію на другой день Валентина не попала; какъ и не сомкнула всю ночь глазъ вмѣстѣ со всѣми остальными жителями гавани. Ровно въ два часа ночи раздался надъ спящимъ Петербургомъ залпъ пушекъ,

возвѣщающій о наводненіи. По первому залпу жители нижнихъ этажей должны были перебираться въ верхніе, и началась невообразимая суматоха по всѣмъ раіонамъ мирной въ обычное время окраины. Изъ нижняго этажа перетаскивали вещи въ верхній, если таковой находился въ маленькихъ, по большей части, домикахъ; если-же нѣтъ, размѣщались у ближнихъ сосѣдей, знакомыхъ и незнакомыхъ, благо несчастье сближало людей... Во время наводненія всѣ жизни маленькой Галерной гавани бились, казалось, однимъ общимъ пульсомъ.

Семья Лоранскихъ перебралась въ верхній этажъ къ жильцамъ, снимавшимъ у нихъ двѣ маленькія комнатки антресолей. Старичекъ-капитанъ въ отставкѣ, маленькій старосвѣтскій человѣчекъ въ военномъ сюртукѣ съ поперечными погонами, и его невзрачная толстушка-жена, съ утинымъ носомъ, не знали, какъ принять и куда посадить хозяекъ, къ которымъ они очень благоволили.

Скоро присоединились къ нимъ и Кодынцевы, мать съ сыномъ, не имѣвшіе у себя дома пристанища, въ видѣ верхняго этажа. Къ тремъ часамъ раздался второй залпъ. Вода выступила изъ береговъ и медленно текущей темной лавой поползла по улицамъ, покрывая своей пеленою всѣ площади, улицы и переулки Гавани. Она прибывала не часами, а минутами, и жутко было смотрѣть, какъ эта сверкающая при легкомъ освѣщеніи фонарей темная лава бѣжала все впередъ и впередъ, словно живая, гонясь и настигая кого-то. Вѣтеръ рябилъ и гналъ эту темную непроницаемую массу воды, наводнившую Гавань и завшуюся цѣлымъ моремъ изъ оконъ сѣраго дом Изъ нижняго этажа поспѣшно перетаскивали узлы платьями, бѣлье и болѣе хрупкія вещи, боявшіяся сырости. Марья Дмитріевна сокрушенно вздыхала, мысленно подсчитывая убытокъ, приносимый каждый разъ такимъ наводненіемъ.

Валентина, Лелечка съ братьями и Кодынцевымъ помогали Θеклѣ таскать вещи снизу. Потомъ, когда уже пере-

носить было нечего и внизу, кромѣ громоздкихъ вещей, ничего не оставалось, Павелъ Лоранскій велѣлъ сторожу Тарасу, служившему сразу при четырехъ домахъ въ качествѣ дворника, готовить лодку.

Марья Дмитріевна вздрогнула и перекрестилась: она знала, что означало это приказаніе; она знала, что ея отважные сыновья съ прочей молодежью, когда вода поднимается до уровня первыхъ этажей, поѣдутъ помогать спасаться тѣмъ, кто не успѣлъ спасти себя и имущество. И каждый разъ, когда Павлукъ отдавалъ это приказаніе Тарасу, сердце бѣдной женщины сжималось отъ боли. И все-же у нея не хватало духа остановить ихъ, умолять не подвергаться опасности.

Павлукъ, Граня и Кодынцевъ уѣхали. Старый капитанъ присоединился къ нимъ. Въ сѣромъ домикѣ остались однѣ женщины. Онѣ сошлись въ тѣсный кружокъ и говорили шепотомъ. Изрѣдка съ моря долетали до нихъ протяжный и жуткій звукъ ревущій сирены да плескъ воды, поднимавшейся все выше и выше съ каждой минутой.

Валентина зябко куталась въ платокъ и, приткнувшись у окна, смотрѣла въ бушующую стихію, прямо въ море, зловѣще вздымающее свои тяжелыя волны. Слабые отблески набережныхъ фонарей позволяли ей видѣть бушующую стихію. И Валентина безъ всякаго волненія и страха смотрѣла на нее. Ей за ея еще коротенькую молодую жизнь пришлось видѣть не разъ подобныя передряги. Ей было только страшно за другихъ, близкихъ и чужихъ, находящихся сейчасъ за стѣной дома.

А три старушки, оживленно шептались на животрепещущую тему о наводненіи. Онѣ всѣ были тамъ, на затопленныхъ гаванскихъ улицахъ въ небольшомъ ящикѣ съ четырьмя отважными пловцами. И Лелечка, присоединившаяся къ ихъ кружку, поминутно вздрагивала при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра, набожно крестилась и шептала:

— Господи, сохрани! Господи, не попусти!

Уже при первомъ брезженьѣ разсвѣта, когда прояснилась черная полоса неба и воды и подъ вліяніемъ осенняго утра приняла мутный, сѣрый оттѣнокъ, домикъ Лоранскихъ весь содрогнулся отъ неожиданнаго толчка.

Женщины разомъ вскочили съ мѣстъ и устремились къ двери, за которой слышались громкіе голоса и тяжелое хлюпанье ногъ по водѣ.

— Г-жа Лоранская здѣсь?—послышался чей-то запыхавшійся голосъ.—Валентина Денисовна Лоранская?

— Я!—откликнулась Валентина и открыла дверь.

На лѣстницѣ стояла высокая фигура въ непромокаемомъ плащѣ, съ наброшеннымъ поверхъ шляпы такимъ-же капюшономъ. Вода текла по клеенкѣ и медленными тяжелыми каплями скатывалась внизъ.

— Валентина Денисовна!—произнесъ дрожащимъ голосомъ пришедшій,—простите, что вторично непрошенно являюсь къ вамъ. Съ моимъ отцомъ случилось несчастье. Онъ спасалъ отъ наводненія сосѣдей и получилъ смертельный ушибъ головы. Старикъ при смерти и очень проситъ васъ къ себѣ. Надѣюсь, вы не откажете умирающему, какъ нѣкогда отказали здоровому.

Вакулинъ сбросилъ съ головы капюшонъ и стоялъ теперь передъ Валентиной, блѣдной отъ пережитаго волненія, съ дрожащими губами на такъ недавно еще гордомъ, самодовольномъ лицѣ.

Валентина смотрѣла теперь въ это взволнованное лицо и не ощущала уже больше недавней непріязни къ молодому человѣку.

Оно совершенно исчезло изъ сердца дѣвушки, добраго и отзывчиваго по натурѣ, при видѣ чужого горя.

Она задумалась на минуту. Предъ ея мысленнымъ взоромъ промелькнуло недовольное, брезгливое лицо, непроницаемые глаза подъ дымчатыми стеклами, вся фигура Вакулина-отца, никогда, однако, не возбуждавшаго въ ней ни гнѣва, ни отвращенія, а тѣшившаго ее скорѣе

своими чудачествами, — и она отвѣтила ожидавшему ея отвѣта молодому человѣку:

— Я согласна. Ѣдемъ.

— Я на лодкѣ съ двумя гребцами,—проговорилъ онъ отрывисто.—Иначе не проберемся. Такимъ-же способомъ пришлось доставить и доктора къ отцу. Но не бойтесь, безопасно вполнѣ. Уже свѣтаетъ.

И, прежде чѣмъ Валентина могла опомниться, онъ схватилъ ея руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Валечка!—побереги себя, родная!—напутствовала дочь Марья Дмитріевна, суетливо застегивая на ней драповую кофточку и обвязывая голову и грудь молодой дѣвушки большимъ чернымъ платкомъ.—Ужъ, вы, бытюшка, мнѣ ее обратно предоставьте!—чуть-ли не со слезами просила она Вакулина.

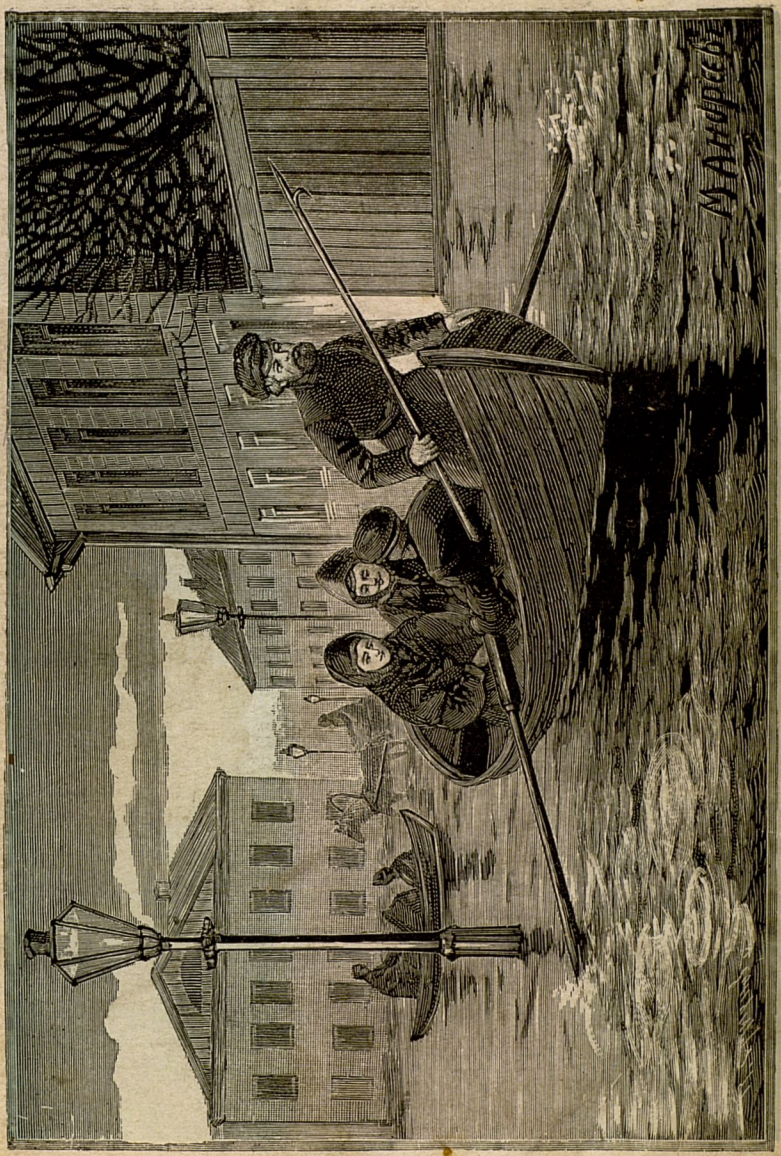
— Будьте покойны. Что-бы ни было, Валентина Денисовна сегодня будетъ здѣсь... что-бы ни было!—умышленно подчеркнулъ онъ и скрылся за дверью слѣдомъ за молодой дѣвушкой.

А буря бушевала и злобствовала попрежнему. Весь дворикъ и садъ сѣраго домика и окружающія улицы представляли изъ себя одно сплошное водное пространство. Торчащіе изъ него дома и деревья казались частыми островками самыхъ разнообразныхъ и прихотливыхъ формъ. Что-то таинственно-жуткое было въ этой безпредѣльности водной стихіи, сливавшейся воедино съ другой стихіей, еще болѣе страшной въ своей рокочущей бурливости.

У крыльца Лоранскихъ, т. е., на томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть крыльцо, затопленное теперь водою, покачивалась лодка съ двумя дюжими парнями; въ одномъ изъ нихъ Валентина узнала кучера Вакулиныхъ.

— Садитесь скорѣе, не то оторветъ,—командовалъ Тарасъ, стоя по-поясъ въ водѣ и силясь удержать яликъ за веревку.

— Васъ придется перенести!—тихо сказалъ Вакулинъ своей спутницѣ:—иначе вы не попадете въ лодку.



Семья Лоранскихъ. (Стр. 51).

И, прежде чѣмъ Валентина могла отвѣтить, онъ легко приподнялъ ее съ лѣстницы и передалъ одному изъ сидѣвшихъ въ лодкѣ парней. Дѣвушка помѣстилась на кормѣ и обѣими руками ухватилась за края ялика.

Юрій Юрьевичъ ловко перепрыгнулъ туда-же. Лодка усиленно закачалась. Тарасъ опустилъ веревку, и они поплыли.

Вода впереди, вода сзади, вода съ боковъ,—вотъ все, что окружало теперь Валентину. Въ этой водѣ теперь барахтались лошади, пролетки, ялики, люди... Слышались крики, зовъ о помощи... И надъ всей этой тяжелой, безотрадной картиной занимался скупой, чахлый разсвѣтъ октябрьскаго тусклаго утра. Навстрѣчу имъ попадались такія-же лодки, доверха нагруженныя дѣтьми, женщинами, домашнимъ скарбомъ.

Лоранская закуталась въ платокъ и старалась не смотрѣть на бушующую стихію. Сладкая дремота сковывала ея вѣки и туманила голову, глаза слипались сами-собой подъ шумъ бури, укачивающей ее.

— Вамъ холодно? Вы дрожите?—услышала она надъ собою голосъ Юрія Вакулина.

Она отвѣтила кивкомъ головы. Ей хотѣлось спать, но пронизывающій сыростью вѣтеръ разгонялъ дремоту. Голова тяжелѣла съ каждой секундой, а тяжелая истома сковывала члены.

— Валентина Денисовна,—слышала она снова голосъ своего спутника и, преодолѣвъ дремоту, открыла глаза,—не спите, въ такое ненастье нельзя спать: скорѣе простудитесь.

— Что съ вашимъ отцомъ? — спросила она черезъ силу.—Можетъ быть есть еще надежда на выздоровленіе?

— Надежды нѣтъ! — произнесъ онъ глухо, — иначе я не потревожилъ-бы васъ при такихъ обстоятельствахъ, рискуя подвергнуть заболѣванію, простудѣ... По крайней мѣрѣ, такъ сказалъ докторъ.

— Доктора часто ошибаются, а впрочемъ... отъ судьбы не уйдешь!—произнесла она тихо и тутъ-же подумала:

*

«Какъ это пошло, все то, что я говорю въ такую минуту».

И они снова замолкли.

— Вы дивно играли сегодня, — произнесъ Вакулинъ послѣ продолжительной паузы раздумья.

— А вы и не подозрѣвали, что простенькая бѣдная дѣвушка, гаванская уроженка можетъ оказаться талантливой?—усмѣхнулась Валентина.

— Вы не поняли меня,—произнесъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.—Вѣрьте мнѣ, что съ перваго взгляда на васъ, я понялъ, что вы необыкновенная одухотворенная натура и мнѣ стало жаль васъ.

— Но почему-же жаль?—удивилась она.

— Да, потому, Валентина Денисовна, не сердитесь на меня, это не для васъ. Вашъ талантъ заѣстъ скромная обстановка, семья, будничные интересы погубятъ его, не давъ ему расцвѣсть.

— О, нѣтъ!—горячо вырвалось у нея.

И вдругъ ей пришла внезапно въ голову мысль, какъ несвоевременъ ея разговоръ объ ея личныхъ дѣлахъ съ человѣкомъ, у котораго умираетъ отецъ и она смущенно замолкла.

Юрій Юрьевичъ точно отгадалъ мысли своей молодой спутницы.

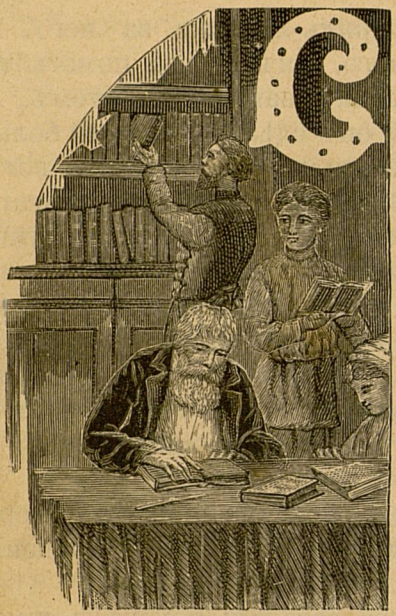
— Простите, что не поддерживаю нашего разговора съ вами,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—но безнадежное состояніе отца очень удручаетъ меня, Валентина Денисовна. Мы мало сходились съ нимъ въ понятіяхъ, во-взглядахъ. Отецъ представляетъ изъ себя странный типъ—чудака и оригинала, но при всемъ томъ онъ—прекрасный человѣкъ по натурѣ, добрый, отзывчивый, хотя по виду брюзга и эгоистъ. Люди сдѣлали ему много зла, онъ давно извѣрился въ ихъ порядочность. Но онъ никому ничего не сдѣлалъ, кромѣ добра, и совѣсть его чиста, какъ совѣсть ребенка. Сегодняшній поступокъ, спасеніе бѣдняковъ собственными силами, по

собственному желанію, не говоритъ-ли уже за него? А такихъ случаевъ было много-много. Онъ всегда помогалъ, помогалъ втайнѣ и сердился, когда узнавали отъ этомъ. А сегодня... Ужасно подумать, что онъ сдѣлалъ, слабый больной старикъ. Онъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ Францемъ и вотъ этими молодцами въ этомъ-же яликѣ отправился спасать погибающихъ... И самъ работалъ наравнѣ съ сильными, здоровыми мужиками... И вдругъ наткнулась лодка на что-то и онъ проломилъ себѣ голову въ темнотѣ о шальную балку. Какой ужасъ! Не правдали-ли, Валентина Денисовна? Я большой эгоистъ, но отца люблю, люблю сильно и мнѣ страшно подумать потерять его, — и при послѣднихъ словахъ Вакулинъ закрылъ лицо рукою и погрузился въ задумчивость.

А Валентина сидѣла въ тихо покачивающейся теперь лодкѣ (вода здѣсь едва доходила до колѣнъ и волненіе было значительно меньше) и думала:

„Какъ странно все случилось сегодня: и успѣхъ и наводненіе, и этотъ Вакулинъ, казавшійся ей такимъ антипатичнымъ въ его первый визитъ, а теперь такъ просто высказывавшійся въ своемъ горѣ предъ ней, чужой ему дѣвушкой“.

И снова сладкая истома сна охватила Валентину. Она прикрыла лицо шалью и безсильно отдалась побѣдившей ее дремотѣ.



VII.

Сильный толчекъ отрезвилъ Лоранскую.

Попрежнему полусвѣтъ утра боролся съ полутьмой ночи. Лодка стояла. Молодая дѣвушка узнала фасадъ знакомаго мрачнаго дома, куда ежедневно спѣшила она въ продолженіе цѣлаго года на свои обычныя занятія лектрисы.

— Пріѣхали! — услышала она надъ ухомъ голосъ Вакулина. — Позвольте, я вамъ помогу.

Онъ протянулъ руки. Валентина привстала со своего мѣста, но затекшія въ неудобномъ положеніи ноги плохо повиновались ей. Она пошатнулась и почти упала на скамью. Тогда Вакулинъ приподнялъ дѣвушку, и, перешагнувъ бортъ ялика вмѣстѣ съ нею, поставилъ ее на верхнюю ступеньку крыльца, не залитаго водою.

Въ дверяхъ ихъ встрѣтилъ Францъ съ фонаремъ.

Во всѣхъ окнахъ виднѣлся свѣтъ и за сторами мелькали тѣни снующихъ по комнатамъ людей.

— Слава Богу, пріѣхали! — радостно произнесъ старый лакей. — Баринъ очень безпокоились все время.

И онъ повелъ ихъ по хорошо знакомой Валентинѣ лѣстницѣ на площадку, въ старомодную гостинную, съ тяжелой допотопной мебелью.

— Онъ лежитъ въ кабинетѣ, — произнесъ шепотомъ Вакулинъ и сталъ помогать дѣвушкѣ раскутывать ея платокъ.

Дверь въ кабинетъ была плотно прикрыта, но, несмотря на это, Валентина ясно разслышала стоны за ней.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ кабинета вышелъ ма-

ленькій плотный господинъ съ бритымъ, какъ у актера лицомъ.

— Ну, что, докторъ?—кинулся къ нему Вакулинъ.

— Плохо! — отвѣтилъ тотъ. — Обнадеживать было-бы крайне не тактично съ моей стороны. Врядъ-ли онъ доживетъ до завтра.

— Можно этой молодой особѣ, пройти къ нему? — спросилъ снова Юрій Юрьевичъ, указывая глазами на Лоранскую.

— Безъ сомнѣнія. Только поменьше разговора. Надо, насколько можно, постараться облегчить агонію, — и, поклонившись молодой дѣвушкѣ, онъ пожалъ руку хозяину и вышелъ.

— Пройдите къ нему, Валентина Денисовна!—попросилъ Вакулинъ и, открывъ дверь кабинета, пропустилъ ее впередъ.

Первымъ, что бросилось въ глаза Лоранской, была большая тяжелая постель, выдвинутая на середину комнаты, и забинтованная голова человѣка съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, покоившаяся на подушкѣ. Лицо его такъ страшно перемѣнилось за послѣдніе часы страданій, что Валентина едва узнала Юрія Викентьевича Вакулина. На головѣ лежалъ пузырь со льдомъ, казавшійся громаднымъ въ сравненіи съ этимъ высохшимъ старческимъ лицомъ. Обычныхъ дымчатыхъ очковъ не было на глазахъ старика и прямо навстрѣчу приближающейся дѣвушкѣ смотрѣли два ярко горящіе глаза со страннымъ для больного выраженіемъ тупого упрямства и досады. А губы улыбались безпомощной, почти дѣтской улыбкой.

— Ахъ! это ты! Наконецъ-то! — разслышала она задавленный хриплый шепотъ старика,—я зналъ, что ты придешь за мной, Серафимочка!.. Я зналъ, что ты придешь! Ну, и хорошо! ну, и хорошо! Останься, посиди со мною..

— Онъ принимаетъ васъ за мою сестру,—тихо произнесъ Юрій Юрьевичъ, наклоняясь къ уху пораженной Валентины.

Потомъ онъ нѣжно склонился къ больному и произ-

несъ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ съ дѣтьми:

— Папаша, ты ошибся, это Валентина Денисовна Лоранская пришла навѣстить тебя. Помнишь, ты просилъ меня съѣздить за нею? Я и привезъ ее къ тебѣ.

— А что ты понимаешь?—заволновался старикъ, и глаза его блеснули безумнымъ огонькомъ.—Всѣ—онѣ—Серафимы... и та, и всѣ... всѣ... весь міръ... вся вселенная. Вѣдь, ты—Серафима?—обратился онъ неожиданно къ Валентинѣ, стоявшей у его постели.

— Серафима,—потерявшись, отвѣчала дѣвушка.

— Это хорошо! Это чудо, какъ хорошо, что ты вернулась ко мнѣ! Ты опять будешь читать мнѣ Спенсера. И не уходи отъ меня, доченька, не уходи, родная моя!

— Не уйду!—произнесла Валентина, не желая раздражать больного.

— Я зналъ, что не уйдешь, я зналъ. Зачѣмъ тебѣ уйти, Серафимочка, ангелъ ты мой! Разскажи мнѣ какъ тебѣ живется тамъ, на небѣ? Не скучаешь-ли ты по твоемъ старомъ отцѣ?

Тутъ онъ началъ метаться, бредить. Безсвязный лепетъ срывался съ его устъ.

— Вода! Вода!—кричалъ онъ въ какомъ-то изступленіи.—Возьмите ее, возьмите... Сюда! сюда! на помощь... Тамъ дитя... ребенокъ... Скорѣе, скорѣе! Онъ захлебнется! Причаливай!

Наконецъ больной затихъ, пересталъ стонать и, казалось, забылся, не выпуская, однако, руки Валентины изъ своей сухой горячей руки.

Лоранская видѣла, какъ изрѣдка пробѣгали судороги по его изможденному лицу, какъ посинѣвшія губы силились произнести что-то. Она быстро наклонилась къ умирающему, и странныя слова бреда донеслись явственно до ея слуха:

— Зачѣмъ ты ушла снова, Серафимочка? Я такъ ждалъ, я такъ долго ждалъ тебя! Все время ждалъ! А ты при-

шла и опять ушла! Чего тебѣ не достаетъ у твоего стараго папы?! Ахъ ты права, тамъ тебѣ лучше! Тамъ ангелы и райскіе сады... И ты среди нихъ, моя доченька, крошка моя дорогая...

— Послушай,—залепеталъ онъ, послѣ минутной паузы, снова, — ты должна исполнить мою просьбу, Серафима, потому что желаніе умирающаго должно быть свято для живущихъ,—и глаза его страшно сверкнули на изможденномъ отъ страданій лицѣ. Они, казалось, впивались въ самыя нѣдра души Валентины своимъ острымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

Дѣвушка невольно отшатнулась и выдернула руку изъ руки больного.

— Что вы дѣлаете? — съ ужасомъ въ голосѣ остановилъ ее молодой Вакулинъ.—Вы губите его! Я знаю это желаніе отца. Его исполненіе вполнѣ въ вашихъ силахъ и ни въ коемъ случаѣ не повредитъ ни вамъ, ни вашимъ близкимъ. Согласитесь! Ради умирающаго согласитесь на него!

— Хорошо, я исполню все, что вы хотите!—произнесла Валентина, обернувшись лицомъ къ больному, но онъ уже снова не понималъ дѣйствительности, бредилъ водою, домами и балкою, ударившей его по головѣ.

Вскорѣ затѣмъ началась агонія. По совѣту Юрія Вакулина, Валентина ушла въ гостиную и прилегла тамъ на отоманкѣ. И, только усталая голова молодой дѣвушки добралась до мягкаго валика дивана, тяжелая дремота подкралась къ ней и сковала всѣ ея члены.

Странный сонъ приснился Валентинѣ. Ей казалось, что она плыветъ въ томъ-же яликѣ, но не по затопленнымъ наводненіемъ улицамъ Гавани, а по какому-то громадному бушующему океану, безъ малѣйшихъ признаковъ земли и острововъ: волны съ ревомъ вздымаются вокругъ утлой лодченки, подбрасывая ее, какъ щепку, и грозя каждую минуту разломать въ куски. Валентина ѣдетъ не одна. Однако, она не могла припомнить и понять во снѣ, кто

былъ ея спутникъ. Изъ подъ сѣраго надвинутаго капюшона нестерпимо сіяли ей его огненные глаза. Блѣдное лицо, знакомое и незнакомое въ одно и то-же время, гипнотизировало ее этими огненными глазами.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила съ трепетомъ молодая дѣвушка.

И до-нельзя знакомый голосъ отвѣчалъ ей:

— Въ страну золота и счастья.

— Но я хочу домой!—вскричала Валентина.—Пустите меня домой!

— Этого нельзя!—холодно усмѣхнулся незнакомецъ.—Ты сама—жительница золотой страны и тебѣ нечего дѣлать въ сѣрой обстановкѣ будничнаго міра. Взгляни! Неужели тебя тянетъ туда?

Лоранская оглянулась назадъ по направленію его руки и увидѣла свою маленькую Гавань. По берегу метались, простирая къ ней руки, ея мать, братья, Лелечка, Кодынцевъ... Они кричали ей что-то, пересиливая голосъ вѣтра, и манили ее обратно къ себѣ. Но ея спутникъ держалъ ее за руки, тихо, зло смѣялся и говорилъ:

— Вѣдь, ты—Серафима? Вѣдь, ты—золотая Серафима? Останься здѣсь! Я дамъ тебѣ золотое счастье. Потому что я одинъ могу тебѣ дать счастье, котораго жаждетъ твоя душа.

А впереди нея изъ воды выростали, какъ въ сказкѣ, красивые дома, залитые свѣтомъ, съ ярко освѣщенными также сказочными, по роскоши убранства, комнатами. И внезапно все прежнее близкое отошло куда-то далеко-далеко... Что-то влекло Валентину теперь туда, впередъ, по направленію этихъ домовъ. Вотъ они близко-близко... Вотъ уже не слышно больше голосовъ призыва съ берега. Высокій мутный валъ поднялся между нимъ и яликомъ и сдѣлалъ невидимымъ для взоровъ Валентины все, что не касалось золотой страны, въ которую она вступала.

Дѣвушка вздрогнула и проснулась. Въ комнатѣ были подняты сторы, и промозглое, гнилое утро смотрѣло въ

комнату. За окнами слышалась брань дворниковъ, усердно работавшихъ послѣ наводненія. Около нея стоялъ Вакулинъ. По его блѣдному, усталому отъ волненія и безсонницы лицу было видно, какъ онъ страдаетъ.

— Валентина Денисовна.—услышала его измученный голосъ,— отецъ мой только что скончался. Онъ звалъ васъ, но я не рѣшился васъ будить и тревожить, тѣмъ болѣе, что скоро онъ впалъ снова въ безпамятство. Вотъ это онъ просилъ передать вамъ, когда умретъ. Вы дали слово исполнить его желаніе,—и Юрій Юрьевичъ протянулъ ей конвертъ большого формата съ фамильною печатью старика Вакулина.

— Что это?—удивилась Валентина.

— Здѣсь пять тысячъ, подарокъ моего отца вамъ въ память вашихъ усердныхъ занятій съ нимъ въ продолженіе года. Мой отецъ зналъ, что вы, съ вашей гордостью, не возьмете большей суммы, и, несмотря на свое крупное богатство, удѣлилъ вамъ только это.

Валентина вспыхнула.

„Ничтожная сумма!.. О! для нихъ, богачей, она кажется ничтожной, но для нея, не имѣвшей никогда въ рукахъ болѣе тридцати рублей, эти деньги казались феноменальнымъ богатствомъ... Вотъ она, золотая страна!—подумала она.—Сонъ сбывается не на шутку“,—и произнесла вслухъ:

— Юрій Юрьевичъ! я никогда не взяла-бы этихъ денегъ, если-бы вашъ покойный отецъ не обязалъ меня словомъ. Это—огромный подарокъ, я не стою его.

— Пустяки!—произнесъ Вакулинъ.—Для отца, повторяю, эта сумма слишкомъ ничтожна. Даже Францъ получитъ вдвое больше по завѣщанію. Но то лакей Францъ, а то вы, человѣкъ, услаждавшій своимъ присутствіемъ его сиротство въ этотъ послѣдній годъ. Отецъ не хотѣлъ включать эту маленькую сумму въ свое завѣщаніе, и взялъ ее изъ обиходныхъ суммъ, приказавъ мнѣ передать ее вамъ...

Валентина не слышала, казалось, послѣднихъ словъ

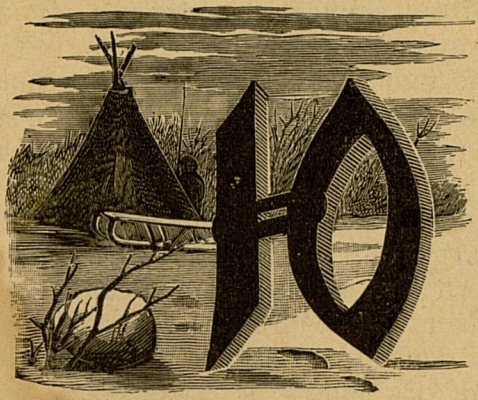
Вакулина. Она машинально приняла пакетъ изъ его рукъ и сунула его въ карманъ платья.

«Вы услаждали послѣдній годъ его сиротства»,—звенѣло и переливалось въ ея ушахъ на тысячу ладовъ.

А она-то? Хорошо услажденіе? Она безжалостно бросила больного стараго человѣка, не желая выносить его безвредныя чудачества! Она видѣла въ этомъ стѣсненіе своей свободы, торжество богатаго надъ бѣднымъ, сильнаго надъ слабымъ. О! какъ она была жестока и несправедлива! Какъ она не понимала его!

— Послушайте,—обратилась она къ Вакулину,— скажите, вашъ отецъ отдалъ вамъ эти деньги послѣ катастрофы, да?

— О, нѣтъ!—Въ тотъ-же вечеръ, когда я вернулся отъ васъ послѣ моей неудавшейся депутаціи, онъ долго говорилъ со мною объ одной необыкновенной дѣвушкѣ, рѣшившейся ради сохраненія своихъ принциповъ отказаться отъ выгоднаго заработка. Онъ восторгался ею и ея неподкупностью, хотя и подтрунивалъ надъ нею. И, должно быть, тогда-же у него и созрѣло это рѣшеніе, потому, что на другой день онъ далъ мнѣ эти деньги для передачи вамъ послѣ его смерти. Очевидно, онъ предчувствовалъ свой скорый конецъ. Ваша порядочность и гордость восхитили его. И потомъ, повторяю снова, вы очень напоминали отцу сестру, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ. Хотите взглянуть на покойника? Онъ мало перемѣнился. Совсѣмъ, какъ живой,—и, не дожидаясь отвѣта Валентины, Вакулинъ провелъ ее въ кабинетъ.



VIII.

РІЙ Юрьевичъ былъ правъ. Старикъ Вакулинъ мало измѣнился послѣ смерти. По крайней мѣрѣ, онъ показался Валентинѣ совсѣмъ такимъ, какимъ былъ въ послѣднее свиданіе при размолвкѣ. Онъ по прежнему лежалъ на своей громадной постели, выдвинутой на средину комнаты. Заботливый Францъ обмылъ, согласно обычаю мертвое тѣло своего барина, облачилъ его въ черный сюртукъ и, скрестивъ руки на груди, накрылъ его до пояса простынею. Но мертвые глаза остались открытыми, такъ какъ ихъ забыли закрыть послѣ кончины, и странно было видѣть этотъ стеклянный остановившійся взглядъ, дѣлавшій все лицо покойника похожимъ на лицо восковой куклы. И все-таки этотъ мертвый обликъ очень напоминалъ то живое лицо Вакулина, которое знала Валентина. Даже брезгливая складка губъ, исчезнувшая за часы предсмертныхъ страданій, теперь снова появилась на этомъ мертвомъ лицѣ.

Лоранская молча опустилась на колѣна, поклонилась праху, поднявшись, вновь взглянула на покойника и мысленно произнесла:

«Спасибо тебѣ. Беру этотъ подарокъ отъ мертваго, какъ не взяла-бы отъ живого. Прости меня, если я невольно причинила тебѣ тяжелыя минуты своимъ отказомъ и рѣзкостью».

А рядомъ съ нею двѣ старушки безъ стѣсненія шопотомъ высчитывали богатство [illegible]ика.

— Домъ этотъ... перво-наперво... да имѣніе, сказываютъ, въ Уфимской полосѣ, черноземное... Да деньжищъ!

И все сыну досталось потому единый наслѣдникъ. Вотъ и раскинь умомъ, бабушка, опосля всего!

Валентинѣ стало невыносимо и отъ этихъ безцеремонныхъ пересудовъ, и отъ общей картины смерти. Она тоскливо оглянулась и страшно обрадовалась, увидя въ дверяхъ Кодынцева.

— Я за тобою. Наши безпокоятся. Пора домой, Валечка!—шепотомъ пояснилъ онъ.

— Да, да, домой!—какъ эхо отозвалась дѣвушка.

— Я велѣлъ вамъ лошадь запречь. Вода убыла и вы попадете на пролеткѣ въ Гавань, — поспѣшилъ сказать Юрій Юрьевичъ, подойдя къ нимъ и здороваясь съ Кодынцевымъ.

Валентинѣ хотѣлось хоть немного успокоить осиротѣвшаго Вакулина.

— Не печальтесь,—произнесла она задушевнымъ голосомъ, — примиритесь съ неизбѣжностью. У каждаго, вѣрьте, есть свое горе, но каждое горе проходяще! Время—лучшій цѣлитель. Я тоже потеряла своего отца; это была очень тяжелая потеря, но потомъ она загладилась иными хорошими сторонами жизни! Осталась одна тихая грусть.

— Благодарю васъ, вы очень добры,—произнесъ Вакулинъ и почтительно склонившись къ маленькой рукѣ Валентины, произнесъ, цѣлуя ее:

— Вы позволите мнѣ пріѣхать поблагодарить васъ за вашу доброту къ моему отцу, неправда-ли?

— Конечно... Но онъ самъ уже такъ незаслуженно отблагодарилъ меня, — намекая на подарокъ покойнаго, произнесла съ смущеніемъ дѣвушка.

Потомъ, она быстро одѣлась и, въ сопровожденіи Кодынцева, вышла на улицу.

Воды уже не было. Она, сдѣлавъ свое дѣло, намутивъ, набурливъ и натѣшившись вволю, снова вошла въ берега, по крайней мѣрѣ, въ этой части острова. Только разныя щепы, доски, обломки вещей, домашней утвари, исковерканной и переломанной до неузнаваемости, сви-

дѣтельствовали о ночномъ бѣснованіи разсвирѣпѣвшей стихіи.

Кое-гдѣ стояли лужи, а мѣстами и цѣлыя небольшія озера, не успѣвшія высохнуть на мостовой.

— Что наши? Все-ли благополучно?— обратилась Валентина къ Кодынцеву, когда они ѣхали по Большому проспекту мимо послѣдней линіи острова.

— Слава Богу, все благополучно, Валечка.

— А у меня новость, большая новость — мы богаты, Володя!—вырвалось у Валентины счастливымъ звукомъ.— Мы очень богаты!—повторила она весело, какъ ребенокъ и взглянула въ глаза жениха загорѣвшимися счастьемъ глазами.

Потомъ, не дожидаясь его распросовъ, она разсказала Кодынцеву все, что случилось этою ночью съ нею.

— И ты считаешь себя серьезно богатой? — узнавъ всѣ подробности ея новаго счастья, спросилъ Владиміръ Владиміровичъ невѣсту.

— Не только себя, но и всѣхъ насъ, маму, Лелечку. Павлука, Граню, потому что, вѣдь, подѣлюсь-же я съ ними всѣми...

— Пятью тысячами?—прервалъ ее Кодынцевъ.—Это, значитъ, по тысячѣ на человѣка? Ну, это — не великое богатство, Валечка!

— Для меня великое, потому что я и десятой части не имѣла... Не зли меня, Володя, я сегодня совсѣмъ не прежняя спокойная, уравновѣшенная Валентина. Вчерашній успѣхъ, наводненіе, эта смерть — геройская смерть человѣка, котораго мы всѣ такъ несправедливо считали мелкимъ и ничтожнымъ—и, наконецъ, неожиданное появленіе, какъ въ сказкѣ, этой крупной суммы,—есть отъ чего перемѣниться! Нѣтъ, какъ мама то, мама, какъ будетъ довольна! Подумай! Съ долгами расплатимся. Ее такъ мучаютъ долги. Всѣмъ, вѣдь, задолжали, даже тебѣ... и вдругъ на смарку!..

— Ну, мнѣ пустяки! Я свой.

— Ахъ, я умираю отъ усталости и хочу спать, какъ

ребенокъ, — живо подхватила Валентина. — Пріѣду и ни слова нашимъ о подаркѣ... Просто завалюсь спать... спать, спать и спать! А завтра скажу! То-то поднимется суматоха!

Дѣйствительно, полусонную довезъ ее въ Гавань Кодынцевъ (вода здѣсь еще стояла по щиколодку лошадямъ), и сдалъ съ рукъ на руки безпокоившимся домашнимъ. Валентина едва дотащилась до постели, уступленной ей старымъ капитаномъ, такъ какъ въ квартирѣ Лоранскихъ еще стояла вода, и въ ту же минуту уснула мертвецки-глубокимъ сномъ безъ всякихъ грезъ и видѣній.

IX.

ИНЦИДЕНТЪ съ пятью тысячами былъ встрѣченъ съ подобающимъ волненіемъ семьей Лоранскихъ. Въ первую минуту сообщенія интереснаго извѣстія всѣ замолчали и глядѣли другъ на друга широко раскрытыми потерянными глазами.

Первый пришелъ въ себя Павлукъ. Онъ вскочилъ на стулъ и заоралъ „ура“ во весь голосъ.

— Вотъ кстати деньги подоспѣли... Кухню у жильцовъ ремонтировать надо! И сапогъ нѣтъ у Грани, — съ самымъ сосредоточеннымъ видомъ произнесла Лелечка.

— Лелечка, ты — вандалка, варваръ, зулусъ!—заоралъ снова Павлукъ, пять тысячъ съ неба свалились, а она о мелочахъ брешетъ... кухня, сапоги! Вѣдь, пять тысячъ, пойми, глупышка!.. Давай ихъ сюда, Валентина! — давай ихъ, голубчиковъ,—обратился онъ къ старшей сестрѣ,— чтобы я воочію могъ убѣдиться, что тутъ онѣ у тебя, милушки, очаровательныя лапки!

— Не надо забывать, что это — деньги Валины и ничьи болѣше!—ласково остановила расходившагося сына Марья Дмитріевна.

— А Валя чья-же? Не наша развѣ? Какъ это странно, мама, у васъ выходитъ, право! Валентина наша и деньги наши! — безаппеляціонно произнесъ Граня. — Скажи, не правъ я развѣ, Валентина?—обратился онъ къ сестрѣ.

— Ну, конечно, правъ! Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ!—поторопилась успокоить брата старшая сестра.— Эти деньги мы подѣлимъ поровну, чтобы каждому было по части, которой онъ могъ-бы распорядиться по своему усмотрѣнію... Не такъ-ли, мама?

— А по-моему, не такъ, дѣточка! По-моему, долги выплатить, это—да, а остальную сумму, т. е., тѣ-же пять тысячъ, за вычетомъ двухсотъ семидесяти рублей долга, положить въ банкъ, да проценты подрѣзать два раза въ годъ для нуждъ вашихъ. А сумма на черный день останется.

— Съ государственной ренты-то проценты!—закипѣлъ, Павлукъ—тогда, конечно, и на сапоги Гранѣ не хватитъ!.. Нѣтъ, не такъ я поступилъ-бы. Вы, мама, насчетъ долга правильно разсудили. Долгъ выплатить, а остальныя деньги поровну между пятерыми нами,—произнесла спокойно Лелечка.

— Нѣтъ, ужъ, голубчикъ, я отказываюсь. Кухню-бы мнѣ поправить и долги выплатить, а больше ничего не надо,—протестовала старушка Лоранская.

— И мнѣ не надо! — эхомъ отозвалась Лелечка. — Не хочу ихъ! Ну, ихъ совсѣмъ! Когда деньги есть, только и думаешь, куда-бы ихъ употребить, забота лишняя, а тутъ живешь себѣ безъ заботъ и думъ.

— Ты-то безъ заботъ живешь, моя безсребренница?— ласково обнявъ и цѣлуя младшую дочь, произнесла Марья Дмитріевна.—Хлопотуша ты моя милая!

— Ну, ладно! Мама и Елена отказываются,—поднялъ голосъ Граня,—значитъ, ихъ части остаются какъ-бы въ резервѣ.

— И Гранѣ тоже на руки давать деньги не слѣдуетъ,— перебилъ его Павелъ, — принимая во вниманіе его молодость. И Гранины деньги будутъ у мамы лежать и по мѣрѣ силъ и возможности на разныя надобности сему несовершеннолѣтнему юнцу выдаваться. Такъ?

— Вотъ ужъ это ты напрасно, — вступился Граня,— что-же, что я не достигъ совершеннолѣтія! Иные въ шестнадцать лѣтъ много умнѣе бородатыхъ мужчинъ бываютъ,— заключилъ онъ съ дѣтской напыщенностью.

— А по моему,—вставила свое слово Валентина,—лучше намъ всѣмъ выбрать опекуншей маму и спрашивать у нея деньги по мѣрѣ необходимости. Правда? Вѣдь, собственно говоря, всѣ мы такіе-же несовершеннолѣтніе, какъ и Граня, въ денежныхъ вопросахъ.

— Вотъ это хорошо! Что хорошо, то хорошо!—возликовалъ Павлукъ.—А деньги то ты все-таки вынь да положь. Еще, чего добраго, фальшивыя! — прибавилъ онъ полусерьезно, полушутливо.

— Стыдись, Паша! Вѣдь, онъ—покойникъ! — укоризненно произнесла Валентина и протянула ему конвертъ.

Павлукъ вскрылъ его. На столъ выпало нѣсколько облигацій. Ихъ пестрый видъ пріятно подѣйствовалъ на членовъ маленькой семьи. Даже Марья Дмитріевна взглянула на бумаги и, набожно поднявъ глаза на небо, перекрестилась.

— Господи, упокой его душу! Доброе дѣло сдѣлалъ для сиротъ.

И всѣмъ стало на минутку хорошо и грустно на душѣ. Жаль было этого одинокого, обиженнаго судьбою старика, не понятаго никѣмъ и не оцѣненнаго до послѣдняго дня его жизни.

Первымъ вышелъ изъ задумчивости Павелъ.

— Давайте, кутнемъ сегодня основательно! Пригласимъ Навадзе, Дакунина, Сонечку...

— Вотъ-вотъ, тебѣ только-бы гостей собирать!—возму-

тилась Леля.—А кто послѣ наводненія будетъ все въ порядокъ приводить?

— Мы.

— Кто это «мы»? Ты и гости? Нѣтъ, ужъ оставь, пожалуйста. Всѣ комоды, переломаете. Теперь они разбухли. Сегодня-то хоть, Христа ради, обойдитесь вы безъ сутолоки!

— Лелька, ты злая! Смотри, старой дѣвой останешься,— пошутилъ Павлукъ, грозя сестрѣ.

— Ну, и очень рада! Мы съ мамочкой, по крайней-мѣрѣ, вдвоемъ проживемъ тихо да мирно. Валя замужъ выйдетъ, ты Паша, въ провинцію... Граня...

— Я юристомъ буду,—заявилъ Граня:—мнѣ въ гимназіи говорили, что я эффектнымъ адвокатомъ буду, что у меня въ глазахъ что-то такое!—и Граня неопредѣленно повертѣлъ пальцами, со слѣдами чернильныхъ пятенъ предъ лицомъ.

— Гранька! Противный! Не воображай, что ты хорошенькій!—подразнила брата Леля.

— И сама-то ты противная!—разсердился Граня.

— Рано тебѣ, Гранюша, объ адвокатахъ думать. Вотъ кончишь учиться, думай себѣ на-здоровьѣ, а теперь не дѣло, дорогой мой!—ласково пожурила его Марья Дмитріевна.

— Постойте, господа, не въ этомъ дѣло, — вмѣшался Павлукъ. — Лучше рѣшимъ, какъ отпраздновать наше неожиданное наслѣдство. Послать за закусками, — и по-семейному, тишкомъ? Развѣ только Володю съ матерью позвать?

— И лучше, Пашенька, тишкомъ-то! Деньги хоть и не очень велики, а все лучше ихъ отъ завистливаго глаза схоронить.

— Мамочка, да вы, кажется, воровъ боитесь?—искренне расхохоталась Лелечка,

— Боюсь, дѣточка, и скрывать не хочу, боюсь! А тутъ молчкомъ да секретомъ, смотришь, никто и знать не будетъ.

— Правда, мама, а то ни вѣсть что выдумаютъ!—подхватила Лелечка, во всемъ всегда соглашавшаяся съ Марьей

Дмитріевной.—А знаешь,—обратилась она къ Валентинѣ,—тебѣ на панихиду надо было-бы пойти. Надѣнь суконную юбку и черное джерсе и иди на панихиду. Право!

— А не будетъ это имѣть видъ, что изъ-за денегъ, изъ за пяти тысячъ пришла? — нерѣшительно спросила Марью Дмитріевну Валентина.

— Ну, вотъ глупости!—вмѣшался Павлукъ.—Да и кто знаетъ про деньги-то? Одинъ сынъ покойнаго. Вѣдь, помимо завѣщанія соорудовано.

Валентина кивнула головою. Дѣйствительно, о полученныхъ ею деньгахъ зналъ только Юрій Вакулинъ. Съ минуту она колебалась, но потомъ рѣшила пойти въ тотъ же вечеръ на панихиду.

X.

БОЛЬШАЯ гостинная Вакулиныхъ была биткомъ набита самой разношерстной публикой. Тутъ были и какія-то полныя барыни, говорившія шепотомъ по-французски, дальнія родственницы Юрія Викентьевича, и три-четыре товарища по вѣдомству его сына, желавшіе сдѣлать любезность своему сослуживцу, пріѣхавъ на панихиду по его отцѣ, и какой-то генералъ суроваго вида, стоявшій на видномъ мѣстѣ, держа свѣчу предъ лицомъ и духовенство, и пѣвчіе въ парадныхъ кафтанахъ съ кистями, и какія-то старушки, шушукавшіяся и отбивающія поклоны въ углу.

Послѣ панихиды гости окружили молодого Вакулина,

выражая ему свои сожалѣнія и сочувствіе его горю. Темная толпа одѣтыхъ въ трауръ родственницъ и черныхъ сюртуковъ скрыла его отъ глазъ Валентины.

Лоранская перекрестилась и вышла изъ гостинной,

„Это хорошо, что онъ не видѣлъ меня, — произнесла мысленно молодая дѣвушка по дорогѣ къ дому, — иначе онъ могъ-бы подумать, что я изъ-за полученныхъ денегъ пришла отдать этотъ долгъ умершему. И мнѣ было-бы непріятно, если-бы онъ такъ подумалъ".

Теперь Валентина все время жила, какъ въ сказкѣ. Вчерашній успѣхъ и начало ея службы въ театрѣ, такое благопріятное и хорошее начало, положили какъ-бы фундаментъ ея дальнѣйшему счастью, для полноты котораго, только развѣ, недоставало до сихъ поръ денегъ.

Теперь явились и деньги, благодаря чудачеству и добротѣ покойнаго Вакулина. И эти деньги радовали дѣвушку, какъ радуетъ дешевая игрушка неизбалованнаго ребенка.

Несмотря на всю свою серьезность и положительность, Валентина все-же была болѣе ребенкомъ, нежели кто-либо другой. Милымъ безпечнымъ ребенкомъ, тянувшемся ко всему блестящему и нарядному. Ее раздражали всякіе недочеты и недохваты въ туалетахъ, вѣчныя перекрашиваніе и перешиваніе изъ стараго на новое, вѣчное стараніе скрыть убожество и дешевизну нарядовъ. Теперь это несносное обстоятельство надолго исчезнетъ съ ея пути. Она можетъ накупить себѣ по желанію и платьевъ, и бездѣлушекъ и одѣваться на сценѣ и въ жизни не хуже другихъ.

Подумавъ о сценѣ, Валентина мысленно перенеслась къ предстоящимъ репетиціямъ.

Вчера во время спектакля при видѣ ея успѣха режиссеръ труппы обѣщалъ ей новую роль въ самомъ непродолжительномъ времени — роль «Снѣгурочки» въ чудесной сказкѣ Островскаго. Роль эта заранѣе приводила въ восхищеніе Валентину. Она знала пьесу давнымъ-давно и постоянно мечтала включить въ свой репертуаръ роль Снѣгурочки.

И тутъ счастье, казалось, улыбалось молодой дѣвушкѣ своей широкой, многообѣщающей улыбкой.

„Какъ хорошо жить! Какъ хорошо жить!“—мысленно повторяла дѣвушка.

Впрочемъ, не одна Валентина, а и всѣ Лоранскіе были какъ-то особенно, наэлектризованы пріятнымъ сознаніемъ пріобрѣтеннаго маленькаго капитала.

Павлукъ успѣлъ днемъ слетать въ государственный банкъ и произвести операцію съ бумагами. Облигаціи были проданы и сумма торжественно вручена Марьѣ Дмитріевнѣ, положившей ее не безъ трепета въ тяжелую кованую желѣзомъ шкатулку, еще полученную ею въ приданое, когда она выходила замужъ за своего Дениса Павловича.

Одна изъ крупныхъ кредитокъ была уже тронута, по проэкту того-же Павлука, и результатомъ ея размѣна оказалась обильная закуска на столѣ, въ видѣ копченаго сига, коробокъ омаровъ, сардинъ, шпротовъ и головы голландскаго сыра. Посреди стола стояла ваза съ фруктами, большой тортъ отъ Филиппова съ кофейной начинкой (любимое лакомство Марьи Дмитріевны) и бутылка „донского“, безъ котораго никакъ не могъ обойтись предусмотрительный Павлукъ.

Маленькая семья разрѣшила себѣ этотъ кутежъ на первыхъ порахъ. Всѣмъ было весело. Всѣ болтали, перебивая другъ друга, смѣясь безпричинно веселымъ безпечнымъ смѣхомъ, свойственнымъ одной только молодости. Пили за успѣхъ Валентины, за дальнѣйшую ея карьеру, за все, за все...

XI.

РОШЛО двѣ недѣли.

Валентину вызвали въ театръ.

Придя на первую репетицію „Снѣгурочки“, ожидая ея начала и прихода прочихъ актеровъ, она чувствовала себя несовсѣмъ удобно съ непривычки. Она стояла на пустой сценѣ и смотрѣла въ пространство партера, тоже теперь пустое а еще двѣ недѣли тому назадъ наполненнаго публикой, оживленно привѣтствовавшей ея появленіе на этихъ самыхъ подмосткахъ. И она, какъ дѣвочка торжествовала въ тотъ вечеръ. Тогда она была такая бѣдная! О, ей стыдно вспомнить свою красную кофточку, такую простенькую сшитую неискусными пальчиками Лелечки, кофточку вполнѣ подходящую къ гаванской портнихѣ или мѣщаночкѣ. Ужъ, эта кофточка! Послѣ окончанія спектакля, когда режиссеръ объявилъ ей, Валентинѣ, счастливую новость о зачисленіи ея въ труппу, онъ какъ-то обидно-снисходительно скользнулъ взорами по этой злосчастной кофточкѣ и сказалъ:

— Н-да... и гардеробчикъ вашъ болѣе къ ingénue подходитъ... Да и рано вамъ въ героини записываться, барышня!

И Валентина чуть не сгорѣла тогда со стыда. Зато теперь, благодаря наслѣдству Вакулина, она одѣта по послѣдней картинкѣ.

Теперь, когда она стала „настоящей актрисой“, ей необходимо одѣваться прилично: это вліяетъ на успѣхъ. Вотъ если-бы и тогда вмѣсто красной кофточки она надѣла ка-

кое-нибудь изящное лѣтнее платье, подходящее къ сезону по пьесѣ, она выиграла-бы еще больше въ глазахъ толпы.

И Валентина вздрогнула, поймавъ себя на этой мысли.

Неужели это такъ? Неужели на сценѣ не таланты нужны, а нарядное платье и дорогія украшенія! Нѣтъ! Нѣтъ, этого не можетъ быть!—рѣшила она.—Искусство такъ свѣтло и прекрасно въ своей основѣ.

— Ого, какъ мы аккуратны! Хвалю! хвалю! — послышался веселый окликъ за спиной Лоранской, и, живо обернувшись, Валентина увидѣла Василія Захаровича Дмитрова, режиссера труппы, протягивавшаго ей дружески руку.—Давайте-ка, я перезнакомлю васъ съ вашими товарищами, съ которыми вы не успѣли еще познакомиться,— произнесъ онъ, пожимая руку молодой дѣвушки, и повелъ ее навстрѣчу темно-волосой женщинѣ не первой молодости съ громадными сѣрыми глазами, единственнымъ украшеніемъ ея незначительнаго лица.

— Наша гордость, Нина Вадимовна Донская-Звонская!— сказалъ Сергѣевъ, знакомя Валентину съ актрисой.

Нина Вадимовна сощурила свои красивые глаза и промямлила, какъ-бы нехотя:

— Будемъ знакомы. Вы, милушка, только не подумайте, что я такія роли, какъ Купаву, *) играю. Это только для Васеньки: Васенька одолѣлъ,—кивнула она въ сторону лебезившаго предъ ней Столпина.—Ну, и для сбора. Вѣдь, вы еще «новая» для публики, не «привились еще. Такъ надо сборъ поднять сначала. А то-бы ни-ни! У меня сейчасъ переѣздъ на другую квартиру. Не до игры, знаете!

Валентина слушала «премьершу» и въ душѣ смѣялась надъ ней. Ея ломанья, потѣшали молодую дѣвушку.

Комика Лазарскаго Валентина уже знала по первому игранному ею здѣсь спектаклю, какъ и многихъ другихъ членовъ труппы. Но кто ее удивилъ, такъ это jeune premier.

---

*) Роль Купавы менѣе значительна нежели роль Снѣгурочки.

Валентина никакъ не могла понять, какъ этотъ человѣкъ, съ завитымъ надо лбомъ вихромъ и лишеннымъ выраженія взглядомъ большихъ воловьихъ глазъ на самодовольно улыбающемся одутловатомъ лицѣ, носившій громкую фамилію Заволгина, могъ играть Леля, юнаго, свѣжаго пастушка Леля, такъ мастерски написаннаго русскимъ классикомъ. Что-то тупое и безучастное сквозило во всемъ лицѣ Заволгина, такъ что Валентина искренне испугалась и за себя, и за пьесу вообще.

Но Лоранская испугалась, не надолго. Съ первой-же фразы, произнесенной молодымъ актеромъ, она была принуждена взять обратно свое спѣшно составленное о немъ мнѣніе.

Голосъ Заволгина, казалось, просился въ самую душу. Глаза, когда онъ заговорилъ, утеряли свое воловье выраженіе тупого равнодушія и въ нихъ заиграла жизнь, они заблестѣли. Заволгинъ имѣлъ драгоцѣнное преимущество „играть“ на репетиціяхъ, чего не дѣлали остальные, и, играя, увлекался самъ.

— Милушка, не подсаживайтесь! Прибавки все равно не получите и публики нѣтъ!—насмѣшливо останавливала его Донская-Звонская, торопливая читка которой окончательно стушевывалась около мастерского исполненія Заволгина.

Но онъ не разслышалъ даже словъ „премьерши“. Одухотворенные теперь глаза актера смотрѣли поверхъ ея головы, а голосъ переливался мощной волной, то выдерживая паузы, то усиливая, то понижая тонъ.

— Что, дѣтка, Петрушу заслушалась? — услышала Валентина знакомый голосъ, и теплая большая рука легла на ея руку.

— Михайло Михайловичъ, вы?—привѣтствовала она Сергѣева.—Дѣйствительно, заслушалась. Хорошо!

— Что и говорить, молодецъ парень! Такъ читаетъ, что умереть мало. И на спектаклѣ также будетъ,—если не лучше. Пріятно и играть-то съ нимъ.

Наступила очередь Валентины. Она волновалась теперь, на репетиціи, гораздо болѣе, нежели на спектаклѣ. Ее смущали насмѣшливые взгляды Звонской и репетированіе „во-всю“ ея партнера, Заволгина.

Лоранская начала читать вполголоса. Но мало-по-малу настроеніе Заволгина, съ упоеніемъ декламировавшаго звучные монологи Леля, захватило и ее.

Валентина попала ему въ тонъ силою своего природнаго музыкальнаго инстинкта и они прошли дружнымъ дуэтомъ черезъ весь актъ.

— Не можетъ быть, чтобы вы не учились нигдѣ! Скажите, кто васъ начитывалъ? Школу драматическую кончили, да?—спрашивалъ Заволгинъ, когда они провели совмѣстно одно изъ труднѣйшихъ мѣстъ дѣйствія.

— Вы, паузы, милушка, укорачивайте! Не тяните!— вставила свое слово Звонская, незамѣтно подойдя къ нимъ.

— Не слушай ее! Она тебѣ такого наскажетъ, что потомъ венигретъ одинъ выйдетъ, если послушаться,—зашепталъ Валентинѣ Сергѣевъ, отводя ее въ сторону.— Меня только слушай, да Петра Заволгина, потому что славная у него душа! А Звонской ни-ни! Живьемъ въ землю закопать готова, знаемъ мы ее!

Лоранская слушала и улыбалась. Все ей казалось такъ ново и своеобразно здѣсь. Даже борьба не страшила ея. Борьба была необходима: постоянныя удачи могли-бы избаловать, излѣнить ее, а эти уколы не пугали Валентину, потому что она не сомнѣвалась уже въ успѣхѣ. Очевидно, она родилась подъ счастливой звѣздой. Она не чувствовала до сихъ поръ кипучей жизни; то, что давала ей судьба. было вполнѣ тихо и спокойно, хотя бывали и лишенія, и непріятности. Теперь же она была счастлива вполнѣ.

Когда Лелечка, зашедшая за нею на репетицію, чтобы вмѣстѣ ѣхать за покупками въ Гостиный дворъ, увидѣла Валентину она съ удивленіемъ отступила отъ сестры.

— Что ты?—недоумѣвала та.

— Ай, какая ты хорошенькая!—съ нескрываемымъ восхищеніемъ произнесла младшая сестра.—Ты всегда красива, а теперь лицо у тебя такое... ну какъ-бы это сказать... ну, хорошенькая ты попросту. Уди-ви-тель-но!

— Что удивительно?—усмѣхнулась Валентина—что я хорошенькая? Очень любезно!

— Ахъ, не то, не то!—всплеснула руками Лелечка.—Просто ты какая-то особенная стала, не прежняя Валя, сдержанная, спокойная, а новая, доступная, милая, простая! Знаешь? если-бъ Володя сейчасъ тебя увидѣлъ, онъ съ ума-бы сошелъ отъ восторга.

— Ну, это—еще не великая заслуга, Володю съ ума свести: онъ очень восторженный и не требовательный нашъ Володя.

— Не говори. Вѣдь, вотъ же выбралъ онъ тебя, а не Сонечку Гриневичъ, ни другую. Значитъ, у него вкусъ есть и требовательность извѣстная... Ты—красавица!

— Вотъ тебѣ разъ, а сейчасъ только хорошенькой называла!—снова усмѣхнулась Валентина—Да я у тебя не по днямъ, а по часамъ хорошѣю, Лелечка. Славная ты!

Сестры вышли изъ театра и поспѣшно шагали теперь по направленію къ Первой линіи, въ ожиданіи конки. И вдругъ Лелечка взглянула на свою спутницу и расхохоталась звонко.

— Что съ тобой?—удивилась та.

— Вотъ что, значитъ, привычка,—смѣялась Лелечка,—вѣдь, мы утромъ рѣшили на извозчикѣ ѣхать, а теперь по привычкѣ конки ждемъ. И вовсе позабыли, что мы теперь—богачихи.

— Правда,—улыбнулась Валентина,—вотъ и выходитъ, что человѣкъ не скоро отвыкаетъ отъ своихъ привычекъ, и мы еще не скоро отъ нашихъ грошевыхъ расчетовъ отвыкнемъ.

Послѣднія слова Лоранская произнесла съ чуть замѣтной желчью. Лелечка съ удивленіемъ взглянула на сестру. Она не понимала, почему вдругъ такъ ненавистно отнес-

лась Валентина къ тому, что составляло и еще недавно интересъ ихъ жизни. Лелечка хотѣла спросить объ этомъ сестру, но почему-то удержалась. Онѣ молча прошли еще немного, взяли извозчика и поѣхали въ Гостиный дворъ.

XII.

СЛИ кто-либо особенно былъ доволенъ «свалившемся съ неба» наслѣдствомъ изъ всей семьи Лоранскихъ, такъ это—Граня. Граня былъ окончательно вышибленъ изъ колеи. Полученіе «наслѣдства» совпало, какъ разъ со временемъ гимназическаго бала, и нѣтъ ничего удивительнаго, если Граня потерялъ голову, бѣгая по магазинамъ, выбирая себѣ сапоги, галстухи, перчатки, духи и прочіе предметы моды, роскоши и туалета.

Граня окунулся съ головою въ свою любимую стихію. Тотчасъ же по окончаніи классовъ онъ несся домой, какъ на парусахъ, закусывалъ на скорую руку, бралъ у матери нужную ему сумму и, сломя голову, мчался на извозчикѣ въ Гостиный дворъ. Граня былъ какъ въ горячкѣ. Онъ покупалъ и нужное, и ненужное, и полезное и безполезное,—словомъ, все, что только бросалось въ глаза и приковывало вниманіе юноши.

— Гранечка, не много-ли будетъ? — осторожно останавливала своего любимца Марья Дмитріевна.—Вѣдь, четвертую сотенку мѣняешь, а что купилъ? Глядѣть не на что. Бѣлье-то какое непрактичное, на годъ его не хватитъ. И воротнички опять! Раньше „монополь“ носилъ и былъ

доволенъ, а теперь голландскіе! Одной прачкѣ чего переплатить придется.

— Прачкѣ изъ моихъ денегъ платите! — фыркалъ недовольно Граня.—Что же вы безпокоитесь? И какъ это вы странно, мама, „мо-но-поль!“ Теперь „монополь“ никто изъ порядочныхъ людей не носитъ—приказчики одни. А бѣлье я самое модное купилъ, крапинками. И у графа Стоютина такое-же, и у Миши Завьялова, и у Берлинга, наконецъ!

— Гранюшка, да, вѣдь, то богачи, аристократы... графы да князья, а Берлингъ—сынъ банкира, есть гдѣ разойтись... а, вѣдь, ты...

— Ахъ, мама,—досадливо перебивалъ юноша,—что у васъ за нелѣпость дѣлить людей на классы... Вѣдь, не въ древности-же мы живемъ, отстало это... Аристократы, демократы, все это — относительное понятіе. Кто гордъ и независимъ, тотъ и аристократъ... А деньги у меня есть пока, слава Богу, и скупердяйничать ими не намѣренъ.

— Гранюшка! Ты-бы полегче, все-же! Вѣдь, таютъ у тебя деньги-то, какъ сахаръ... Голубчикъ, ради тебя-же хлопочу!—и даже слезинки навернулись на глаза доброй Марьи Дмитріевны.

Граня притихъ. Легкое облачко раздумья набѣжало на его красивое лицо, потомъ всѣ черты разомъ освѣтились милымъ выраженіемъ дѣтскаго благодушія.

— Мамочка,—произнесъ онъ ласково,—мамочка, поймите вы меня, ради Бога, наголодался я! Вѣдь, до шестнадцати лѣтъ, шутка-ли, въ заплатанныхъ брюкахъ ходилъ и Богъ знаетъ въ какихъ сапогахъ, отъ штопокъ на чулкахъ пальцы натеръ до мозолей. А кругомъ богатые люди, щеголи, подъ носъ тычатъ своими достатками. Поймите, всякое ничтожество, уродъ всякій — и тотъ въ модной тужуркѣ и въ запонкахъ отъ Фаберже ходитъ. А я въ куцыхъ рубашенкахъ, какъ приготовишка какой-нибудь. Вѣдь, смѣялись они... А теперь вдругъ счастье такое упало, можно сказать, на голову. Вѣдь, пока мо-

лоды, только и жить, только и выпить полную чашу счастья. Послѣдней радости лишить хотите! Грѣхъ вамъ, мама.

— Гранюшка, милый, родной! Да развѣ я... да что ты?—и старушка, чуть не плача, обняла огненно-рыжую голову своего „красавчика“ и въ неизъяснимомъ порывѣ прижала ее къ своей груди.—Дѣлай, что хочешь, родной мой! Можетъ быть, ты и правъ! Рано тебѣ заботиться о черномъ днѣ. Господь съ тобою!

Граня торжествовалъ. Мать соглашалась съ нимъ и послѣднее препятствіе отстранялось такимъ образомъ съ его дороги. И Граня наскоро цѣловалъ свою старушку и, взявъ хорошаго извозчика, летѣлъ „въ городъ“, какъ называли центръ Петербурга скромные гаванцы.

А Марья Дмитріевна, глядя вслѣдъ любимцу, думала: „И правда, ребенокъ онъ... и много лишеній бѣдняжка видѣлъ. Пусть хоть теперь вдоволь насладится, развернется немножко. Пройдетъ у него эта лихорадка; одумается и сократитъ расходы“.

Но Граня не одумывался. За новыми голландскими воротничками слѣдовалъ изящный штатскій костюмъ, сшитый у хорошаго портного, рекомендованнаго богачемъ Берлингомъ; затѣмъ шли золотыя запонки съ маленькими сапфировыми звѣздочками отъ Фаберже, точь-въ-точь такія, какъ у графа Стоютина; за ними—дорогой туалетный приборъ, какъ у Миши Завьялова, и, наконецъ, что болѣе всего поразило домашнихъ, покупка великолѣпнаго мраморнаго умывальника, какой Граня видѣлъ у того-же Берлинга, съ которымъ очень сдружился въ послѣднее время. Умывальникъ былъ чудо искусства, и Граня отдалъ за него громадную для его крошечнаго капитала сумму. Когда эту мраморную громаду съ изящными рѣзными колонками и великолѣпнымъ венеціанскимъ зеркаломъ артельщики внесли въ скромную квартирку въ Галерной гавани, Марья Дмитріевна искренне испугалась.

— Не къ намъ, не къ намъ это, батюшки,—замахала она имъ руками.

— Никакъ нѣтъ, должно къ вамъ, госпожа, потому, значитъ, адресокъ у насъ имѣется,—произнесъ съ усмѣшкой рыжеватый артельщикъ, чуть замѣтно усмѣхаясь себѣ въ бороду, — молоденькій баринокъ емназистъ покупалъ.

И онъ съ побѣдоноснымъ видомъ подалъ бумажку съ адресомъ, четко написаннымъ рукою Грани.

Вся семья сидѣла за обѣдомъ, за исключеніемъ самого Грани, рыскавшаго, по обыкновенію, въ этотъ часъ по магазинамъ.

Павлукъ громко и искренне расхохотался и нелѣпой покупкѣ брата, и полной растерянности матери.

— Пашенька, какъ-же быть-то? — спрашивала та, испуганно мигая своими добрыми глазами.

— Взять, конечно, разъ вещь куплена,—отвѣчалъ Павлуша, все еще не переставая смѣяться.

— Да куда же мы его поставимъ? — волновалась старушка.

— Да устроимъ какъ-нибудь! — успокаивала мать Валентина.—Разъ глупость совершена, надо, по крайней мѣрѣ, принять ее съ гражданскимъ мужествомъ.

— Въ нашу комнату поставить придется,—мамаша,—рѣшила Лелечка, почти съ благоговѣніемъ прикасаясь къ бѣлому мрамору рѣзныхъ колонокъ и смотрясь въ прелестное венеціанское зеркало, въ которомъ, казалось, каждое лицо должно было выигрывать вдвое.

Послѣ долгихъ разговоровъ, было рѣшено поставить умывальникъ въ гостиной.

И странно было видѣть среди скромной старенькой мебели Лоранскихъ эту изящно красивую вещь.

Всѣ обитатели сѣраго домика съ недоумѣніемъ поглядывали на роскошную покупку Грани, которая ихъ всѣхъ, какъ будто даже стѣсняла и своимъ неумѣстнымъ присутствіемъ, и своимъ эксцентрично-эфектнымъ видомъ. Но, когда домой явился самъ виновникъ переполоха, все разомъ измѣнилось, какъ по волшебству. Граня былъ положительно въ восторгѣ отъ своего пріобрѣтенія и всѣ, при

видѣ его дышащаго счастьемъ лица, рѣшили вдругъ, что вещь, дѣйствительно, и полезна, и прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ. Когда улыбался Граня, все улыбалось въ сѣромъ домикѣ. Даже нѣсколько строже другихъ относящаяся къ брату Валентина, и та снисходительно усмѣхнулась, когда онъ съ нѣжной заботливостью разглядывалъ свою эфектную покупку.

Теперь уже ни Марья Дмитріевна, ни Лелечка не находили, что умывальникъ неумѣстенъ въ гостиной. Лелечка даже робко прибавила, что онъ, какъ будто „скрашиваетъ“ ихъ обстановку и, если убрать чашку и постлать сукно на доску, то онъ будетъ имѣть видъ прехорошенькаго письменнаго столика.

— А когда я буду мыться по утрамъ, то сукно Ѳекла можетъ снимать и снова ставить чашку,—категорически заявилъ Граня.

— Только на кой шутъ тебѣ онъ?—усмѣхаясь, замѣтилъ Павлукъ.—Вѣдь, не барышня-же ты, въ самомъ дѣлѣ?! И потомъ лучше ужъ было мебель купить новую, ужъ коли на то пошло.

— И мебель купимъ! и мебель!—обрадовался Граня.—Всѣ сложимся и купимъ мебель.

— Ну, нѣтъ, я на это не согласна!—возвысила голосъ Валентина.—Мнѣ каждая копейка теперь нужна. Необходимо тьму костюмовъ надѣлать и ротонду, и бриллiантовыя сережки, хотя скромненькія, а надо... На сценѣ нельзя иначе—свои условія...

— Ну, сережки тебѣ публика должна поднести: „Артисткѣ Лоранской отъ восхищенной толпы“, или что-нибудь въ этомъ родѣ на футлярѣ. Ха, ха, ха!—звонко расхохотался Граня и вдругъ щелкнулъ себя пальцемъ по лбу.—Ба-а, Валентиночка! Я и забылъ главное-то! Кого я встрѣтилъ сегодня?... Какъ ты думаешь? Къ себѣ тащилъ. Слово взялъ, что буду. И буду непремѣнно буду! Интересно взглянуть, какъ милліонеры живутъ! На какомъ рысакѣ ѣхалъ! Кучеру не удержать даже. Узналъ меня,

велѣлъ остановить, самъ слѣзъ съ пролетки, ко мнѣ подошелъ... Я изъ гимназіи вываливался съ нашими въ это время какъ разъ... Когда,—говоритъ—можно къ вамъ пріѣхать, Валентину Денисовну поблагодарить за ея участіе къ судьбѣ отца?“ Вакулинъ! Понимаешь, самъ— Вакулинъ! И какъ просто, точно свой братъ-гимназистъ!

— „Я—говоритъ,—на вашъ гимназическій благотворительный вечеръ собираюсь. На вокально-музыкальное отдѣленіе пріѣду! А ваша сестра не выступаетъ развѣ?“—„Нѣтъ!“—говорю. Очень жалѣлъ, что ты не выступаешь; говорилъ, что читка и экспрессія у тебя изумительныя... И знаете, что? — обратился Граня уже ко всѣмъ: — Миша Завьяловъ съ нимъ родственникъ дальній. Ужасно его хвалитъ... Вообще онъ мнѣ нравится! Сегодня онъ будетъ у насъ...—Взглянуть,—говоритъ пріѣду,—какъ вы устроились.

— Ахъ!—сорвалось въ одно и то-же время съ устъ Марьи Дмитріевны и Лелечки.—Что-жъ ты раньше не сказалъ? Мы приготовились-бы.

— Да что, у васъ денегъ, что-ли, нѣтъ приготовляться? Пошлите за тортомъ къ чаю, за закуской... фрукты, вино... Его надо во-всю принять: вѣдь, всѣмъ ему обязаны.

— Ѳекла не сумѣетъ выбрать!—заикнулась Лелечка.—Я поѣду.

— Нѣтъ, ужъ лучше я самъ! Ты мадеру въ рубль купишь знаю я тебя, скрягу!—А надо хорошую. Я думаю, при его богатствѣ, онъ шампанскимъ зубы полощетъ... И потомъ, Бога ради, ванильныхъ сухариковъ не покупайте,—внезапно раздражился Граня:—задушили вы вашими ванильними сухариками. Этакое мѣщанство, право! И грошевой колбасы съ чеснокомъ не ставьте на столъ.

— Да вѣдь, ее Павлукъ любитъ!—подняла было голосъ Лелечка.

— Ну, и пусть ѣстъ ее на-здоровье, запершись гдѣ-нибудь въ углу... Надо сига купить... икры свѣжей... хорошо-бы устрицъ...

— Батюшки! Да откуда ты про устрицы знаешь?— воскликнула Марья Дмитріевна, такъ и впиваясь глазами въ лицо сына.

— У Завьялова ѣлъ... устрицы... Это... это ужасно вкусно!—скороговоркой произнесъ Граня, подражая, очевидно, кому-то изъ старшихъ товарищей богачей.

— Я уши надралъ бы твоему Завьялову за его устрицы!—мрачно бросилъ Павлукъ, искоса поглядывая на Граню.—Избаловался самъ мальчишка и другихъ къ баловству пріучаетъ.

Но тотъ даже и вниманія не обратилъ на недовольство брата.

— А не взять-ли къ вечеру устрицъ? Лелька, ты сумѣешь выбрать устрицы?—обратился Граня, какъ ни въ чемъ не бывало къ сестрѣ.

— Все это—вздоръ!..—неожиданно и рѣзко произнесла Валентина, хранившая упорное молчаніе во все время разглагольствованій Грани. — Кого ты думаешь удивить нашимъ достаткомъ и излишествомъ? Человѣка, который знаетъ лучше всѣхъ источникъ этого достатка и даже является какъ-бы косвенно участникомъ благодѣянія, оказаннаго намъ... Крайне безразсудно и глупо!—и она, рѣзко оттолкнувъ свой стулъ, вышла изъ-за стола.

Всѣ какъ-то разомъ притихли. Это выходило далеко не обыденное явленіе со стороны Валентины: она никогда не сердилась и не теряла самообладанія. И при видѣ ея рѣзкой выходки Марья Дмитріевна проводила тревожнымъ взглядомъ свою всегда спокойную, уравновѣшенную дочь и впервые непріятное чувство къ полученному «наслѣдству» шевельнулось въ ея сердцѣ.

«Ужъ лучше не было-бы его... А то, какъ явились деньги, дѣтей не узнать... и споры, и недоразумѣнія. Одинъ покупаетъ зря, другая обычное спокойствіе потеряла. Ужъ Господь съ ними, съ деньгами, безъ нихъ какъ-то лучше и настроеніе было, да и заботъ меньше къ тому-же. Вотъ

развѣ только долги, заплочены, да и Павлуша отдохнуть можетъ, не такъ уроками надсаживается пока...»

Два послѣднія вѣскія обстоятельства отчасти примиряли старушку съ «наслѣдствомъ», взбаламутившимъ весь строй жизни маленькой семьи.

Два послѣднія обстоятельства примиряли, а Граня тревожилъ. Зоркій глазъ матери не могъ проглядѣть, какъ измѣнился къ худшему ея любимецъ, какъ плохо учится онъ за послѣднее время, какъ бредитъ балами и театрами и на каждомъ словѣ прибавляетъ: мы съ графомъ Стоютинымъ, мы съ Берлингомъ, мы съ Мишей Завьяловымъ, то есть съ самыми богатыми и ведущими разсѣянный образъ жизни юношами ихъ старшаго класса.

«Граня портится, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія,— тревожно выстукивало сердце Лоранской—и она холодѣла при одной этой мысли, о своемъ любимчикѣ.—Надо Пашу на него напустить, пусть потолкуетъ съ нимъ... Можетъ быть, онъ и повліяетъ на него, какъ старшій братъ!»

Остановившись на этой мысли, Лоранская отозвала послѣ обѣда Павлука въ кухню, гдѣ у нихъ обыкновенно происходили всѣ важныя семейныя совѣщанія, и шепотомъ попросила его отъисповѣдывать Граню.

Павлукъ охотно согласился и тутъ-же отправился къ младшему брату, который, давъ Лелечкѣ рядъ всевозможныхъ инструкцій для покупокъ, отдыхалъ теперь на широкой постели въ спальнѣ матери съ учебникомъ кверхъ ногами въ рукахъ.

Учебникъ ни мало не занималъ Грани, и Павлукъ безцеремонно вытащилъ его изъ рукъ брата, а самъ примостился на краю кровати у него въ ногахъ.

— Слушай, Граня,—сказалъ онъ,—мать безпокоится, что ты слишкомъ много развлекаешься удовольствіями и забросилъ ученье, и просила меня переговорить съ тобою по этому поводу.

— Гм? — неопредѣленно — вопросительно проронилъ Граня и живописнымъ жестомъ отбросилъ кудри со лба.

И это «гм», и этотъ жестъ были не Гранины. Онъ заимствовалъ и то, и другое отъ Жоржа Берлинга, которому рабски подражалъ и манеры котораго превозносилъ до небесъ, считая ихъ послѣднимъ словомъ шика.

— Не ломайся!—рѣзко остановилъ его Павелъ,—а то говорить противно.

— Такъ и не говори, тѣмъ лучше: я спать хочу.

— Но пойми, мать-же безпокоится, тебѣ говорятъ...

— Да, что ей безпокоиться? Скажи ей, что если я побываю разъ-другой въ гостяхъ у нашихъ богачей или у нихъ въ ложѣ въ театрѣ, отъ этого я не стану глупѣе и хуже.—И новый жестъ пальцами въ воздухѣ, тоже не Гранинъ, а благопріобрѣтенный имъ у кого-то, закончилъ его коротенькую тираду.

— Мать безпокоится за твое ученье,—не унимался старшій Лоранскій. — Это времяпрепровожденіе совсѣмъ выбиваетъ тебя изъ колеи. Ужъ не говоря о томъ, что это расшатываетъ здоровье, силы, энергію, тебя, наконецъ, могутъ выключить изъ гимназіи, потому, что учиться ты сталъ премерзко!

— Мой милый, объ этомъ не безпокойся, — произнесъ Граня, разомъ мѣняя тонъ и усаживаясь на постели.— Что касается развлеченій, то ты можешь меня не предостерегать, я не маленькій и отлично понимаю, что если меня и выгонятъ за нерадѣніе—съ деньгами я не пропаду, на мѣсто поступлю.

— Что такое?—что такое?—даже испугался Павелъ.— Что ты говоришь? Подумай только! Вѣдь ты юнецъ! Кому ты нуженъ, на какое мѣсто въ шестнадцать лѣтъ! И причемъ тутъ деньги?

— Какъ причемъ? Богатому скорѣе, чѣмъ бѣдному повѣрятъ!—безапелляціозно рѣшилъ Граня.

— Но гдѣ-же богатство, Граня, гдѣ? Вѣдь, не настолько ужъ ты ребенокъ, чтобы не сообразить, что тысяча рублей—грошъ.

Семья Лоранскихъ. (Стр. 85).

— Изъ тысячи — можно десятки тысячъ сдѣлать,— снова прозвучалъ увѣренно голосъ юноши.

— Это еще какъ?

— А въ кредитъ? Мнѣ стоитъ только графу или Мишѣ...

— Граня! Граня! Но ты же несовершеннолѣтній! Кто же дастъ ребенку!—ужаснулся Павлукъ.

— Графъ и Миша тоже!

— Но вѣдь отдавать надо? Изъ какихъ суммъ ты будешь отдавать?

— Ахъ стоитъ-ли думать объ этомъ! Вонъ Миша Завьяловъ въ одинъ вечеръ четыреста рублей выигралъ въ карты. А онъ годомъ только старше меня.

— Граня! опомнись, что ты говоришь? — произнесъ Павлукъ съ ужасомъ.

— Что-жъ тутъ такого! Самое обыкновенное дѣло. Здѣсь нѣтъ ничего предосудительнаго, всѣ играютъ: и графъ Стоютинъ и Миша и Берлингъ.

— Твои графы, Берлинги и Миши—отъявленные бездѣльники!—вдругъ неожиданно на весь домъ заоралъ Павелъ Лоранскій, — они портятъ тебя, сбиваютъ съ прямого пути и если ты не одумаешься и не прекратишь дружбу съ ними, я завтра-же иду къ директору гимназіи и заявлю ему о томъ, что вы, мальчишки вмѣсто того, чтобы учить уроки, играете въ карты и каждый день ѣздите по театрамъ, такъ ты и знай!

— Удивительно честный поступокъ!—процѣдилъ сквозь зубы Граня — выпыталъ, а потомъ доносить! Подло это!

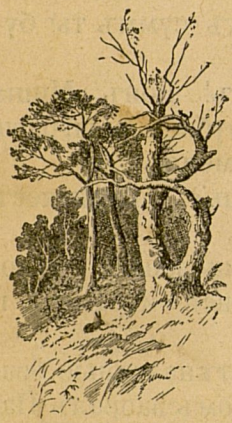
— Что? — не своимъ голосомъ заревѣлъ Павлукъ. И ты смѣешь это говорить старшему брату. Ахъ ты, молокососъ!

Павлукъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Глаза его сверкали бѣшенствомъ и схвативъ за плечи брата онъ легко поднялъ его съ кровати и поставилъ передъ собой.

— Если ты не измѣнишь твоего поведенія, мальчишка,— я сумѣю исправить его самъ! Понялъ меня?—произнесъ онъ съ угрозой, — и слегка оттолкнувъ опѣшившаго Граню, тя-

жело дыша поднялся со своего мѣста и поспѣшилъ навстрѣчу матери, прибѣжавшей на шумъ.

— Вы, мамочка, не безпокойтесь за Граню. Я съ нимъ поговорилъ и ему не грозитъ никакая опасность,—произнесъ онъ уже спокойно и, обнявъ встревоженную старушку, прошелъ съ нею въ столовую.



XШ.

ВАЛЕНТИНА послѣ обѣденнаго инцидента долго просидѣла одна, въ сумеркахъ въ своей крошечной комнатѣ.

Не Граня былъ причиной ея гнѣва. Граня подвернулся только, и гнѣвъ, накипѣвшій заранѣе, обрушился.

Она сердилась на Вакулина, за то, что онъ пожелалъ къ нимъ пріѣхать «взглянуть, какъ они устроились». Это укололо ея гордость.

— Пріѣдетъ взглянуть! Какъ устроились облагодѣтельствованные его отцомъ бѣдняки!—«богачъ, милліонеръ», какъ говоритъ Граня... а такта ни на волосъ. — Сказать такую фразу! Какъ «устроились», — благодаря деньгамъ его отца! Хорошъ гусь! Нечего сказать!

— А вотъ посмотримъ! вотъ посмотримъ! Какъ-то ты будешь снисходить къ намъ, бѣдненькимъ, ничтожнымъ людишкамъ, ты — богатый, независимый, гордый человѣкъ?»

И самое полученіе пяти тысячъ отъ старика Вакулина теперь потеряло свою прежнюю пріятную окраску въ глазахъ Валентины. Все-таки онѣ были получены при посредствѣ Юрія Юрьевича и онъ видѣлъ ее, гордую, самолюбивую дѣвушку, обязанной его отцу, и всю ея семью, устроившуюся благодаря этому.

И, глядя на свой новый костюмъ и изящныя золотыя

бездѣлушки, Валентина съ досадой думала о томъ, что Юрій Вакулинъ сразу пойметъ, изъ какихъ суммъ пріобрѣтены всѣ эти вещи.

Но отказаться отъ нихъ она не хотѣла, такъ какъ онѣ эффектно подчеркивали ея красоту, какъ дорогая оправа подчеркиваетъ камень самородокъ.

Вакулинъ пріѣхалъ ровно въ 10 часовъ, когда вся семья Лоранскихъ, не исключая и Кодынцева и Сонечки Гриневичъ, ежедневно бывавшихъ у нихъ, уже переставъ надѣяться на его пріѣздъ, сидѣла за столомъ, ломившимся подъ тяжестью всевозможной снѣди и яствъ, привезенныхъ Лелечкой изъ «города».

Звонокъ Вакулина раздался, такъ неожиданно, что Валентина, непріятно волновавшаяся все время, вздрогнула невольно.

— Такъ звонить могутъ только милліонеры! — произнесла она съ измѣнившемся лицомъ.

Но Вакулинъ не хотѣлъ, очевидно, казаться такимъ, какимъ его представляла себѣ дѣвушка: онъ вошелъ въ скромную маленькую столовую съ такой неподражаемой простотою, такъ весело и непринужденно перездоровался со всѣми и, сѣвъ около самовара, шутливо попросилъ разрѣшенія у Лелечки помогать ей хозяйничать. Потомъ, замѣтивъ среди прочей закуски омары, онъ страшно обрадовался имъ, говоря, что обожаетъ омары и голоденъ, какъ собака, потому, что рыскалъ цѣлый день по дѣламъ и не успѣлъ пообѣдать. Услышавъ это, Марья Дмитріевна ужасно взволновалась.

— Какъ? Не обѣдать до сихъ поръ? Да, вѣдь, это непростительно. И ничего не сказать! А мы его омарами угощаемъ! Супа надо, супа и бифштексъ!

И, несмотря на то, что Вакулинъ протестовалъ всѣми силами и отказывался отъ обѣда, Лелечка стрѣлой помчалась въ кухню и черезъ десять минутъ явилась обратно, вся красная отъ удовольствія, съ тарелкой борща въ рукахъ, случайно оставшагося отъ обѣда и разогрѣтаго на

бензинкѣ. Мяса дома не оказалось, и Θекла предложила сдѣлать яичницу-глазунью на черномъ хлѣбѣ, что встрѣтило настоящій восторгъ со стороны гостя. Минутъ черезъ пять поспѣшила и глазунья; Юрій Юрьевичъ съ преувеличенной жадностью накинулся на нее, шутливо болтая то съ Лелечкой и, Сонечкой Гриневичъ, потерявшими всю свою робость при этой простотѣ и любезности молодого милліонера.

Покончивъ съ яичницей и выпивъ чай, Вакулинъ прошелъ въ гостиную и, присѣвъ къ піанино, заигралъ хорошенькую бравурную итальянскую пѣсенку, чуть-чуть подпѣвая себѣ пріятнымъ, красивымъ теноромъ.

— Вы поете?—спросилъ Павлукъ.

— Немножко!—улыбнулся Вакулинъ, какъ-бы прося себѣ снисхожденія этой улыбкой и запѣлъ извѣстную арію, аккомпанируя себѣ на піанино, просто, свободно и легко.

— Чудесно! Чудесно!—подхватили присутствующіе.

Вакулинъ засмѣялся.

— Ну, не очень-то! Я плохой пѣвецъ!

— Ну, нѣтъ! Вы артистъ! Какой голосъ! — кричалъ восторженно Граня, совершенно позабывшій свое недавнее объясненіе съ братомъ и сіявшій, какъ имянинникъ.

Вакулинъ, польщенный, пѣлъ еще и еще...

И слушая его пѣніе, видя его простое, ласковое обхожденіе, всѣ Лоранскіе сразу рѣшили, что Юрій Юрьевичъ Вакулинъ простой и не гордый человѣкъ.

Но больше всѣхъ восторгался Граня. Куда дѣвался его нѣсколько пренебрежительный тонъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ со всѣми, тонъ избалованнаго красавца-мальчика, маменькина сынка и общаго баловня! Онъ буквально не сводилъ съ Вакулина влюбленнаго взгляда и слѣдовалъ за нимъ, какъ пажъ за своимъ королемъ.

Одна Валентина осталась въ столовой въ обществѣ Владиміра, когда всѣ перешли въ гостиную съ гостемъ, но до нея ясно доносились и красивый голосъ Вакулина

и отдѣльныя восклицанія, прерываемыя звучнымъ веселымъ смѣхомъ. И почему-то этотъ голосъ и смѣхъ были непріятны ей.

Вдругъ она ясно услышала фразу, донесшуюся до нея изъ гостиной:

— А развѣ Валентина Денисовна вовсе не будетъ участвовать?

— Валя! — крикнула изъ гостиной Лелечка, — Юрій Юрьевичъ хочетъ знать...

Дѣвушка нехотя вышла изъ столовой.

— Въ чемъ дѣло?—стараясь быть по возможности любезной, спросила она.

— Да вотъ про нашъ вечеръ Юрій Юрьевичъ спрашиваетъ!—оживленно пояснилъ Граня.—Юрій Юрьевичъ живое участіе принимаетъ въ немъ, массу цвѣтовъ жертвуетъ для продажи въ пользу гимназіи.

— Надо будетъ кіоскъ у входа сдѣлать!—произнесъ Вакулинъ.—Валентина Денисовна, вы не откажетесь взять на себя продажу цвѣтовъ? Было-бы очень любезно съ вашей стороны.

Лоранская задумалась на минуту. Идея продавать цвѣты на благотворительномъ вечерѣ въ пользу гимназіи, къ которой она привыкла, какъ къ своей, такъ какъ въ ней воспитывались оба ея брата, сразу улыбнулась ей. Довольное выраженіе скользнуло по ея лицу, когда она подумала о предлагаемой ей пріятной миссіи.

Ей было пріятно показаться въ хорошенькомъ кіоскѣ, въ освѣщенной бальной залѣ, нарядной и красивой, возбуждающей общій восторгъ.

Ея тщеславіе заговорило снова.

— Мерси!—поблагодарила она съ любезной улыбкой Вакулина, но только меня, вѣдь, не приглашали сами иниціаторы вечера.

— Объ этомъ не безпокойся!—перебилъ ее Граня:—завтра-же къ тебѣ командируютъ нашихъ лучшихъ учениковъ, „гордость класса“, съ приглашеніемъ осчастливить...

— И потомъ,—вмѣшался Павлукъ,—разъ кіоскъ съ цвѣтами жертвуется Юріемъ Юрьевичемъ, за нимъ остается право выбрать по желанію продавщицу.

— И не одну,—засмѣялся тотъ,—Валентинѣ Денисовнѣ едва-ли справиться одной; я попрошу помочь и Елену Денисовну, и Софью Николаевну.

На лицѣ Лелечки выразился неподдѣльный ужасъ.

Она? Продавать цвѣты? Да она сгоритъ отъ стыда, отъ одного присутствія въ нарядномъ бальномъ залѣ. И потомъ платье надо, платье новое и чулки, и туфли, и перчатки, а она такъ хотѣла не трогать своего капитала и оставить деньги про черный день!

Однако, отказываться было нельзя, и Лелечка, замѣтно смущенная, поспѣшила поблагодарить Вакулина.

Вакулинъ долго еще оставался у Лоранскихъ, съ каждой минутой все болѣе и болѣе очаровывая хозяевъ. Онъ уѣхалъ поздно ночью, спѣвъ еще на прощанье изъ „Евгенія Онѣгина“ арію Ленскаго предъ дуэлью.

— Какъ хорошо!—искренне восхищалась Лелечка.—Если-бы вы не были такъ богаты, вы пошли-бы конечно, на сцену?—добавила она внезапно.

— Да, если-бъ я не былъ богатъ, то поступилъ-бы, конечно, но теперь— увы! это невозможно!

— Почему?—искренне вырвалось у Лелечки.

— А потому, Елена Денисовна, что я слишкомъ хорошо знаю людей. Какъ ни дуренъ и плохо подготовленъ ни былъ-бы мой голосъ, но меня возьмутъ въ любую труппу ради моего состоянія, и еще, пожалуй, въ компаньоны пригласятъ. Къ сожалѣнію, деньги въ нашъ вѣкъ всесильны, на нихъ пріобрѣтается все: и талантъ, и карьера и даже личное счастье...

— Только не это!—порывистымъ восклицаніемъ вырвалось у Валентины.

Вакулинъ живо обернулся къ ней.

— Вы правы, Валентина Денисовна,—замѣтилъ онъ,—но онѣ, т. е., деньги, иногда способствуютъ ему.

Это была его послѣдняя фраза, послѣ которой онъ откланялся и, поблагодаривъ маленькую семью за радушіе, вышелъ въ переднюю въ сопровожденіи Лелечки и обоихъ братьевъ Лоранскихъ.

Между тѣмъ вся семья все еще находилась подъ обаяніемъ интереснаго гостя. Даже Павлукъ и тотъ съ оживленіемъ говорилъ о немъ:

— И кто могъ подумать, что онъ окажется такимъ симпатичнымъ парнемъ?.. Нѣтъ, простота-то какая, а? Прекрасный малый и гонора ни-ни, нисколечко!

— Цѣлый кіоскъ пожертвовалъ, цѣлый кіоскъ! — восторгался Граня.—Лелька,—неожиданно кинулся онъ на сестру,—ради Бога, со мной посовѣтуйся или съ Валентиной, хотя-бы, насчетъ твоего костюма, а то такой кутафьей вырядишься, что краснѣть за тебя придется...

— Ты туда поѣдешь, Валя?—тихо спросилъ Кодынцевъ, вышедшій изъ столовой во время пѣнія Вакулина.

— Ты слышалъ-же, кажется, что ее просили? Отказаться неловко,—отвѣтилъ за сестру, внезапно раздражаясь Граня.

— Ты поѣдешь?—переспросилъ Кодынцевъ.

Валентина молча кивнула головой. Она знала, что это огорчитъ ея жениха, съ которымъ она такъ рѣдко видѣлась послѣднее время, но отказаться отъ любезнаго приглашенія Вакулина и лишить себя удовольствія она не могла.

Что-то больно кольнуло Владиміра Владиміровича. Въ первый разъ ему стало досадно на свою невѣсту. Онъ слишкомъ высоко ставилъ ее, куда выше всѣхъ остальныхъ дѣвушекъ. И это Валя, его серьезная Валя, оказавшаяся не менѣе другихъ способной увлечься мишурнымъ блескомъ и дешево купленнымъ успѣхомъ толпы! Она способна ѣхать показывать свою красоту и нарядное платье, какъ самая пустенькая, свѣтская дѣвочка.

„И зачѣмъ ей это, когда настоящій успѣхъ ждетъ ее, успѣхъ талантливой артистки, жрицы искусства, успѣхъ актрисы?“

— Валя, голубушка!—произнесъ Владиміръ Владиміровичъ, обнимая за талію невѣсту,—не ѣзди на этотъ вечеръ, Валя, добрая моя! Прошу тебя!

— Но почему-же? я не вижу причины!—холодно произнесла Валентина.—Почему? Объясни, Володя!

— Да, хотя-бы для того, чтобы пробыть со мною лишній вечеръ. Я такъ мало и рѣдко вижу тебя теперь. То ты на репетиціяхъ, ну, это по необходимости, я знаю, или ѣздишь по магазинамъ или проводишь большую часть времени у твоихъ новыхъ театральныхъ товарокъ. Прежде ты не была такою, Валечка.

— Ахъ, Боже ты мой, какой ты смѣшной, Володя! Прежде мнѣ не въ чемъ было выѣзжать, да и не на что покупать наряды было!—произнесла Валентина.—А теперь, когда есть деньги и можно на нихъ одѣться, какъ слѣдуетъ и щегольнуть, смѣшно сидѣть дома на печкѣ,—пожимая плечами заключила она недовольнымъ тономъ.

— Стало быть на мое несчастье свалились эти деньги!—грустно проронилъ Кодынцевъ, поникнувъ головой.

— Какое несчастье! Не глупи, Володя,—раздражительнымъ тономъ бросила дѣвушка,—да, наконецъ, кто мѣшаетъ тебѣ всюду ѣздить со мною?! Мнѣ было-бы гораздо веселѣе, увѣряю тебя.

— Ну, нѣтъ ужъ, уволь, Валентина, въ свѣтскіе шаркуны я не гожусь! И, какъ огня боюсь многочисленной публики. Я—домашнее животное. Еще, пожалуй, и сконфужу тебя своимъ неуклюжимъ видомъ.

„А правда онъ неуклюжій, хотя и очень, очень хорошій человѣкъ!“—мысленно согласилась Валентина, невольно вспоминая своихъ новыхъ блестящихъ и ловкихъ знакомыхъ людей, которыхъ встрѣчала она у Сергѣева и Задонской, ѣздя къ нимъ на ихъ вечеринки каждую недѣлю.

И впервые она замѣтила, что Вадиміръ Владиміровичъ мало подходитъ къ ней, къ теперешней нарядной и изящной Валентинѣ, въ какую ее превратило наслѣдство Вакулина.

Въ то-же время въ другой комнатѣ сѣраго домика Лелечка шепотомъ жаловалась Сонѣ Гриневичъ, своему закадычному другу.

— Знаешь, Соня, ты не повѣришь, а я, такъ не рада, такъ не рада, что эти противныя деньги намъ съ неба свалились. Всѣ изъ за нихъ какіе-то, точно шалые, стали. Граня, такъ франтитъ и пыль въ глаза пускаетъ, что смотрѣть страшно. И тоже въ гимназію утромъ не прогнать. Всѣ вечера напролетъ у товарищей проводитъ. Мама волнуется, ночи не спитъ, видя, что деньги таютъ. Павлукъ уроками манкируетъ. Очень похвально! А кто больше всего меня пугаетъ, такъ это—Валентина: не хуже Грани деньги бросаетъ и постоянно твердитъ, что богатымъ актрисамъ легче пробиться: и костюмы у нихъ, и брилліанты, и все такое... Ахъ, Сонечка, нехорошо у насъ какъ-то стало, ей-Богу, нехорошо!

И Лелечка, глубоко вздохнувъ, поникла своей милой рыжекудрой головкой.

XIV.

ОБЫКНОВЕННО рождественскій сочельникъ и первый день праздниковъ справлялись очень патріархально семьей Лоранскихъ: дѣлали елку, украшая ее совмѣстными усиліями; потомъ немножечко пѣли, немножечко танцовали послѣ всенощной, такъ какъ въ сочельникъ приходили къ Лоранскимъ и товарищи Павла, и кое-кто изъ Лелечкиныхъ подругъ. Но это Рождество наступило скучно и незамѣтно. Гостей, противъ обыкновенія не было, елку украшали только Марья Дмитріевна и Лелечка съ Сонечкой Гриневичъ,

забѣжавшей къ Лоранскимъ. Павлукъ нарядился въ новую сюртучную пару и отправился встрѣчать праздники куда-то въ гости. Граня тоже отправился къ кому-то изъ гимназистовъ. Даже Валентина, проводившая всегда всѣ большіе праздники дома, уѣхала въ этотъ разъ „встряхнуться“ къ Сергѣеву, устраивавшему у себя елку для всей актерской братіи.

Марья Дмитріевна даже всплакнула подъ зажженнымъ деревцомъ: ей было невыразимо грустно это нарушеніе давнишнихъ традицій ея дорогой семьи. И дѣйствительно, зажженная елка, не окруженная молодыми веселыми лицами, производила крайне грустное впечатлѣніе и на старушку Лоранскую, и на двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, чувствовавшихъ какое-то тоскливое уныніе въ этотъ вечеръ.

Въ десятомъ часу пришелъ Кодынцевъ. Но обыкновенно веселый и жизнерадостный онъ на этотъ разъ не принесъ съ собою обычнаго оживленія. Отсутствіе Валентины непріятно поразило его.

— Ужъ поженились бы вы скорѣе! — говорила Лелечка,—а то, что это, право, врозь да врозь!

Кодынцевъ, такъ и не дождался въ этотъ вечеръ Валентины. Она вернулась около часу ночи, веселая, возбужденная, въ нарядномъ новомъ платьѣ и въ брилліантовыхъ сережкахъ въ ушахъ.

— Мой будущій успѣхъ праздновали въ Снѣгурочкѣ— произнесла старшая Лоранская: — будущее исполненіе роли... Какъ весело было, Лелечка! И, что славные люди, эти актеры! Особенно дядя Миша...

— Володя былъ безъ тебя, — проронила младшая сестра.

— Да?—спокойно изумилась Валентина.

Это „да“ больно царапнуло чуткое сердце Лелечки; ей стало безконечно жаль Кодынцева.

— Валечка,—произнесла она робко,—ты, поссорилась съ Володей?

— Нѣтъ, а что?—удивилась та.

— Да, какъ-то вы видитесь рѣже теперь. И ты ужъ не такая ласковая къ нему стала.

— Вотъ удивительно созданы люди!—произнесла Валентина недовольнымъ тономъ.—Если нѣтъ непріятностей, они способны выдумывать ихъ,—и вдругъ, замѣтя вытянувшееся личико сестры, добавила уже много ласковѣе:—ты смѣшная, Лелечка, ты забываешь, что, кромѣ Володи, у меня явился новый интересъ—искусство, для котораго я положу всю мою жизнь. Не мучь-же себя, глупенькая моя дѣвчурка, повѣрь, Володя не будетъ имѣть повода быть недовольнымъ мной.

И, поцѣловавъ розовую щечку Лелечки, Валентина прошла къ себѣ.

Гимназическій вечеръ, устраиваемый съ благотворительною цѣлью въ залѣ фонъ-Дервиза, приходился на третій день Рождества. Въ этотъ день маленькую гостиную Лоранскихъ нельзя было узнать... Она, по крайней-мѣрѣ, имѣла видъ театральной уборной: юбки, лифа, шарфы, кружева, цвѣты и ленты,—все это висѣло, лежало, раскиданное въ живописномъ безпорядкѣ по широкимъ старомоднымъ диванамъ, столамъ и кресламъ.

Кромѣ Валентины и Лелечки, собиравшихся на балъ въ залъ фонъ Дервиза, сюда пришла и Сонечка Гриневичъ, чтобы одѣться вмѣстѣ съ сестрами Лоранскими и ѣхать съ ними.

Бѣлое тюлевое платье Валентины произвело настоящій фуроръ. А когда она, поверхъ вырѣзаннаго лифа, накинула пышное страусовое боа, Θекла, вышедшая изъ кухни поглазѣть на туалеты барышень, всплеснула руками и, чуть не захлебываясь отъ восторга, произнесла:

— Анделъ! ну, какъ есть, сущій анделъ, ей-Богу!

И рыжекудрая Лелечка, и миловидная Гриневичъ, въ своихъ одинаковыхъ, по ихъ общему соглашенію, голубенькихъ платьицахъ, совсѣмъ стушевались около ярко выступившей въ своей эффектной оправѣ красоты Валентины.

Павлукъ, великодушно предложившій себя въ спутники барышнямъ, такъ какъ Граня, въ качествѣ распорядителя, долженъ былъ уже съ семи часовъ уѣхать въ дервизовскій залъ. Павлукъ при видѣ старшей сестры остановился въ дверяхъ и развелъ руками.

— Ого! шутъ возьми! Здорово пущено! — произнесъ онъ, окидывая всю ея фигуру любующимся взглядомъ.— Хорошо!

— Что, нравится?—спросила та.

Она, опустивъ руки стояла теперь предъ братомъ, какъ стоитъ модель предъ художникомъ, ожидая его приговора.

— Ахъ, Ты, Господи! Королева! Понимаешь-ли, королева!—въ голосъ завопилъ тотъ.—Ай-да Галерная гавань, покажетъ себя! — Володька! — бросился онъ къ вошедшему Кодынцеву, — ты — счастливѣйшій человѣкъ потому что твоя будущая жена — самая красивая женщина въ мірѣ!

— А по мнѣ,—вставила свое слово подошедшая Марья Дмитріевна,—по мнѣ не то хорошо, что красива Валечка, а то что она добрая, славная дѣвушка. Это много кратъ лучше. Красота-то пройдетъ съ годами, а душа останется не подурнѣетъ, не испортится до самой смерти, и Володенька, я думаю, со мною согласенъ въ этомъ. Правду-ли я говорю, Володенька? — обратилась къ Кодынцеву старушка.

Послѣдній поспѣшилъ согласиться съ нею. Онъ зашелъ по приглашенію Валентины взглянуть на нее передъ баломъ и не узнавалъ ее.

Она, эта эффектная, красавица дѣвушка, эта королева, какъ назвалъ ее Павелъ, казалась ему теперь такой чужой и недоступной! Она такъ далека была отъ той милой спокойной дѣвушки, которая прошедшей весной подъ вѣткой яблони сказала ему свое драгоцѣнное «люблю». Но и эта новая, нарядная, эффектная Валентина была ему все-таки безконечно дорога, потому что все-таки это была она, из-

бранница его, будущая любимая жена и другъ на всю жизнь.

А Валентина, между тѣмъ, говорила ему какимъ-то новымъ голосомъ, и каждое слово этого голоса казалось неискреннимъ и чуждымъ Кодынцеву въ ея устахъ:

— Ты не сердишься больше, Володя? Ты не дуешься на меня? И странно было-бы дуться за то, что я хочу немного повеселиться... не правда-ли? Ты, вѣдь, самъ помнишь часто упрекалъ меня въ чрезмѣрномъ спокойствіи и равнодушіи къ жизни, а теперь... Теперь ты снова недоволенъ, что я немного развернулась... И почему-бы тебѣ не поѣхать съ нами?.. Право, поѣдемъ, Володя?

«И въ самомъ дѣлѣ, почему-бы не поѣхать?»—мелькнуло въ головѣ Кодынцева, но онъ тотчасъ-же отбросилъ эту мысль.

— «Ну куда ему ѣхать медвѣженку неуклюжему, онъ и танцовать-то не умѣетъ, а одинъ видъ бальной залы наводитъ на него тоску! Нѣтъ, ему тамъ не мѣсто!»

Между тѣмъ, Валентина не хотѣла, казалось замѣчать его упорство. Она усадила Кодынцева на диванчикъ подлѣ себя и говорила ласково и задушевно:

— Не сердись, Володя, что я не исполнила твоей просьбы... и что я ѣду, но... это—первый и послѣдній вечеръ моей жизни... Когда я выйду замужъ, то клянусь тебѣ, никуда кромѣ театра не буду выѣзжать. Общество для меня уже не будетъ существовать. Даю тебѣ слово! А сегодня мнѣ такъ хочется на людей посмотрѣть и себя показать, Володя!

Четверть часа позднѣе Кодынцевъ заботливо укуталъ свою невѣсту въ новую ротонду съ бѣлымъ воротникомъ тибетской козы и посадилъ ее съ Лелечкой на извозчика. На другого извозчика усѣлись Сонечка Гриневичъ и Павлукъ.

— Желаю веселиться! — крикнулъ Кодынцевъ, когда они отъѣхали, въ пространство декабрьской студеной ночи, и съ упоеніемъ прислушался къ милому голоску, отвѣтившему изъ-подъ поднятаго воротника тибетской козы:

— Спасибо, Володя! Завтра вечеромъ жду тебя непремѣнно!

И, успокоенный, съ умиротворенной душой, Кодынцевъ пошелъ обратно въ маленькую гостиную, гдѣ все такъ живо напоминало ему недавнее присутствіе Валентины.

— Уѣхали? — спросила Марья Дмитріевна, приводившая въ порядокъ гостиную послѣ отъѣзда дочерей.—А Валечка-то какая,—не дожидаясь его отвѣта, восторгалась старушка:—смотришь на нее, удивляешься: и откуда у меня такая красавица уродилась? Дѣйствительно, королева! И держитъ себя, какъ настоящая аристократка! И откуда у нея эти манеры? Эхъ, не подходитъ она къ нашей жизни!.. Ей роскошь, богатство нужны. Вонъ она развернулась, какъ только лишь нашла возможность по-людски одѣться... Какъ рыба въ водѣ заплавала... точно и вѣкъ она была такой-то принцессой!

Но тутъ старушка Лоранская вдругъ осѣклась, взглянувъ въ лицо Кодынцева, онъ весь какъ-то разомъ осунулся и потускнѣлъ.

«Не подходитъ она къ нашей жизни», — зазвенѣли у него въ ушахъ слова старушки, и, что было хуже всего, то, что онъ самъ отлично сознавалъ всю справедливость этихъ словъ. Онъ раньше всѣхъ понялъ эту горькую истину. Еще будучи скромной бѣдной дѣвушкой, нуждающейся въ самомъ необходимомъ, Валентина уже носила въ себѣ всѣ эти зачатки любви къ роскоши и богатству, а теперь, когда его золотыя пылинки—только пылинки—облѣпили ее, она разомъ расцвѣла и преобразилась.

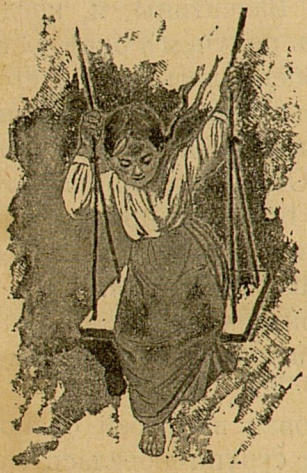
«Да! не для скромной будущности создана Валентина! Она зачахнетъ, какъ цвѣтокъ, въ своей сѣрой обстановкѣ...»—съ горечью подумалось молодому человѣку.

А Марья Дмитріевна, угадавшая мысли Кодынцева, уже сожалѣла о начатомъ разговорѣ и всѣми силами старалась исправить непріятное впечатлѣніе, произведенное ея словами.

— Полно, Володенька, не грусти!—говорила она,—вы-

ходъ есть: Валечка — артистка, и въ денежныхъ недочетахъ ее утѣшитъ сценическій успѣхъ—и не замѣтитъ ихъ. А успѣхъ у нея будетъ, самъ-же ты говоришь, что она талантливая...

— Дай Богъ, дай Богъ!—грустно покачивая головою, произнесъ Кодынцевъ и, простившись съ доброй старушкой, печально побрелъ домой.



XV.

Появленіе барышень Лоранскихъ въ небольшомъ, но красиво декорированномъ залѣ фонъ-Дервиза, произвело настоящую сенсацію. Граня, со значкомъ распорядителя, встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ и опытнымъ взглядомъ цѣнителя окинулъ туалеты сестеръ.

«Батюшки мои, какъ Валентина эффектна!.. И одѣта очаровательно»,— не могъ не замѣтить онъ про себя.

Большая часть гимназистовъ-старшеклассниковъ окружила барышень, выпрашивая у Валентины какой-нибудь танецъ. Та только улыбалась и молча покачивала своей очаровательной головкой, ссылаясь на то, что не можетъ танцовать, такъ какъ ей предстоитъ нелегкая роль продавщицы.

Тогда вся эта шумная орава накинулась на Лелечку. У той даже закружилась голова отъ всѣхъ этихъ именъ, фамилій, синихъ мундировъ и юныхъ лицъ. Она кончила тѣмъ, что перепутала ихъ всѣхъ, и стояла теперь розовая, смущенная подлѣ старшей сестры.

Искренній возгласъ изумленія и восторга вырвался изъ груди Валентины, когда она увидѣла кіоскъ съ цвѣтами,

гдѣ она должна была продавать. Это была прелестная благоухающая бесѣдка изъ розъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная кровянисто-алымъ цвѣтомъ и кончая бѣлою и нѣжною, какъ снѣгъ, изъ нѣжныхъ гарденій, похожихъ на мечту, изъ красныхъ камелій и медвяно-ароматичныхъ лилій, дурманящихъ до головокруженія. Небольшая рама изъ зеленаго плюща, перевитаго съ темно-красными, почти черными розами, была настолько невелика, что въ ней могла только помѣститься головка Валентины, и, когда дѣвушка появилась въ этомъ живомъ пахучемъ окнѣ, всѣ, кто былъ въ эту минуту въ залѣ, обернулись въ ея сторону: среди темнаго плюща и темныхъ цвѣтовъ окутанная бѣлымъ тюлемъ Валентина казалась настоящей сказочной феей и рѣдкой красавицей. Она сама поняла это изъ того шепота одобренія, который пронесся по залу при ея появленіи въ рамкѣ бесѣдки и въ сердцѣ ея зажглось чувство и гордости и удовлетвореннаго тщеславія.

Публика начала стекаться къ девяти часамъ.

Самъ Вакулинъ пріѣхалъ предъ вторымъ отдѣленіемъ концерта.

Валентина торговала безъ остановки въ своей очаровательной бесѣдкѣ. Около ея кіоска сгруппировалась самая блестящая публика.

— Ну, что, справляетесь, Валентина Денисовна?—отвѣшивая почтительный и низкій поклонъ дѣвушкѣ, спросилъ ее Вакулинъ.

— Слава Богу, все идетъ отлично!—весело отозвалась она.

Послѣ концерта стулья сразу исчезли куда-то изъ зала въ одно мгновеніе ока, благодаря ловкости юныхъ распорядителей, и начались танцы.

— А вы не танцуете? — спросилъ снова молодую дѣвушку Вакулинъ при первыхъ звукахъ вальса.

— Напротивъ, страшно люблю танцы, но если я пойду кружиться, пріостановится продажа цвѣтовъ. И бѣдные гимназисты будутъ въ убыткѣ! — искренне отвѣчала она.

— Но въ такомъ случаѣ, я попрошу кого-нибудь изъ распорядителей замѣнить васъ! — любезно произнесъ Вакулинъ и посадивъ на мѣсто Валентины въ кіоскѣ подвернувшагося, кстати, Граню, подвелъ своего товарища, блестящаго офицера къ Валентинѣ, который и пригласилъ на туръ вальса старшую Лоранскую.

Молодая дѣвушка вальсировала прекрасно. Ея граціозная фигурка носилась, какъ нарядная птичка съ одного конца залы на другой. До ея ушей долеталъ сдержанный шепотъ восторга по ея адресу, срывавшійся съ устъ присутствующихъ и сердце тщеславной Валентины билось съ удвоенной силой.

Чуть чуть запыхавшуюся ея кавалеръ доставилъ ее къ кіоску. Но ей не удалось присѣсть. Цѣлая толпа молодежи ждала ее тамъ прося Вакулина представить ихъ дѣвушкѣ.

И снова Валентина закружилась по залу, возбуждая общій восторгъ своей граціей и красотой.

За вальсомъ слѣдовала кадриль.

Лелечка и Соня Гриневичъ тоже танцовали безъ устали.

Валентину снова пригласилъ товарищъ Вакулина, офицеръ Смирновъ и они заняли мѣста. Самъ Юрій Юрьевичъ не танцовалъ изъ-за траура.

— Вамъ весело?—спросилъ онъ дѣвушку.

— Ужасно!—искренне вырвалось у нея.—Вѣдь, это мой первый большой вечеръ!

Ей было дѣйствительно весело. Хотѣлось, чтобы этотъ чудный балъ длился безконечно. Послѣ кадрили начался безконечно длинный, веселый котильонъ, во время котораго Валентину выбирали то и дѣло и она танцовала, не присаживаясь ни на минуту. Ею восхищались, ей говорили, что она царица бала, и она кружилась какъ бабочка, беззаботно и весело отдаваясь веселью, зачарованная своимъ успѣхомъ.

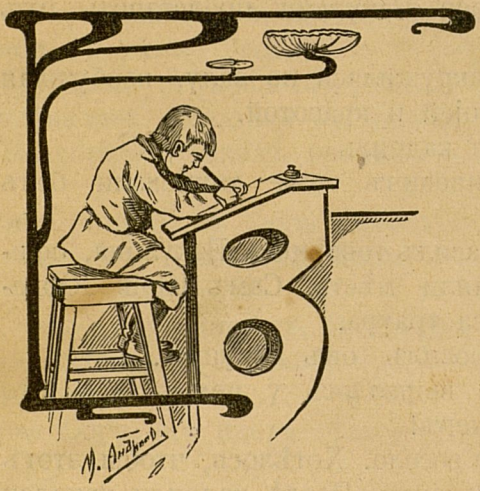
Какъ сонъ промелькнулъ чудный вечеръ и Валентина

очень удивилась, какъ Павлукъ напомнилъ, что пора ѣхать домой.

И тутъ только по дорогѣ въ гавань, дѣвушка впервые вспомнила о Кодынцевѣ и сердце ея защемило упрекомъ.

— Бѣдный Володя! А ему и не пришлось повеселиться, какъ мнѣ!—подумала она.

— Ну ужъ и балъ!—ворчала ѣхавшая съ нею Лелечка,—весь воланъ у юбки оторвали и платье надо въ чистку отдавать. И чѣмъ они паркетъ натираютъ, что отъ него желтыя пятна на подолѣ остаются! Нѣтъ ужъ ни за какія каврижки не буду ѣздить по баламъ! И убыточно да и не весело вовсе!—рѣшила она подъѣзжая къ дому.



XVI.

ВАЛЕНТИНА сидѣла взволнованная и грустная передъ началомъ репетицій у себя въ театральной уборной. Эта недѣля послѣ благотворительнаго вечера протянулась какимъ-то тоскливымъ кошмаромъ. Въ театрѣ вышла неприятность. Донская-Звонская отказалась играть Купаву, подругу Снѣгурочки, оттого только, что ея роль была второстепеннѣе самой Снѣгурочки, которую играла она Валентина,—пришлось замѣнить ее другой актрисой. Костюмы, присланные поставщикомъ-костюмеромъ оказались далеко не удовлетворительными для Снѣгурочки—Лоранской. Дешевый парикъ сидѣлъ плохо. Теперь уже было невозможно добыть другой парикъ и костюмы, не изъ

чего было сдѣлать. Тѣ тысяча двѣсти рублей, которые пришлись на ея долю, давно вышли на покупку ротонды, платьевъ, необходимыхъ и самыхъ скромныхъ брилліантовъ. Валентина издержала всѣ свои деньги; даже пришлось призанять у Лелечки, великодушно предложившей свои услуги.

А тутъ еще Граня. На Граню уже жаловались изъ гимназіи, грозили исключеніемъ. Несмотря на выговоръ и угрозы старшаго брата, онъ продолжалъ дружить съ Берлингомъ и Завьяловымъ и попался съ ними кому-то изъ преподавателей въ ресторанѣ, куда гимназистамъ строго запрещалось ходить. Гранина часть испарилась уже давно, какъ дымъ, о ней не было и помина, и онъ уже тоже кредитовался у той-же Лелечки. И Павлукъ ходилъ, какъ въ воду опущенный, и нылъ, что у него нѣтъ денегъ и что деньги нужны до зарѣзу, потому что на свои деньги онъ сдѣлалъ новую обмундировку, платье и бѣлье, а частью роздалъ товарищамъ.

Словомъ, вся семья Лоранскихъ разомъ пришла къ тому заключенію, что сумма въ пять тысячъ—далеко не не такая крупная сумма, какою показалась имъ вначалѣ, и что лучше ея совсѣмъ не было-бы: по крайней мѣрѣ, они не были-бы выбиты изъ колеи внезапно осыпавшимися на нихъ золотыми крохами.

Все это было крайне непріятно и не могло не отразиться на настроеніи Валентины. Но больше всего ее мучилъ сейчасъ недостатокъ съ костюмомъ. Невозможно было играть Снѣгурочку въ томъ, что ей принесли изъ костюмерной. Надо было соорудить во чтобы то ни стало новый костюмъ, а на него не было денегъ. Она жестоко раскаявалась теперь въ томъ, что купила много ненужныхъ и безполезныхъ вещей, не отложивъ ничего на болѣе необходимое пріобрѣтеніе.

Продавать же одно, чтобы купить другое, Валентина не хотѣла изъ ложной гордости. Всѣ въ театрѣ уже знали и ея нарядные костюмы и драгоцѣнныя вещицы. Оста-

валось одно: играть въ старомъ обтрепанномъ «казенномъ» платьѣ и некрасивомъ парикѣ.

Лоранская самымъ искреннимъ образомъ приходила въ отчаяніе отъ своего «несчастья». Въ ея головѣ уже мелькала мысль отказаться отъ роли Снѣгурочки.

— Вотъ-то Донская-Звонская будетъ рада!...—быстро промелькнуло у нея въ головѣ.—Нѣтъ, ужъ буду играть, чтобы не дать торжествовать насмѣшницѣ!—рѣшила она съ тяжелымъ вздохомъ.

Въ уборную постучали.

— Войдите!—крикнула молодая дѣвушка.

На порогѣ театральной комнатки появилась маленькая худенькая особа въ поношенномъ салопчикѣ съ хитрымъ пронырливымъ лицомъ и безпокойно бѣгающими глазками. У нея былъ огромный узелъ въ рукахъ. Это была очень извѣстная по театру продавщица коммисіонерша, снабжавшая костюмами артистовъ и артистокъ въ кредитъ.

Вмѣсто того, чтобы заплатить всю сумму сполна, кліенты и кліентки этой ловкой особы выплачивали ей въ разсрочку. Но за то и цѣны же назначала она!

Марѳеньку-поставщицу самымъ справедливымъ образомъ называли вампиромъ, потому что она не хуже любого вампира высасывала кровь изъ своихъ кліентовъ вытягивая изъ нихъ огромныя деньги за самыя нестоящія вещи. Но все-таки прибѣгали къ ея помощи, потому что во-первыхъ, вампиръ давалъ товаръ въ разсрочку, во-вторыхъ, не требовалъ никакого задатка.

— Что вамъ Марѳенька?—удивленно вскинула глазами на неожиданную посѣтительницу Валентина, кивнувъ головкой на ея поклонъ.

— А вотъ слыхала я отъ госпожи Донской, золотая моя барышня,—запѣла приторно-слащавымъ голосомъ Марѳенька, что вы въ костюмѣ нуждаетесь. А у меня какъ разъ на вашъ ростъ „Снѣгурочка“ найдется. Случайно пріобрѣла. Вотъ взглянуть не пожелаете-ли?

И прежде чѣмъ Лоранская успѣла произнести слово

Семья Лоранскихъ. (Стр. 104).

она живо развязала свой узелъ и молодая дѣвушка увидѣла очаровательный изъ бѣлаго атласа, отороченный лебяжьимъ пухомъ, костюмъ Феи Зимы и такою-же лебяжьею шапочкой и высокими сапожками.

— Ахъ, какая прелесть!—вырвалось возгласомъ восхищенія изъ груди Валентины. Но это, должно быть, страшно дорого, Марѳенька!?

— Не дороже денегъ, красавица вы моя! А вы примѣрьте только, костюмчикъ-то. А съ уплатой послѣ сочтемся.

— Да у меня и денегъ-то нѣтъ, чтобы заплатить!

— Эва! А Марѳенька-то на что? Да Марѳенька сто лѣтъ уплаты отъ такой хорошей барышни ждать будетъ. Служить будете, играть хорошо станете и прибавку получите, вотъ и расплатитесь. Вы только примѣрьте! Только примѣрьте, красавица вы моя!

Валентина не могла уже устоять отъ соблазна и примѣрила костюмъ. Какимъ-то чудомъ у той-же Марѳеньки очутился и парикъ совсѣмъ подходящій на ея, Валентинину голову. Молодая дѣвушка примѣрила и парикъ и невольно ахнула взглянувъ на себя въ зеркало.

Передъ ней стояла прелестная маленькая Фея Зимы—дѣвочка Снѣгурочка, бѣлокурая, нарядная, очаровательная въ своемъ бѣломъ костюмѣ.

— Ну, не говорила я! Ну, не говорила! Точно на васъ все это по заказу сдѣлала, красавица вы моя писанная!—юлила вокругъ нея Марѳенька. — Неужто-жъ откажетесь отъ роскоши такой!?

Валентина еще разъ оглядѣла себя въ зеркалѣ и рѣшила тутъ-же; отказаться она не въ силахъ.

Ужъ очень привыкла она производить впечатлѣніе своими нарядами за послѣднее время! О потрепанномъ старомъ казенномъ костюмѣ ей не хотѣлось и думать, — а Марѳенька подождетъ,—рѣшила она и тутъ-же подписала счетъ, поданный ей, Марѳенькой, по которому она должна была уплатить крупную сумму поставщицѣ..

За пять минутъ до начала Валентина была готова. Въ бѣлой коротенькой юбочкѣ Феи Зимы, въ красивой серебристой рубашкѣ, въ лебяжьей шапочкѣ, она казалась дѣвочкой, прелестной граціозной дѣвочкой, почти ребенкомъ, такъ, по крайней-мѣрѣ, сказали ей, одѣвавшая ее Лелечка, и пришедшіе взглянуть на нее братья и Кодынцевъ, передъ самымъ выходомъ на сцену.

Когда Валентина выпорхнула на подмостки, прелестная, какъ бабочка, ее сначала не узнали въ залѣ, но, лишь только она заговорила, театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій и покрылъ ея слова восторженнымъ гуломъ и криками.

Валентина торжествовала: вся эта разношерстная уже знакомая и милая ея душѣ толпа встрѣтила ее, какъ любимицу.

Первую сцену она провела съ неподражаемой дѣтской граціей ребенка Снѣгурочки, упрашивающей, дѣдушку Мороза и мать Весну-Красавицу, отпустить ее на волю, изъ дремучаго лѣса погостить у людей.

Ея дѣтскій монологъ прозвучалъ съ такимъ подъемомъ, съ такимъ восторгомъ, смѣшаннымъ съ увѣренностью, что она найдетъ тамъ счастье, во чтобы-то ни стало, что весь театръ откликнулся гуломъ апплодисментовъ на этотъ молодой вызовъ судьбѣ.

И вдругъ невидимая изъ оркестра рука подала ей тяжелую корзину, наполненную бѣлыми, какъ снѣгъ лиліями.

Радостная, трепещущая Валентина низко поклонилась публикѣ.

Выраженіе восторга освѣтило все ея красивое лицо. Между публикой и прелестной дѣвочкой-Снѣгурочкой словно протянулись какіе-то невидимые проводы, соединившіе ихъ другъ съ другомъ въ одно гармоническое цѣлое.

Второй актъ, гдѣ преобразившаяся изъ дѣвочки-Снѣгурочки въ простую крестьяночку, Валентина попадаетъ въ царство царя Берендея и встрѣчаетъ тамъ пастушка Леля,—удался еще лучше молодой артисткѣ.

Валентина была, какъ въ дурманѣ, передавая со сцены трогательную исторію Снѣгурочки.

Роль удалась ей, помимо ожиданія, и удалась—блестяще.

Прелестная классическая сказка Островкаго захватила дѣвушку. Роль Снѣгурочки чрезвычайно подходила къ ней. Холодная маленькая Снѣгурочка уходитъ къ людямъ изъ своего лѣсного царства, чтобы радоваться, веселиться и печалиться съ ними вмѣстѣ. Но у нее сердечко изъ льда, она любить не умѣетъ. А въ царствѣ Берендеевъ назначено общее благословеніе царемъ на бракъ дѣвушекъ и юношей. Снѣгурочка видитъ счастье другихъ и ей хочется полюбить тоже. Она бѣжитъ обратно въ лѣсъ, вызываетъ свою мать Весну-Красавицу изъ лѣсной чащи и умоляетъ ее дать ей немного сердечнаго тепла, любви, той любви, которую переживаютъ люди. И Весна исполняетъ желаніе дочери, даетъ ей просимое, предостерегая ее отъ солнца, которое можетъ погубить ее, расплавить, уничтожить своими лучами.

Снѣгурочка возвращается въ деревню, счастливая, радостная. Она любитъ пастушка Леля и отдаетъ ему свое сердце.

Но когда царь Берендей благословляетъ брачущіеся пары дѣвушекъ и юношей—внезапно появляется солнце и подъ его нестерпимыми лучами таетъ и исчезаетъ на глазахъ толпы дѣвочка-Снѣгурочка, умирая, все-же счастливой тѣмъ, что узнала человѣческое теплое, свѣтлое чувство любви.

— Вы очень мило играете,—встрѣтилъ ее похвалой за кулисами режиссеръ по окончаніи спектакля.

— Прекрасно, что и говорить!—подхватилъ Сергѣевъ.

А въ уборной ее уже ждали „свои“, на этотъ разъ съ Марьей Дмитріевной во главѣ, рѣшившейся по настоянію младшихъ членовъ семьи придти посмотрѣть дочурку.

— Валечка, умница ты моя!—прошептала старушка и вдругъ тихо заплакала, прижимая голову дочери къ груди.

— Мамочка! а костюмъ-то каковъ на нашей Вален-

тинѣ!—Вотъ что значитъ знаменитость, какой нарядъ-то ей соорудили, не поскупилась театральная дирекція, — вскричалъ Павлукъ.

Хорошо, что Марья Дмитріевна не смотрѣла въ эту минуту въ лицо дочери, а то-бы отъ нее не ускользнулъ смущенный и растерянный видъ дѣвушки. Всѣмъ своимъ Валентина сказала, что нарядъ Снѣгурочки у нея „казенный", сдѣланный театральной администраціей и теперь она вспыхнула до корней волосъ за эту ложь.

— А тебѣ Вакулинъ цвѣты прислалъ! Его самого въ театрѣ не было. Зато корзина!..—тараторилъ Граня:—это за твое участіе въ продажѣ въ кіоскѣ, а въ слѣдующій разъ самъ пріѣдетъ и товарищей своихъ привезетъ, онъ говорилъ мнѣ сегодня, я у него былъ съ визитомъ. Весь первый рядъ займутъ и хлопать будутъ. Ахъ, какой онъ любезный, завтракомъ меня угощалъ!—хвасталъ Граня.

— А ты бы лучше уроки училъ, чѣмъ визиты дѣлалъ!— буркнулъ на него Павлукъ.

— Ну, на тебя не угодишь,—обиженно надулъ губы Граня.—Я и то съ Берлингомъ и графомъ разошелся и не дружу съ ними. А ты все ворчишь.

Граня говорилъ неправду. Онъ по прежнему дружилъ и съ Берлингомъ и съ Завьяловымъ и съ Стоютинымъ, но боясь новой вспышки Павлука и исполненія угрозы послѣдняго, не рѣшался сознаться въ этомъ.

XVII.

Въ послѣднее время Граня ходилъ мрачный, нахмуренный и сердитый. У Грани не было денегъ. За это время юноша такъ привыкъ ощущать въ карманѣ пріятное позвякиваніе монетъ и шелестъ ассигнацій, какъ и привыкъ проводить вечера въ веселомъ обществѣ богатыхъ друзей гдѣ-нибудь или въ ложѣ театра, или въ циркѣ, куда не проникалъ глазъ бдительнаго гимназическаго начальства; привыкъ одѣваться франтикомъ, душиться дорогими духами, носить дорогую обувь... Онъ «тянулся» за богатыми товарищами и подражалъ ихъ образу жизни и привычкамъ. Его «часть» растаяла очень скоро, такимъ образомъ, благодаря подобнымъ требованіямъ и вкусамъ; новыхъ рессурсовъ не откуда было ожидать, а требованія увеличивались съ каждымъ днемъ, такъ какъ привычка бросать деньги на всевозможныя удовольствія, глубоко пустила свой вредный корень въ нѣдра души Грани.

И Граня страдалъ искренне, упорно...

Пріобрѣтеніе денегъ являлось теперь ему чѣмъ-то въ родѣ маніи. Онъ думалъ о нихъ, бредилъ ими. Правда, оставалась еще нетронутая материнская часть (Лелечкины деньги были уже дружно раздѣлены и не менѣе дружно растрачены имъ и Валентиной, благо она сама предложила ихъ), но Граня не рѣшился-бы ни за что безпокоить мать съ подобной просьбой.

А его друзья, Берлингъ, Завьяловъ, Стоютинъ, невольно усиливали мученія Грани.

— Лоранскій!—ѣдемъ прокатиться сегодня!—говорили то тотъ, то другой изъ нихъ.—Жоржъ тройку нанялъ! Прелесть, что за лошадки!

— Не хочу! одни поѣзжайте! — мрачно отказывался Граня и съ завистью слѣдилъ за товарищами, которые собравшись въ кружокъ, оживленно совѣщались по поводу новой прогулки.

— Да, что ты сквалыжничаешь? — посмѣивался надъ нимъ тотъ-же Берлингъ.—Всѣмъ извѣстно, что наслѣдство получилъ, а онъ скупится...—насмѣшливо добавлялъ онъ.

— Хорошее наслѣдство! — нечего сказать! — закипалъ неожиданнымъ гнѣвомъ Граня. — Развѣ это наслѣдство? Не стоило и брать-то его, только раздразнили имъ, несчастнымъ сдѣлали...—изводился онъ.

— Да ты толкомъ говори! — засмѣялся его старшій товарищъ.— Всѣ деньги вышли!?

— Всѣ!—безнадежно махнулъ рукою Лоранскій.

— Такъ ты займи! — простодушно предложилъ Берлингъ.

— Ахъ, правда! — обрадовался Граня. — И, какъ это мнѣ раньше въ голову не приходило? Только гдѣ занять?— разомъ впадая въ прежнее уныніе, произнесъ Граня.

— Ну, на первый разъ, у меня займи, а тамъ я тебя въ такое сведу мѣстечко, гдѣ подъ проценты получишь, братъ, все, что хочешь.

— А развѣ дадутъ?—обрадовался Граня.

— Понятно!—отозвался Берлингъ. — Ахъ, да, ты еще несовершеннолѣтній, чортъ возьми!—спохватился онъ внезапно на пришедшую ему въ голову мысль.—Тебѣ только шестнадцать лѣтъ!

— Несовершеннолѣтній!—мрачно произнесъ Граня,— да и платить не изъ чего будетъ! Это, братъ, въ сторону клади!

— Ну, такъ у меня и еще возьми!—Повѣрю-же я тебѣ. Не сбѣжишь-же ты!

И Граня занялъ у Берлинга, занялъ и у Миши Завьялова, и у юнаго графа и съ ними же при первомъ удобномъ случаѣ спустилъ эти деньги. Потомъ, воспользовавшись новымъ предложеніемъ занялъ еще и еще и по-

шелъ уже занимать безъ числа и счета, благо богатые товарищи получавшіе на руки деньги, предлагали ему.

Сначала богатые, независимые юноши очень охотно снабжали деньгами Граню: его любили за веселость и добродушіе; но потомъ товарищи стали коситься на молодого Лоранскаго, не получая обратно одолженныхъ ему денегъ.

И между друзьями и Граней пробѣжалъ первый холодокъ.

Скоро этотъ холодокъ перешелъ въ открытыя враждебныя отношенія. Компанія стала сторониться Грани. И Граня почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ и несчастнымъ нежели прежде.

Однажды вечеромъ онъ встрѣтилъ на улицѣ молоденькаго безусаго студента-путейца прошлогодняго выпуска ихъ гимназіи. Фамилія путейца была Веселовъ, и онъ вполнѣ оправдывалъ ее своимъ веселымъ характеромъ, откликающимся на всякія удовольствія и веселыя продѣлки съ самымъ живѣйшимъ участіемъ.

— Батюшки!—тѣнь отца Гамлета!—вскричалъ онъ при видѣ мрачно шагающей фигуры Грани.—«Что такъ задумчивъ? Чте такъ печаленъ?»—запѣлъ, безжалостно фальшивя, Веселовъ.

— Денегъ нѣтъ! — отрѣзалъ Граня вмѣсто всякаго объясненія.

— Ну, вотъ вздоръ—«денегъ!»—расхохотался тотъ.—Какія еще нашему брату деньги нужны! Пойдемъ-ка лучше со мною веселиться. У Люлюшиныхъ вечеринка сегодня. Знаешь Люлюшиныхъ? У нихъ мебельные магазины въ Андреевскомъ рынкѣ... И въ карты играютъ и танцуютъ.

— Не люблю я танцы. Барышень развлекать надо, а мнѣ свои дома надоѣли: сестра, да подруги ея,—мрачно произнесъ Граня.—«Ахъ» да «ахъ» у нихъ на первомъ планѣ... «Ахъ, балы, ахъ театры... Ахъ Максимъ Горькій... Ахъ, Станиславскій! Ахъ, воланы! Ахъ бантики... Кудахъ-тахъ-тахъ! Кудахъ-тахъ-тахъ!.. Сущія курицы!

— Ну, и не танцуй съ ними,—снова расхохотался Веселовъ,—а на вечеринку все-же ступай со мной за компанію. Тамъ въ карты играютъ. Смотри выиграешь чего добраго—разбогатѣешь!

— Не хочу я въ карты!—буркнулъ Граня.

— Ну, вотъ еще! Того не хочу, этого не хочу! Да ты маменьки боишься, что-ли? Дитятко какое! Самъ съ версту выросъ, а безъ маменькинаго разрѣшенія ни на шагъ. Ребеночекъ! Что и говорить!

Веселовъ задѣлъ больное мѣсто Грани. Больше всего изъ ложнаго самолюбія и стыда юноша боялся, чтобы его не сочли, ребенкомъ и, чтобы никто не могъ принять его за мальчика, Граня готовъ былъ выкинуть самый необдуманный и нелѣпый поступокъ.

— Ну, ладно, идемъ!—проворчалъ онъ себѣ подъ носъ и зашагалъ о бокъ съ торжествующимъ Веселовымъ на вечеринку къ Люлюшинымъ.

Тамъ молодымъ людямъ очень обрадовались. Устраивали эти вечеринки для Манечки Люлюшиной, молоденькой пятнадцатилѣтней дѣвочки гимназистки и для ея подругъ.

Начались танцы, до которыхъ Граня былъ не большой охотникъ и, все съ тѣмъ же Веселовымъ, они прошли въ кабинетъ.

Тамъ при участіи хозяина дома нѣсколько человѣкъ гостей играли въ карты.

Граня понятія не имѣлъ о карточной игрѣ, но тѣмъ не менѣе онъ сѣлъ по приглашенію кого-то изъ новыхъ знакомыхъ за столъ и принялъ участіе въ игрѣ.

Веселовъ сидѣлъ подлѣ него и училъ, что надо дѣлать.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ не везетъ,—произнесъ Веселовъ, послѣ того, какъ Граня проигралъ партію,—давай-ка я за тебя сяду.

— Ну, нѣтъ, я самъ хочу!—упрямо проговорилъ Лоранскій и продолжалъ играть.

Но неумѣлый игрокъ, Граня проигрывалъ все больше

и больше. Наконецъ, хозяинъ дома взглянулъ на хорошенькаго мальчика, одѣтаго въ безукоризненное статское платье (Граня теперь не иначе появлялся въ гостяхъ, какъ въ статскомъ костюмѣ, несмотря на то, что это строго запрещалось гимназическимъ начальствомъ) и участливо проговорилъ:

— Бросили-бы, юноша. Раненько играть начали. Небось, родные не для того вамъ деньги даютъ. Ну, позабавились, ну и ладно. Пора и честь знать! Пошли-бы съ молодежью поплясать—куда лучше.

Граня вспыхнулъ до корней волосъ, услыша такія слова. Какъ? Что? Его считаютъ за малыша! Но это уже слишкомъ! Онъ докажетъ имъ всѣмъ какой онъ малышъ! И не перестанетъ играть, если-бы даже это сопряжено было съ вопросомъ жизни и смерти.

— Не безпокойтесь, — холодно отвѣчалъ онъ Люлюшину—деньги у меня не родительскія, а мои собственныя и я ими воленъ распоряжаться по своему желанію.

И онъ съ удвоенной горячностью погрузился въ игру.

Была уже ночь, когда Граня вышелъ отъ Люлюшиныхъ. Онъ былъ самъ не свой. Блѣдный, дрожащій, едва держась на ногахъ отъ волненія шелъ онъ по пустынной улицѣ пробираясь домой.

Сегодня съ нимъ случилась страшная и непріятная исторія. Онъ незамѣтно проигралъ двѣсти рублей и долженъ былъ по данному имъ слову возвратить ихъ, не позднѣе, какъ черезъ три дня, выигравшему. Если-бы это произошло нѣсколькими мѣсяцами раньше, юноша, безо всякой помѣхи вернулъ-бы деньги. Но теперь у Грани не было ни гроша за душой. Онъ былъ долженъ и, такъ всѣмъ своимъ пріятелямъ и разумѣется никто изъ нихъ не повѣритъ ему больше въ долгъ. А между тѣмъ отдать было необходимо. Веселовъ поручился за него, какъ за честнаго человѣка, далъ за него слово, что онъ заплотитъ.

При этой мысли Граня схватился за голову и заскрежеталъ зубами.

Безсильное отчаяніе охватило его...

Что ему остается дѣлать?

Онъ въ долгу, кругомъ въ долгу! А тутъ еще уроки у него идутъ изъ рукъ вонъ плохо и не сегодня—завтра его выключатъ изъ гимназіи. Жгучее раскаяніе на безалаберно проведенное время охватило Граню.

— А все деньги! Эти негодные деньги! Не свались они тогда какъ снѣгъ на голову, не выбей меня изъ колеи ничего подобнаго не случилось-бы!

Граня совсѣмъ забылъ въ эти минуты, что виновато здѣсь было не полученное наслѣдство, а онъ самъ, не сумѣвшій распорядиться имъ.

Онъ машинально шагалъ по улицѣ съ горячей головой, съ сильно бьющимся сердцемъ. Жизнь представлялась ему теперь полной ужаса и горя. Положеніе казалось безвыходнымъ, смертельная тоска леденила сердце.

Страшно было возвращаться въ гимназію, гдѣ всѣ были недовольны имъ, жутко встрѣчать товарищей, напоминавшихъ объ уплатѣ долговъ и, наконецъ, ужасъ леденилъ душу при одной мысли о томъ, что Веселовъ придетъ черезъ три дня къ нему за деньгами съ тѣмъ полузнакомымъ господиномъ, которому ихъ проигралъ онъ—Граня.

Бѣдный юноша задыхался отъ волненія. Холодный потъ проступилъ у него на лбу. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Не помня себя отъ волненія Граня свернулъ въ линію и вышелъ на набережную. Въ раннемъ разсвѣтѣ весенняго утра высились здѣсь темными громадами иностранные корабли.

Граня бросилъ машинально взглядъ въ ихъ сторону и замеръ отъ неожиданности. Острая мысль подсказала ему выходъ. Желанный выходъ изъ ужаснаго положенія.

Завтра, онъ зналъ, одинъ изъ заграничныхъ парохо-

довъ долженъ былъ уплыть на родину, благодаря рано начавшейся навигаціи. Что, если онъ, Граня, всѣми правдами и неправдами добьется, того чтобы его приняли юнгой на пароходъ, — онъ уплыветъ отсюда сначала въ Швецію, затѣмъ въ Америку. А въ Америкѣ, сдѣлавшись янки, сумѣетъ разбогатѣть, накопить необходимую для уплаты сумму, и кстати и для себя и вернется домой богатымъ человѣкомъ. Да, да, прекрасная мысль! Какъ это онъ раньше до нея не додумался! Какой онъ,—Граня, глупецъ!

А между тѣмъ все устраивается, такъ просто, такъ ужасно просто. Онъ скажетъ капитану парохода, что онъ круглый сирота и хочетъ поступить въ юнги... Неужели-же его не возьмутъ? Что у него нѣтъ документовъ—все это пустяки. Примутъ и безъ нихъ. Вѣдь, могъ-же ихъ затерять, наконецъ! О, какъ онъ, это хорошо придумалъ,— Граня!

Попросить принять юнгой на пароходъ, доплыть до Швеціи, тамъ пересѣсть на другой корабль, и дальше, дальше въ страну золота и счастья! На вольный заработокъ! Туда, скорѣй! Жаль семью, конечно... Особенно маму... Она такъ любитъ его и исчезновеніе ея любимчика Грани, дастъ ей не мало тяжелыхъ переживаній! Но это въ сто кратъ лучше, нежели ея Граню сочтутъ подлымъ безчестнымъ человѣкомъ. И потомъ онъ вернется къ ней черезъ годъ, черезъ два, богатымъ независимымъ и ее-же, обогатитъ, свою старушку.

А пока ей можно оставить записку куда и для чего онъ ѣдетъ и почему онъ — Граня—долженъ будетъ такъ внезапно покинуть родительскій кровъ...

И, остановившись на такомъ рѣшеніи, юноша уже много бодрѣе и спокойнѣе зашагалъ по пустыннымъ линіямъ Острова, къ себѣ въ Гавань.

XVIII.

Въ тотъ-же вечеръ Валентина играла новую роль.

Въ послѣднее время ей не приходилось выступать на подмосткахъ, такъ какъ въ пьесахъ, входившихъ въ репертуаръ ихъ театра, не было достаточно значительной роли для амплуа, занимаего ею. И только черезъ два мѣсяца послѣ перерыва, въ первые весенніе дни ей прислали прелестную роль въ пьесѣ Островскаго и Соловьева—молоденькой простенькой дѣвушки, выросшей въ деревенскомъ захолустьѣ.

Роль понравилась Валентинѣ. Она быстро вообразила себя въ ней и тотъ успѣхъ, который ожидалъ ее у публики. Въ успѣхѣ она уже теперь не сомнѣвалась. Она сознавала свою силу и гордилась собою.

Но учить роль было положительно некогда. Послѣ утренняго чая, начиналась ѣзда по магазинамъ, бесѣды съ портнихами, благо теперь снова завелись деньги, на которыя Валентина могла дѣлать себѣ костюмы.

«Лиха бѣда начать», — какъ говоритъ русская пословица—а «бѣда» уже давно началась у Валентины и теперь только продолжалась, не будучи въ силахъ остановиться. Дѣло въ томъ, что за первымъ костюмомъ Снѣгурочки, та же Марѳенька снабдила ее и другими костюмами или матеріями для нихъ, а то и по-просту деньгами. Разъ уже начавъ кредитовать, молодая Лоранская не могла лишить себя столь заманчивой возможности хорошо одѣваться. А ея счета у Марѳеньки все росли не по днямъ, а по часамъ, хотя Валентина, казалось, мало заботилась объ этомъ.

— Э, пустое!—съ безпечностью ребенка утѣшала она самое себя. — Выплачу, отдамъ по-немногу! А одѣваться

на сценѣ кухаркой нельзя. Публика осудитъ, да и товарищи тоже.

При этомъ Валентина совершенно упускала изъ виду то, что между «платьемъ кухарки», какъ она называла свои прежніе скромные костюмы, той красной кофточкой, которую она сшила при участіи Лелечки къ своему дебюту — была огромная разница. Но молодая дѣвушка не хотѣла замѣчать ее, какъ не хотѣла помнить и ту скромную красную кофточку, такъ подчеркивавшую ея незаурядную внѣшность въ первый спектакль.

Теперь у нея были другія требованія, другія желанія. Получивъ возможность, благодаря тому-же наслѣдству, пріобрѣсти себѣ нарядныя вещи, теперь уже не могла отдѣлаться отъ охватившей ее горячки покупать, заказывать и примѣрять.

— И какъ это ты такъ умѣешь экономно все устроить?— удивлялась Лелечка, наивно повѣрившая со словъ Валентины то, что у нея еще есть кой-какіе остатки отъ ея части, на которые она и пріобрѣтаетъ гардеробъ.

Старшая сестра только краснѣла и отводила глаза отъ младшей сестры. Какъ-бы ужаснулась благоразумная, экономная и разсчетливая Лелечка, узнавъ о Марѳенькѣ и ея счетахъ!

Послѣдняя уже начинала тревожить Валентину. Она нѣсколько разъ намекала дѣвушкѣ, что она «женщина бѣдная, сирота круглая» и что обижать ее грѣхъ. А въ результатѣ,—попросила дѣлать болѣе крупные взносы для уплаты по счетамъ, чѣмъ какъ это раньше дѣлала Валентина.

Послѣдняя легкомысленно пообѣщала Марѳенькѣ исполнить просьбу, совершенно позабывъ о томъ, что большую часть заработка ей необходимо было отдавать матери.

Наступилъ день спектакля. Вакулинъ сдержалъ свое слово и пріѣхалъ взглянуть на игру Лоранской, привезя съ собою нѣсколькихъ своихъ товарищей изъ богатыхъ аристократическихъ домовъ. Они заняли весь первый рядъ креселъ.

Раекъ, стулья и задніе ряды креселъ были заняты по-

стоянными посѣтителями театра, состоящими преимущественно изъ студентовъ, курсистокъ и прочей учащейся молодежи. Находились тутъ-же и Кодынцевъ съ Лелечкой и Павлукомъ. На этотъ разъ Граня отсутствовалъ, находясь въ это время у Люлюшиныхъ.

Валентина, несмотря на роль, требующую скромнаго костюма, одѣлась дорого, красиво и изящно.

Правда, платьице скромной дочери бѣднаго помѣщика, Оли, которую играла сегодня Лоранская, было сдѣлано изъ легкаго розоваго батиста, но зато каждый воланъ былъ обшитъ настоящими брюссельскими кружевами и такая-же косыночка изъ тѣхъ-же брюссельскихъ кружевъ въ стилѣ Маріи Антуанеты облегала ея плечи. Въ ушахъ горѣли переливаясь брилліантовыя сережки, что совсѣмъ уже не подходило къ ея роли. Лелечка, одѣвавшая по обыкновенію сестру, робко заикнулась было объ этомъ.

— Не твое дѣло! — вспыхнула старшая сестра, пугая бѣдную дѣвочку, непривычной рѣзкостью тона.

И Лелечка стихла, какъ всегда затихала она во избѣжаніе непріятностей, которыхъ боялась больше всего въ жизни.

Глухой ропотъ одобренія прошелъ по первымъ рядамъ, когда Валентина вышла на сцену.

Долетѣвшій до ея слуха онъ сильно подѣйствовалъ на нее. Увѣренность въ своей силѣ, въ своей красотѣ наэлектризовала Валентину, давала ей апломбъ. Она вызывающе гордо подняла головку съ видомъ королевы и побѣдительницы, а съ устъ ея срывались въ то время простыя рѣчи скромной трудолюбивой дѣвушки-работницы, мечтающей о семьѣ, о домашнемъ очагѣ, о трудѣ въ потѣ лица о-бокъ съ труженикомъ-мужемъ. И такъ дико, такъ странно звучали онѣ въ устахъ этой нарядной торжествующей красавицы!

И сама Валентина почувствовала еще далеко не угасшимъ въ ней инстинктомъ артиски, что вышло—не то,—фальшиво и не хорошо. Но поправиться и впасть въ надлежащій тонъ роли было уже поздно. Къ тому-же она

не знала роли и брала позами, дѣлая самые неподходящіе движенія и жесты. И она, понимая, что возврата нѣтъ, словно закусила удила, прибавляя все больше и больше апломба, гордости и увѣренности въ тонѣ и совсѣмъ не подходящей къ роли.

— Что вы надѣлали? Вы мнѣ всю сцену испортили,— въ отчаяніи хватаясь за голову, вскричалъ выходя за кулисы ея партнеръ Заволгинъ, игравшій съ нею.—Что съ вами случилось!? И костюмъ какой! Да развѣ это Оля!?— Принцесса, а не Оля! Испортили и мнѣ и себѣ!

— Прошу безъ дерзостей! — холодно остановила его Валентина, чутко прислушиваясь къ тому, что происходило за занавѣсью.

Тамъ хлопали, апплодировали, но далеко не по прежнему. Апплодировали изъ любезности первые ряды креселъ, гдѣ сидѣлъ Вакулинъ съ друзьями, въ то время, какъ весь остальной театръ поражалъ ее своимъ дружнымъ безмолвіемъ.

— Что съ Лоранской? — громогласно недоумѣвала какая-то молоденькая курсистка, волнующаяся на своихъ „верхахъ".—И узнать нельзя, точно подмѣнили актрису.

— Извините меня-съ, — возмущался какой-то старичекъ профессоръ, — это обманъ какой-то! Это не Лоранская, а кукла бездушная! Да-съ!

Всѣ остальные акты Валентина продолжала въ такомъже фальшивомъ тонѣ, какъ и первый, и такъ до самаго конца пьесы.

Лелечка, Павлукъ и Кодынцевъ не узнавали ее, всегда чуткую къ вопросамъ художественной правды и красоты.

— Плохо играетъ,—рѣшилъ Павлукъ,—и вырядилась, какъ глупо! Зачѣмъ? Испортила дѣло только, ходитъ по сценѣ и точно говоритъ: — посмотрите-ка молъ, на меня люди добрые, какая я нарядная и красивая. Глядѣть тошно! Хорошо что у мамы голова разболѣлась и она съ нами не поѣхала, а то бы ей было тяжело. И я уѣду. Не въ моготу!

И не умѣющій притворяться и сдерживаться Павлукъ

демонстративно покинулъ зрительный залъ до окончанія спектакля.

Послѣ послѣдняго акта пьесы, Валентина выходя на сцену, услышала легкое шиканье и чьи-то свистки. Она поблѣднѣла. Злая улыбка исказила на мгновеніе ея лицо.

— Ага!—произнесла въ бѣшенствѣ дѣвушка,—это изъ зависти свистятъ, моимъ нарядамъ завидуютъ, моей красотѣ, гадкіе, злые, несправедливые люди!

И чуть не плача она прошла за кулисы.

Вдругъ ея взволнованный взоръ встрѣтилъ устремленные на нее съ негодованіемъ глаза Сергѣева.

— Дядя Миша! Что-же это?—безпомощно, по-дѣтски пролепетала она, бросаясь въ сторону трагика, и какъ-бы ища его защиты.

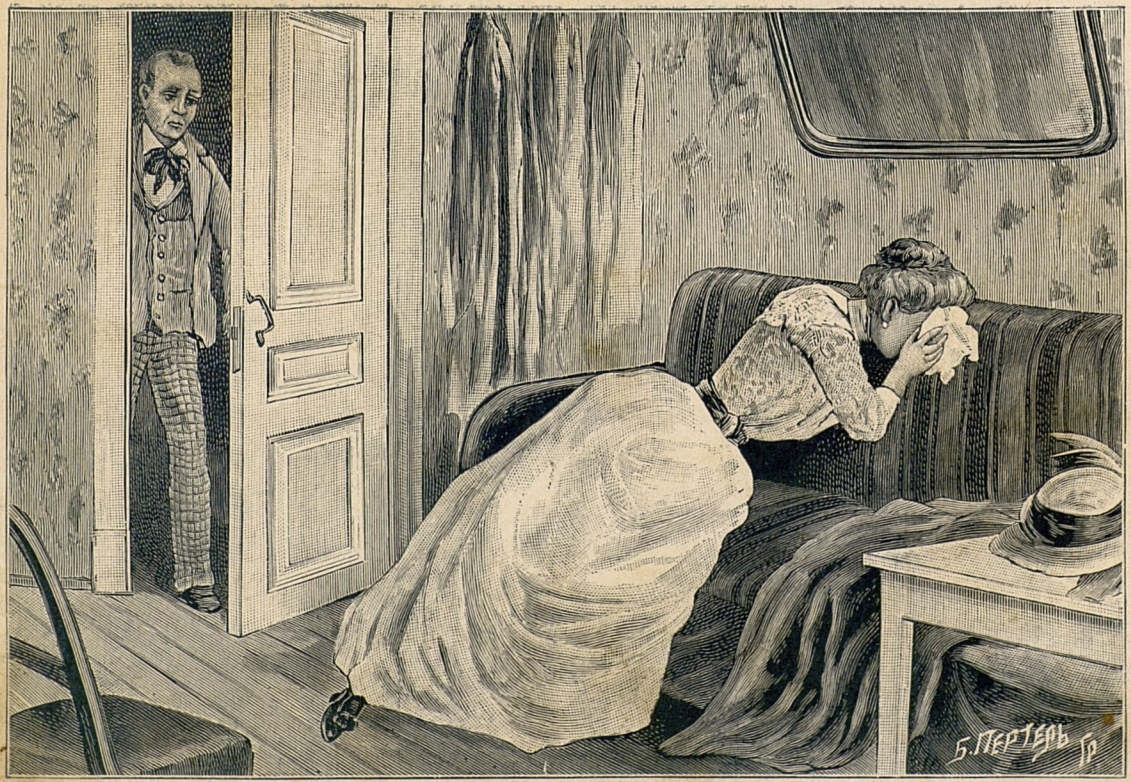
— Осрамились! Не ожидалъ, барышня! — отстраняясь сухо и отрывисто произнесъ тотъ.—Не ожидалъ! Забылись! что это — храмъ... святой храмъ искусства... Здѣсь работа... талантъ нужны... а не выставка модныхъ нарядовъ! Да-съ!

Послѣднихъ словъ Валентина не слыхала. Вся сгорая отъ стыда, переступила она порогъ, своей уборной и, упавъ на козетку, зарыдала тяжелыми, безутѣшными, душу надрывающими слезами.

— Михаилъ Петровичъ правъ,—послышался надъ нею строгій голосъ,—мы привыкли видѣть у нашихъ актрисъ сознательное отношеніе къ дѣлу—произнесъ появившійся въ ея уборной режиссеръ труппы, а вы, барышня, точно посмѣялись надъ нами. Извините меня, но подобное отношеніе не терпимо на службѣ. Нельзя коверкать смысла роли, желая щегольнуть —нарядомъ и красотой. Мы привыкли имѣть дѣло съ работящими осмысленными труженицами, а то, что я сегодня увидѣлъ, извините меня, какое-то сплошное ломанье и больше ничего!

— Что?

Слезы Лоранской высохли внезапно. Ложное самолюбіе и гордость не терпѣвшіе замѣчаній заговорили въ ней



Семья Лоранскихъ. (Стр. 120).

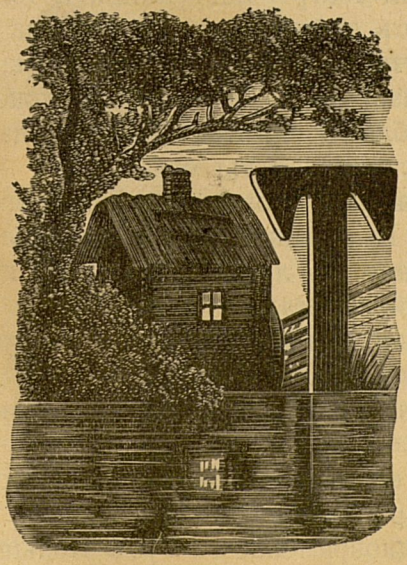
громче чѣмъ когда-либо теперь. Отлично сознавая, что она глубоко не права, Валентина все-таки не хотѣла признать этого. И она вызывающе посмотрѣла на режиссера.

— Я не потерплю незаслуженнаго выговора,—надменно произнесла дѣвушка,—потому что не считаю себя виноватой.—И предпочитаю уйти, оставить службу, нежели...— она не договорила, захлебнувшись отъ волненія.

— А это какъ вамъ будетъ угодно! Мы никого не смѣемъ удерживать силой,—произнесъ режиссеръ и, холодно поклонившись, вышелъ изъ уборной.

— Валечка! Что ты сдѣлала? О, Господи! Отъ мѣста отказалась! Валя! Валя! Голубушка!—залепетала бросаясь къ ней Лелечка и судорожно обвила дрожащими руками плечи старшей сестры.

— Ахъ, оставь меня, пожалуйста! Всѣ меня оставьте! — раздраженно крикнула Валентина! но не выдержавъ, упала головой на грудь Лелечки и залилась горючими слезами.



XIX.

РЕВОЖНО прошла эта ночь въ сѣромъ домикѣ.

Измученную и рыдающую, привезли сюда Кодынцевъ съ Лелечкой, Валентину. Марья Дмитріевна въ первые видѣвшая слезы старшей дочери совсѣмъ поте ряла голову со страха.

— Валюша! Валечка! Полно, милая, не кручинься! Пожалѣй себя! Ну, не клиномъ свѣтъ сошелся, ну найдешь другое мѣсто. Въ другомъ театрѣ. Еще лучше найдешь! Птичка моя милая, красавица моя!

Но слезы текли по прежнему изъ глазъ дѣвушки и забывъ всю свою обычную гордость Валентина рыдала, какъ дѣвочка, прильнувъ къ груди матери.

— Стыдъ-то какой! Подумайте! Вѣдь, освистали меня! Освистали поймите! Срамъ! Позоръ! Боже мой, умру—не забуду этого вечера!—шептала она, пряча раскраснѣвшееся, заплаканное лицо.

Марья Дмитріевна, Кодынцевъ, Павлукъ и Лелечка съ ногъ сбились ухаживая за безутѣшной дѣвушкой, всячески успокаевая ее.

Но слезы Валентины не прекращались. Съ каждой минутой, напротивъ того, онѣ лились все обильнѣе и дѣвушка, казалось, готова была лишиться чувствъ.

Наконецъ, ее удалось уговорить прилечь на диванѣ. Кодынцевъ сѣлъ около, взялъ руку невѣсты въ свою и сталъ тихимъ ласковымъ голосомъ утѣшать ее.

— Ничего, ничего, Валечка, все обойдется! Еще какъ заживемъ славно! И въ другой театръ поступишь, а то и вовсе не поступай, на нашъ съ тобой вѣкъ хватитъ, да и твоимъ найдется чѣмъ помочь. У меня есть крошечный капиталецъ, вотъ его и утилизируемъ. Да и служба тоже. Не вѣкъ же буду на ста рубляхъ сидѣть! Прибавку дадутъ, повышеніе. Такъ-то, Валечка... а ты бы...

Владимиръ Владимировичъ не договорилъ. Глаза его испуганно впились въ лицо Валентины. Она не плакала больше. Блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ сидѣла она на диванѣ и пересохшими губами лепетала:

— А Марѳенька? Марѳенька-то! Ей надо отдать! А теперь не изъ чего! Ахъ, Володя, Володя!

И она схватилась за голову руками и тихо, протяжно застонала...

Отвѣтный стонъ, только еще болѣе отчаянный, пронесся по дому, заставляя вздрогнуть молодыхъ людей.

— Что это?—сорвалось одновременно съ губъ Кодынцева и Валентины.

И въ ту же минуту, помертвѣвшая отъ ужаса, Лелечка появилась на порогѣ гостиной.

— Скорѣе... скорѣе... къ мамѣ... Мамѣ худо... Граня исчезъ... Убѣжалъ Граня! О, Господи! Господи! За что намъ все это!?—и обезсиленная Лелечка, едва держась на ногахъ, прислонилась къ косяку двери. . . . . .

. . . . . .

Но Марьѣ Дмитріевнѣ Лоранской не сдѣлалось дурно. Она не упала въ обморокъ, слабая хрупкая старушка, оказавшаяся чудомъ выносливости и силы противъ молодыхъ ея дѣтей.

Случайно заглянувъ въ комнату Грани и не найдя его тамъ въ такой поздній часъ, старушка встревожилась не на шутку. Затѣмъ, замѣтивъ бѣлѣвшуюся на столѣ записку, составленную часъ тому назадъ, зашедшимъ на минуту домой Граней, она схватила ее, жадно пробѣжала глазами и внезапно, блѣднѣя, схватилась за сердце.

Протяжный, жалобный стонъ вырвался изъ груди Лоранской...

Ея Граня, ея любимчикъ извѣщалъ въ этой запискѣ, что съ первыми лучами солнца онъ покидаетъ Петербургъ на шведскомъ суднѣ «Гильда», уходящимъ съ разсвѣтомъ.

«Когда вы проснетесь утромъ, дорогая мама, своимъ еще дѣтскимъ почеркомъ писалъ Граня,—я уже буду далеко. Это необходимо. Я запутался въ долгахъ, я проигрался въ карты! Я негодный мальчишка, котораго не сегодня, завтра выключатъ изъ гимназіи. И я рѣшилъ исправить все это, уѣхать, заработать денегъ, вернуться, расплатиться со всѣми и помочь вамъ всѣмъ.

Не считайте меня совсѣмъ дурнымъ, голубушка-мамочка, и вѣрьте, что иначе я не могъ поступить.

Не забывайте меня...

Прощайте, до свиданія, моя безцѣнная старушка, обнимаю васъ, Павлука, сестеръ.

Вашъ Граня».

Лишь только первое мгновеніе отчаянія разсѣялось и несчастная мать нашла возможность соображать и дѣйствовать, она бросилась къ старшему сыну.

— Паша... голубчикъ... не поздно еще, можетъ статься, успѣемъ, Богъ милостивъ... Туда... за нимъ... къ нему... поспѣшимъ, Паша...

Павлукъ сразу понялъ ея намѣреніе.

Быстро, въ одну минуту одѣлся самъ, приказавъ, принести верхнее платье матери, велѣли сестрамъ помочь одѣть взволнованную старушку и поручивъ обѣихъ дѣвушекъ Кодынцеву, подъ руку со старушкой, поспѣшилъ изъ дома.

Утро брезжило раннимъ апрѣльскимъ разсвѣтомъ, когда они оба, трепещущіе взволнованные спѣшили, чуть не бѣгомъ по направленію къ набережной, гдѣ должна была стоять у пристани «Гильда».

— Неужели-же опоздаемъ! Неужели она ушла?—испуганно повторяла Лоранская, обезумѣвшими глазами глядя вдаль.

Какъ нарочно не было ни одного извозчика на пустынныхъ улицахъ острова, а старыя ноги Марьи Дмитріевны подкашивались отъ переживаемаго ею волненія.

Но мысль о необходимости застать судно, найти и вернуть Граню, оказывалась сильнѣе хрупкаго старческаго организма.

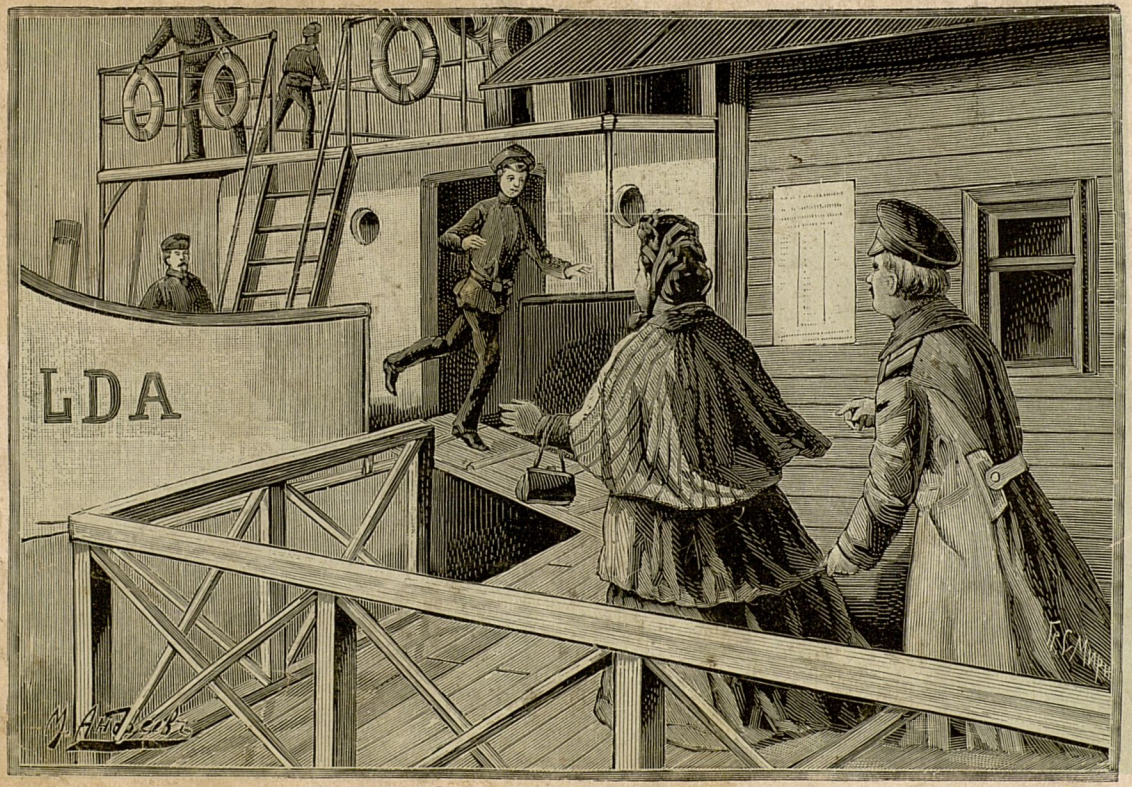
— Поспѣть-бы, поспѣть, Пашенька!—каждыя двѣ минуты повторяла она и ускоряла и безъ того быстрые шаги, то замирая отчаяніемъ, то снова разгораясь надеждой.

Лучи солнца брызнули имъ навстрѣчу когда они достигли уже набережной.

Большая красивая Гильда распустила пары.

Гулкій ревъ парохода прозвучалъ надъ соннымъ островомъ, какъ разъ въ ту минуту, когда Марья Дмитріевна съ сыномъ вбѣжали на мостки пристани.

— Стойте! Стойте!—не своимъ голосомъ закричала Лоранская, крикомъ исполненнымъ отчаянія и боли.—Тамъ мой сынъ, мой мальчикъ! Верните мнѣ его! Верните!



Семья Лоранскихъ. (Стр. 124).

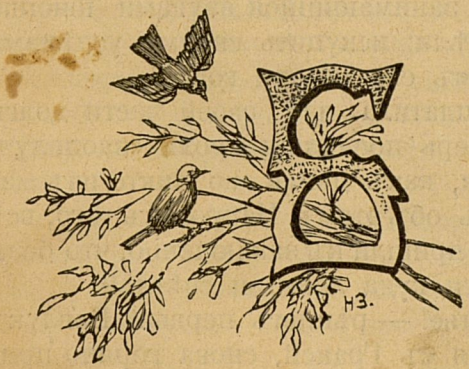
И она упала на колѣни посреди пристани, простирая руки впередъ...

По изможденному горемъ лицу текли слезы...

— Граня! Мальчикъ мой! Дитятко мое! Вернись! Вернись! Я умру безъ тебя съ горя, мой Граня! — лепетала она сквозь слезы отчаянія, впиваясь глазами въ палубу судна.

— Мама! Мама, я здѣсь! Я здѣсь и не уѣду никуда! — вдругъ раздался оттуда отвѣтный дрожащій возгласъ и въ лучахъ восхода мелькнула знакомая рыжекудрая голова...

Заскрипѣлъ сходень подъ чьими-то поспѣшными шагами и... Граня Лоранскій заключилъ въ объятія рыдавшую мать.



ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

БЫСТРО, быстро летитъ неуязвимое время...

Проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, проходятъ и канутъ въ лету... Мѣняются люди, мѣняются обстоятельства ихъ жизни. Набѣгаютъ грозы, сверкаютъ молніи, грохочатъ громы событій. Горе, радости, и опять горе и опять радости чередуются, смѣняясь одно другимъ.

И въ сѣромъ домикѣ у «синяго моря» время вывело цѣлую сѣть событій и эпизодовъ, для того, чтобы снова вернуть сюда въ это мирное гнѣздышко, тихое безмятежное былое счастье.

Какъ и годъ тому назадъ въ серединѣ глухой и дождливой осени собралась дружная семья Лоранскихъ вокругъ чайнаго стола въ столовой съ ихъ обычными гостями.

Та же румяная Ѳекла подала самоваръ, та же холодная корюшка и грошевая чейная колбаса красуются на тарелочкахъ, тѣ же ванильные сухарики и морошковое варенье наполняютъ дешевыя вазочки и хлопотливая Лелечка разливаетъ чай.

Навадзе, Декунинъ, Сонечка Гриневичъ, всѣ прежніе друзья-пріятели сошлись снова у гостепріимныхъ хозяевъ.

Но въ самихъ хозяевахъ есть небольшая чуть замѣтная перемѣна.

Марья Дмитріевна чуть посѣдѣла за послѣдніе мѣсяцы, вслѣдствіе пережитаго волненія съ Граней. Самъ Граня измѣнился больше другихъ. Хорошій урокъ, полученный имъ отъ жизни, сослужилъ пользу юношѣ. Это уже не прежній легкомысленный и пустоватый франтикъ Граня, какимъ онъ былъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Это серьезный, прилежно занимающійся науками юноша, стремящійся къ одной цѣли: искупить своими успѣхами въ ученіи, принесенное имъ его матери горе.

Марья Дмитріевна заплатила изъ своей части долги Грани и Валентины и теперь послѣднія крохи «злополучнаго наслѣдства» растаяли, какъ дымъ, но никто изъ маленькой семьи не горюетъ объ этомъ. Напротивъ того, всѣ члены семьи Лоранскихъ, пришли къ заключенію, что безъ денегъ живется и дышется куда легче и свѣтлѣй.

— Не въ нихъ счастье! — рѣшилъ первый Павлукъ послѣ злополучнаго случая съ Граней, снова горячо принимаясь за бѣготню по урокамъ и готовясь изо всѣхъ силъ къ предстоящимъ ему весною выпускнымъ экзаменамъ.

Онъ по прежнему горитъ желаніемъ забраться въ качествѣ врача въ самыя дебри глухой провинціи лечить страждущихъ немощныхъ бѣдняковъ.

Валентина и Кодынцевъ повѣнчаны. Но это не мѣшаетъ имъ ежедневно посѣщать сѣрый домикъ и жить одною общею жизнью съ его обитателями. Валентина горячо привязалась къ своему доброму честному благород-

ному мужу, не чающему въ ней души. О сценѣ она и думать забыла, сознавшись въ душѣ, что сцена влекла ее больше какъ выигрышный оріолъ къ ея красивому личику, какъ цѣль удовлетворенія тщеславія, нежели какъ заработокъ въ трудѣ.

Въ послѣднемъ не оказалось необходимости, Кодынцевъ имѣя небольшія средства могъ даже помочь семейству жены, совмѣстно съ Павлукомъ, до окончанія послѣднимъ академіи.

Одна Лелечка чувствовала себя тою прежнею Лелечкой, какою была и во время «богатства», какъ она шутя называла эту эпоху въ жизни Лоранскихъ. Налетѣвшій вихрь не затронулъ, казалось, Лелечки и прежняя «безсребренница», какъ называла младшую дочурку Лоранская осталась вѣрной себѣ.

— Господа! Нынче ровно годъ съ того дня, какъ мы...— началъ было Павлукъ, обводя глазами присутствующихъ.

Валентина вспыхнула до ушей, Граня опустилъ глаза въ свой стаканъ съ чаемъ, при этомъ напоминаніи.

Марья Дмитріевна безпокойно зашевелилась на своемъ мѣстѣ.

— Ну, вотъ, есть о чемъ вспоминать! Противныя деньги! Только хлопотъ надѣлали!—вмѣшалась Лелечка—безъ нихъ куда лучше и спокойнѣе было! Вотъ то-ли дѣло теперь!— и она улыбнулась всѣмъ своей свѣтлой, дѣтски радостной улыбкой.

— Истина да будетъ такъ, моя мудрая сестрица! Вы правы! — завопилъ по своему обыкновенію Павлукъ, обдергивая свою домашнюю косоворотку, въ которую облачился съ нѣкоторыхъ поръ снова.

— Бѣднымъ легче живется—заботы меньше,—снова проронила Лелечка, наливая кому-то стаканъ.

— Тебѣ всегда легко житься будетъ и въ богатствѣ и въ бѣдности одинаково,—серьезно произнесла Валентина любовнымъ взглядомъ окидывая сестру.

— Ну, вотъ еще!—смутилась та.

— Почему-же?

— А потому что ты сама, какъ солнышко свѣтишь и счастье въ тебѣ самой! — подтвердила Марья Дмитріевна, притягивая къ себѣ рыжую головку и нѣжно цѣлуя ее.

— Ну, ужъ, мама, вы скажете тоже! — окончательно смутилась Лелечка.

— Лелька, вандалка ты этакая! Ты вмѣсто сахара мнѣ въ стаканъ соли насыпала!—закричалъ строя уморительныя гриммасы Павлукъ.

— Ахъ! Правда!

— Ну, не угодно-ли хвалить ее послѣ этого! Что ты меня, какъ твою корюшку просолить хочешь, что-ли?

— Ха, ха, ха, ха,—расхохоталась молодежь.

— А я нынче Вакулина видѣлъ. На рысакахъ по набережной проѣхалъ! Стрѣлою!—произнесъ Граня,—денегъ, видно, у него по прежнему тьма.

— Ну, и Господь съ нимъ!.. Не завидовать же его богатству! Богъ съ ними, съ деньгами! И безъ нихъ у насъ сейчасъ радостно и хорошо,—тихо проговорила Лоранская, оглядывая ласковымъ взглядомъ молодыя довольныя лица, тѣснящіяся вокругъ стола.

— Господа! А не плясануть-ли на радостяхъ? Меня Навадзе «шаконь» выучилъ. Вотъ, я вамъ доложу, бисовъ танецъ! Лелька, маршъ за рояль! Mademoiselle, виноватъ, madame, позвольте, s'il vous plaît, вамъ предоставить себя въ качествѣ кавалера?—и Павлукъ съ комической важностью расшаркался передъ старшей сестрой.

Валентина, смѣясь, подала ему руку.

Сонечка Гриневичъ подхватила Граню, два медика и Кодынцевъ взяли по стулу за неимѣніемъ дамъ и стѣны сѣраго домика задрожали отъ неистоваго шума, смѣха и топота сильныхъ ногъ веселившейся молодежи...

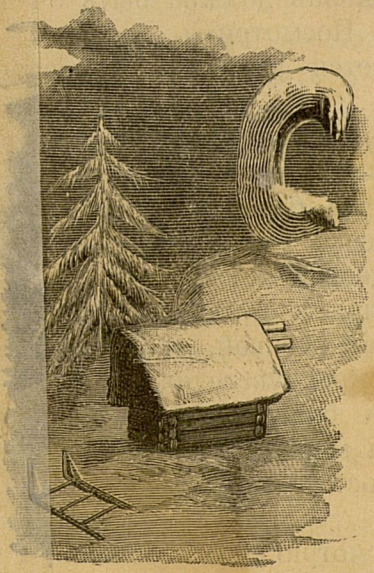
КОНЕЦЪ.

ДУРНУШКА.

ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.



I.

ЕГОДНЯ исполнился ровно годъ, какъ я вышла изъ института. Я проснулась утромъ со страннымъ чувствомъ ожиданія: что должно было случиться нынче со мною? Ахъ, да! Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Возрастъ не маленькій для молодой дѣвушки.

Tante Lise, старая княжна Горянина, воспитывавшая меня со смерти отца, поздравила меня, и надѣла мнѣ хорошенькій медальонъ на шею, прелестную золотую вещицу, украшенную каменьями.

— Вотъ, chère Тася,—сказала ma tante,—носите эту фамильную драгоцѣнность. Она должна принести вамъ счастье.

Потомъ она спросила меня, намѣрена-ли я продолжать писать свой дневникъ, какъ прежде.

— Разумѣется, ma tante, поспѣшила я отвѣтить, — но только я не буду дѣлать этого изо дня въ день, какъ въ ранней юности. Я стану отнынѣ записывать только то, что случится со мною особенное, изъ ряда выходящее. Или мои впечатлѣнія, а также то, что захватитъ мое вниманіе.

— Oh, ma chère,—улыбнулась тетя,—въ такомъ случаѣ, ваша тетрадь окажется совершенно пустой, такъ какъ въ жизни свѣтской барышни не должно происходить ничего особеннаго и ничего исключительнаго, чтобы могло выбить ее изъ колеи.

Вотъ взглядъ моей тети; свѣтскую барышню ничто не должно выбивать изъ колеи. Жизнь такой дѣвицы, по ея мнѣнію это—медленно — важно и гладко катящаяся по рельсамъ машина.

Но въ такомъ случаѣ, моя жизнь должна быть очень скучной, судя по словамъ тети. Посмотримъ.

Сегодня мнѣ особенно хочется записать нѣкоторыя впечатлѣнія.

Съ утра я надѣла мое бѣлое платье, какъ и подобаетъ новорожденной и долго смотрѣла на себя въ зеркало.

Я очень дурна собою. Я почти безобразна, а между тѣмъ полна громадныхъ запросовъ самолюбія и юныхъ надеждъ на что-то свѣтлое, чудесное, прекрасное.

Несмотря на всю несправедливость судьбы, обидѣвшей меня, такъ жестоко, создавъ некрасивой, я все-же не теряю надежды, все-же смутно предчувствую, что не все зиждится на красотѣ, что люди благоразумны, добры и способны оцѣнить меня за одни мои душевныя качества, забывъ эту злосчастную внѣшность.

О, эта внѣшность!

Чѣмъ больше я на себя смотрю, тѣмъ больше мой видъ раздражаетъ меня.

Какъ-то недавно я видѣла пьесу, героиня которой выведена некрасивой... Она мучилась и терзалась не меньше меня. А зрители кашляли и сморкались, потому, что пуб-

лика предпочитаетъ блестящіе костюмы и эфектную внѣшность глубокой философіи, несущейся отъ рампы.

А я плакала... да, плакала, искренно жалѣя несчастную дѣвушку и себя вмѣстѣ съ нею.

Между мною и героиней пьесы образовалась точно какая-то таинственная связь, доводившая меня до отчаянной грусти, смѣшанной съ дозой нѣкотораго умиленія.

„Когда женщина некрасива, про нее говорятъ, что у нея умные глаза“,—говорила дѣвушка со сцены заставляя биться и рыдать мое сердце.

Увы! я даже не могла и это сказать про себя, потому, что мои глаза, маленькіе и узкіе, какъ у калмычки, вѣчно пристыженные, вѣчно подозрительные и недобрые, не могли украсить мое лицо...

А, между тѣмъ, я сама добра по натурѣ. Я дѣлаю много хорошаго, не ставя себѣ этого въ заслугу, потому, что не можетъ быть и рѣчи о заслугѣ, когда тобой руководитъ потребность. А у меня потребность, дѣлать добро.

Моя кузина, маленькая княжна Горянина, смѣется надо мною:

„Наша Тася очень тщеславна. Ей хочется, во чтобы то ни стало, чтобы всѣ ее любили“.

И она тысячу разъ права, хорошенькая Лили! Когда я даю бѣдной измученной ревматизмами старухѣ теплую одежду и пакетъ съ чаемъ и сахаромъ или одѣваю на исхудалыя ноженки малютки-нищей, теплые мягкіе валенки, мнѣ кажется, что я читаю восторгъ по моему адресу въ ихъ загорающихся благодарностью взорахъ.

Мнѣ кажется, что они забываютъ о моемъ уродствѣ и видятъ во мнѣ желанную посланницу судьбы. И тогда сама я забываю о томъ, что носъ мой слишкомъ длиненъ и широкъ, ротъ великъ, какъ у лягушенка, а глаза такъ малы и ничтожны, что въ нихъ трудно замѣтить какое-бы то ни было выраженіе.

И я бываю очень счастлива въ такія минуты.

---

*

Почему писатели всѣхъ странъ и народовъ міра описываютъ и восхваляютъ только красоту?

Ихъ героини всегда прекрасны и красивы... Фразы въ родѣ того, какъ: „она была красавица въ полномъ смыслѣ слова“, или „она была очень хорошенькая“, или „отсутствіе красоты замѣняла въ ней чрезвычайная миловидность“, — неизбѣжное достояніе каждаго произведенія. Почему некрасивымъ женщинамъ удѣляютъ только второстепенное мѣсто въ романѣ или повѣсти? Онѣ, какъ вторые сюжеты на сценѣ, появляются на мгновенье и сейчасъ же исчезаютъ. Точно читатели, это—зрители, которыхъ утомитъ слишкомъ долгое присутствіе некрасиваго лица на страницахъ романа.

Да, и я не оспариваю мнѣнія, сложившагося съ вѣками: красота—великая сила.

Но какая красота? Развѣ душа не можетъ быть красива, прекрасна?! Во сто разъ прекраснѣе лица!?

Сколько разъ давала я себѣ слово похоронить всѣ мои надежды на счастливое будущее, свыкнуться со скромной долей никому ненужной дѣвушки и всю мою жизнь посвятить моимъ бѣднымъ, ничего не требуя, ни къ чему не стремясь и ничего не жалѣя! А, между тѣмъ, мое сердце сладко сжимается, свѣтлыя грезы толпятся въ головѣ и грудь ноетъ отъ смутнаго и невѣдомаго предчувствія далекаго, туманнаго счастья...

II.

ЧЕРА былъ вечеръ въ домѣ моей родственницы. За мной заѣхала со своей компаньонкой моя кузина Лили, прошлой вѣсною окончившая институтъ вмѣстѣ со мной.

Я не люблю входить въ бальный залъ рядомъ съ нею. Лили красавица въ полномъ смыслѣ слова и этимъ какъ-бы подчеркиваетъ еще больше мое безобразіе, когда мы бываемъ гдѣ-нибудь вдвоемъ.

Но tante Lise хотѣла, чтобы я выѣзжала съ моей очаровательной кузиной и ея компаньонкой, и я поспѣшила исполнить волю тети.

На меня надѣли бальное платье, очень дорогое и очень скромное на взглядъ. Tante Lise всегда старается одѣть меня такъ: очень дорого и очень скромно.

Платье жало подмышками, но я боялась говорить объ этомъ, потому, что портниха-француженка, то и дѣло сочувственно-насмѣшливо поглядывала на меня во все время примѣрки. Мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ она скажетъ: „rien ne peut aller a une personne, aussi laide que ça“ *). Но портниха ничего не говорила, потому, что брала сто рублей за фасонъ. Я напрасно боялась.

Когда Лили увидѣла меня всю въ бѣломъ съ вѣткой нарцисса на черныхъ жестокихъ волосахъ, она вскинул

*) Т. е. ничто не пойдетъ къ такой некрасивой особѣ.

лорнетку на свой хорошенькій носикъ, причемъ глаза ея сдѣлались любопытными и круглыми, какъ у совы.

— Pas mal du tout **),—процѣдила она сквозь зубы въ то время, какъ ея круглые глаза говорили:

„Можно-ли быть настолько безобразной, бѣдная Тася!“

И тотчасъ она стала торопливо натягивать перчатки на свои точеные пальчики.

Я поспѣшила въ прихожую, стараясь не поднимать глазъ, чтобы не поймать своего изображенія въ попадавшихся мнѣ по пути зеркалахъ.

Балъ у баронессы Х. всегда считался лучшимъ баломъ сезона. Ея домъ—одинъ изъ первыхъ домовъ въ столицѣ.

Когда мы вошли въ залъ, тамъ собралось уже много гостей. Это меня порадовало. Я не люблю пріѣзжать изъ первыхъ, потому, что въ маленькомъ обществѣ мои недостатки выступаютъ рельефнѣе.

Насъ встрѣтила дочь хозяйки добрая, милая дѣвушка баронесса Кити съ поэтичнымъ лицомъ Ундины и совершенно золотыми волосами. Она крѣпко пожала мнѣ руку и выразила надежду, что я не буду скучать.

Но въ этотъ вечеръ судьба мнѣ рѣшительно не благопріятствовала. Былъ-ли тому виною нарядный костюмъ Лили, присланный на-дняхъ изъ Парижа, или ея задорное хорошенькое личико, но все вниманіе зала, когда мы входили, было обращено на насъ.

Поблѣднѣвшая подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшливыхъ и любопытныхъ взглядовъ, пробиралась я, поминутно спотыкаясь о чужіе шлейфы, въ дальній уголокъ зала.

Здѣсь было меньше народа. И, спрятавшись за трельяжемъ, я могла, никѣмъ не замѣченная, наблюдать за тѣмъ, что происходило кругомъ.

Это былъ чудесный балъ. У насъ въ институтѣ не

**) Т. е. совсѣмъ не дурно.

было ничего подобнаго. Я не видѣла на нашихъ казенныхъ балахъ ни такого оживленья, ни такихъ роскошныхъ костюмовъ. А музыка? Мнѣ искренно казалось, что маленькій человѣкъ, сидѣвшій за роялемъ игралъ, какъ Рубинштейнъ всѣ эти вальсы, мазурки и кадрили.

Обо мнѣ всѣ позабыли и я могла спокойно наблюдать за всѣмъ происходившимъ вокругъ меня.

Вотъ несется Вива, братъ Лили, красивый, нарядный пажъ, очень веселый и остроумный.

Онъ плавно кружится по паркету, въ тактъ чудной музыкѣ, со своей дамой стройной, блѣдной дѣвушкой баронессой Х.

Вотъ несется въ вихрѣ вальса, съ высокимъ офицеромъ, его сестра, разгорѣвшаяся отъ танца, сіяя свѣтлыми глазками.

И я любуюсь ею и завидую ей.

Какъ я хотѣла бы имѣть ея изящный обликъ, чтобы обладать правомъ нестись такъ, въ вихрѣ вальса, какъ безпечная птичка или мотылекъ.

— M-elle Natalie, вы не танцуете второй кадрили?

Я вздрагиваю отъ неожиданности. Передо мной Кити съ доброй улыбкой и вѣткою иммортели на темныхъ волосахъ.

— Нѣтъ,—говорю я, и лицо мое выражаетъ страданіе.

Я постоянно страдаю, когда мнѣ подводятъ кавалеровъ. Какъ-то разъ, шутя и дурачась, Вива изображалъ въ лицахъ, какъ любезная хозяйка дома чуть-ли не насильно подводитъ кавалеровъ для некрасивыхъ дѣвицъ, усѣвшихся вдоль стѣнокъ, въ бальной залѣ. Это было такъ забавно, что всѣ смѣялись, позабывъ, очевидно о моемъ присутствіи.

Потомъ, когда опомнились, было уже поздно. Я рыдала навзрыдъ, а Вива, проклиная свою неосторожность, просилъ у меня прощенія. Но исправить сдѣланное было нельзя.

Съ тѣхъ поръ я смотрю на представляемаго мнѣ кавалера, какъ на своего личнаго врага, и тутъ-же попутно негодую на tante Lise, заставляющей меня ѣздить по баламъ, которые я ненавижу.

И опять прежняя пытка.

Молоденькая баронесса подводитъ ко мнѣ какого-то штатскаго со стеклышкомъ въ глазу и брилліантовой булавкой, въ модномъ галстухѣ.

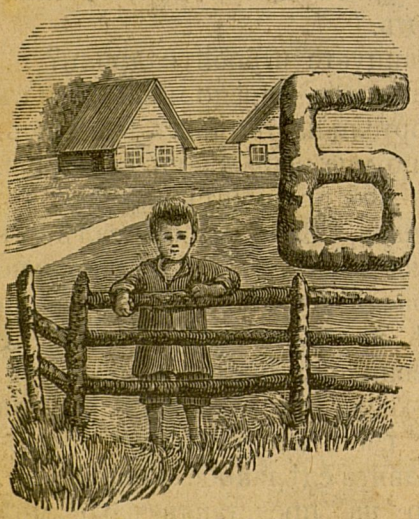
— Enchantè, mademoiselle *),—говоритъ онъ заученную фразу, но лицо его выражаетъ при этомъ такое откровенное отчаяніе, что, какъ мнѣ не горько на душѣ, хочется смѣяться.

И я желая быть доброй, спасаю штатскаго со стеклышкомъ въ глазу и брилліантовой булавкой.

— Милая Кити,—говорю я молодой баронессѣ,—у меня болитъ голова. Позвольте мнѣ посидѣть въ вашемъ будуарѣ?

И, не дождавшись ея отвѣта, я извиняюсь передъ моимъ кавалеромъ, и выхожу изъ зала.

Не знаю, почудилось мнѣ или нѣтъ, но изъ груди послѣдняго, кажется вырвался вздохъ облегченія и понесся вдогонку за мною, какъ знакъ благодарности за доброе дѣло.



Ш.

УДУАРЪ Кити полуосвѣщенъ. Маленькій японскій фонарикъ обливаетъ мягкимъ свѣтомъ голубую комнатку, похожую на бомбоньерку, съ трельяжами и козетками, всю утонувшую въ коврахъ, картинахъ и гобеленахъ. Сюда смутно долетаютъ отдаленные звуки музыки. На разстояніи поющая мелодія кажется милѣе и пріятнѣе слуху. Голубоватый полумракъ располагаетъ къ мечтательности. Въ подобныя минуты я всегда вспоминаю моего отца.

*) Т. е., я восхищенъ.

Дурнушка. (Стр. 9).

Матери я не помню, она умерла, когда я была совсѣмъ крошкой.

Мой отецъ обожалъ мою мать и, съ ея смертью, всю свою громадную любовь къ ней перенесъ на меня.

Я помню его отлично. Онъ, какъ живой, стоитъ передо мною. Какое у него было всегда печальное лицо! Какіе глаза, прекрасные и грустные въ одно и то-же время! Онъ былъ очень некрасивъ, мой бѣдный папа, но ни мало не скорбѣлъ объ этомъ.

— Мы дурны лицомъ съ тобой, Тася,—часто говорилъ онъ мнѣ,—такъ постараемся-же быть добрыми!

Тутъ-то онъ и поселилъ въ моемъ сердцѣ эту великую любовь къ меньшей братіи. Онъ самъ помогалъ ей, самъ входилъ въ нужды несчастныхъ и, не состоя членомъ ни одного благотворительнаго учрежденія, сдѣлалъ столько добра людямъ, сколько всѣ эти общества, вмѣстѣ взятыя, не могли бы сдѣлать во все ихъ долгое существованіе.

Отецъ былъ очень богатъ. Но съ его смертью все огромное состояніе пошло на бѣдныхъ, кромѣ ста тысячъ, оставленныхъ мнѣ, согласно завѣщанія покойнаго.

У меня при одномъ воспоминаніи объ отцѣ навертываются слезы на глаза и сердце наполняется сладкой тоскою.

Милый, дорогой папа, если-бъ ты былъ живъ, у меня была-бы цѣль жизни—беречь и лелѣять твою старость! Теперь она безцѣльна, моя жизнь! Я прозябаю среди холоднаго общества, и только помощь бѣднымъ доставляетъ мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе и примиряетъ меня съ моей тяжелой долей.

Tante Lise печется и заботится обо мнѣ, но я никакъ не могу привыкнуть къ ея холодному тону настоящей свѣтской дамы, хотя знаю, что она по своему и любитъ меня.

Въ полутемномъ будуарѣ стало свѣтло на мгновеніе, дверь широко распахнулась и тотчасъ захлопнулась.

Въ комнату вошла Лили, съ одной изъ своихъ свѣтскихъ пріятельницъ миловидной барышней очень нарядно одѣтой.

Она быстро окинула взоромъ темные уголки будуара

и, не замѣтя меня, притаившуюся въ уголку, съ тихимъ шаловливымъ смѣхомъ упала на кресло.

— Ахъ, какъ весело! Какъ весело!—лепетала она.— Какой чудесный балъ сегодня!

— Вамъ и не можетъ быть скучно ни на одномъ балу—любезно произнесла ея собесѣдница,—вы такая изящная, хорошенькая, веселая. Всѣ такъ охотно выбираютъ васъ танцовать. Вы царица бала нынче и должны быть очень счастливы, Лили?

— Да. Я счастлива и обожаю жизнь. Люблю до безумія всѣ эти балы, выѣзды, танцы. Ахъ, какъ весело, какъ пріятно жить! Какъ пріятно сознавать, что тебя любятъ, ты нравишься, что любуются тобою. Я не знаю, чтобы сталось со мною, если-бы меня лишили всѣхъ этихъ веселыхъ выѣздовъ. Право мнѣ кажется, что жизнь это одинъ сплошной праздникъ, такой пріятный и веселый.

— Ну, положимъ не для всѣхъ,—выронила ея пріятельница,—есть много людей, которымъ жизнь кажется печальными, сѣрыми буднями.

— Вы говорите о бѣдныхъ?—вскользь произнесла Лили, заглядывая въ зеркало и поправляя прическу.

— Ну, и не всѣ богатые бываютъ счастливы. Вотъ, напримѣръ ваша кузина. Мнѣ ее сердечно жаль!

— Какая кузина?—удивилась Лили.

— Да эта бѣдная дурнушка княжна Тася. Вотъ чья пѣсенка спѣта, можно сказать!

— Да! Я ей удивляюсь, да и tante Lise тоже! Къ чему вывозить несчастнаго ребенка? Каждый балъ для нея— новый ударъ по самолюбію. Вѣдь съ нею никто не танцуетъ. Она такъ дурна и неуклюжа притомъ.

— Обладая такой внѣшностью, я, не долго думая, поступила-бы въ монастырь!— съ большой убѣдительностью произнесла ея подруга.

Однако, пойдемъ въ залу. Сейчасъ начнутъ катильонъ.

И онѣ вышли изъ будуара, весело смѣясь и болтая.

А я сидѣла все на томъ же мѣстѣ, уничтоженная,

пришибленная въ конецъ. Судьбѣ угодно было подчеркнуть еще разъ мое несчастье.

Да, онѣ правы!

Я знала давно, что я—дурнушка, и все это не было для меня новостью, но почему-то сегодня мнѣ особенно больно было услышать объ этомъ еще разъ. Я только что успѣла забыться подъ звуки чудныхъ, бальныхъ мелодій при видѣ столькихъ нарядныхъ красивыхъ паръ, искренно отдающихся веселью. И вдругъ... новое непріятное напоминаніе. А что если и правда уйти въ монастырь? Что если сдѣлать это, отдавъ моимъ бѣднымъ въ полное владѣніе мое стотысячное приданое?

Увы! я для этого еще слишкомъ молода. Я люблю природу, жизнь,—какъ это ни странно, я, падчерица судьбы и мнѣ страшно подумать очутиться запертой въ четырехъ стѣнахъ монастыря.

Я вышла съ заплаканными глазами, съ красными вѣками изъ будуара Кити и стала просить компаньонку Лили мисъ Грей отвезти меня домой.

IV.

В ЭТУ ночь я металась, какъ въ лихорадкѣ; мое лицо и тѣло горѣли, въ головѣ стучало, а сердце такъ остро и часто сжималось, что мнѣ казалось, вотъ-вотъ оно разорвется на тысячу частей.

Разговоръ Лили и ея подруги не выходилъ у меня изъ головы. Мнѣ было обидно на судьбу до боли. И опять я завидовала Лили. Чтобы сталось со мною, если бы я очутилась въ силу несбыточной случайности на мѣстѣ Лили—такой хорошенькой, изящной и веселой?

Съ трудомъ я забылась на нѣкоторое время и тутъ-то картины одна другой плѣнительнѣе представлялись моимъ глазамъ.

Я видѣла себя красавицей, окруженной толпой наперстницъ, очаровательной сказочной принцессой. Я жила въ роскошномъ дворцѣ, гуляла по тѣнистому саду и толпа миловидныхъ прислужницъ смотрѣли мнѣ въ глаза, готовыя предупредить малѣйшее мое желаніе.

И вотъ, мнѣ докладываютъ о пѣвцѣ—чужестранцѣ, пришедшемъ взглянуть на меня изъ далекихъ, далекихъ мѣстъ.

Онъ много слышалъ о моей красотѣ и о добромъ милосердномъ нравѣ и полюбилъ меня заочно, какъ далекую грезу своихъ думъ.

И увидя меня, исполненный восторга запѣлъ въ честь мою пѣсню, чудесную пѣснь о своей любви.

Онъ сравнивалъ меня въ этой пѣснѣ и съ алой розой, расцвѣтшей на кусту, и съ бѣлой лебедью, плавающей по пруду и съ золотою звѣздочкой на далекомъ небѣ.

И съ каждымъ словомъ его пѣсни, аккомпанируемой струнами лютни, что-то вливалось въ мое сердце и заставляло его трепетать отъ счастья.

Да, я любила во снѣ моего пѣвца! И когда онъ кончилъ свою пѣсню я протянула ему руки и усадила на тронъ рядомъ съ собою.

И я выбрала его принцемъ той чудесной страны, которою владѣла.

Мои хорошенькія прислужницы поздравляли насъ, танцовали на радостяхъ и водили съ пѣніемъ хороводы.

А я и мой принцъ-женихъ сидѣли рядомъ любуясь другъ другомъ и тихо бесѣдовали о нашей любви и нашемъ счастьѣ.

Сѣрое утро чуть брезжило въ узкую полоску между двухъ плохо сдвинутыхъ половинокъ драпри, когда я проснулась.

Я не поняла съ минуту, гдѣ я и что со мною... Безжа-

лостная дѣйствительность перенесла меня снова въ мое настоящее, сѣрое и тоскливое, какъ это чуть брезжащее утро. Еще голова моя была полна чудесныхъ образовъ только что видѣннаго во снѣ, а сердце уже рвалось на части отъ остраго прилива отчаянія. И вотъ, не отдавая себѣ отчета, я вскочила съ постели и, какъ была, въ одной сорочкѣ, присѣла къ письменному столу и стала заносить на чистыя странички записной книжки мой чудесный сонъ въ связи со вчерашней бесѣдой моей кузины и ея подруги, мое печальное пробужденіе, разбитыя надежды, — словомъ, все, все испытанное мною въ эти сутки. Не переставая ни на минуту, дрожа отъ холода и волненія, я писала не отрываясь, не отводя воспаленныхъ глазъ съ плавно текущихъ строчекъ.

Слово за словомъ, строка за строкою, листъ за листомъ мелькаютъ буквы дробнаго и красиваго почерка, и черезъ три-четыре часа усиленной работы—моя повѣсть была готова.

Безотчетнымъ движеніемъ руки, точно подъ чужимъ вліяніемъ, поставила я въ заглавной строкѣ: «Сонъ дѣвушки», и стала читать.

Что то до-нельзя правдивое, мощное, сильное и красивое полилось изъ моихъ устъ. Я усилила голосъ и стала читать громче и громче. Невольный восторгъ охватилъ меня.

Да полно! Я-ли это написала? Боже мой!

Эта чудесная, полная блеска и красоты, правдивая сказка, вызывающая жгучія слезы участія и восторженные порывы восхищенія, была написана мною. Слезы брызнули изъ моихъ глазъ.

Я задыхалась.

Простая, несложная исповѣдь бѣднаго некрасиваго свѣтскаго урода, дѣвушки, переживающей тяжелые годы въ полномъ духовномъ одиночествѣ, но съ горячими запросами жизни и розовыми надеждами, поддерживающими ее. И этой дѣвушкѣ снится сонъ, полный прелести счастья.

Этотъ сонъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, превращаетъ ее въ красавицу, любимую и лелѣемую всѣми.

Но съ первыми-же минутами пробужденія она снова окунается въ печальную дѣйствительность и переживаетъ весь ужасъ разочарованія.

И все. Но это «все» прекрасно и это «все» было написано мною,—бѣдной, ничтожной, дурнушкой, маленькой княжной Тасей!

Господь Великій и Милосердый! Ты не далъ мнѣ красоты, не далъ счастья!.. Ужели-же мнѣ предстоитъ большее?.. Неужели въ награду за всѣ мои страданія Ты подарилъ меня лучшимъ сокровищемъ въ мірѣ—талантомъ, передъ которымъ красота и богатство, кажутся жалкими, ничтожными, пустыми звуками, и только...

V.

— Что съ вами, милая Natalie? У васъ такое странное лицо!

Tante Lise—сухая и важная старуха, говорила «вы» рѣшительно всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ своей старой камеристки, Вареньки, и не менѣе ее старой моськѣ Женни.

Я посмотрѣла въ зеркало.

Дѣйствительно, лицо мое пылало, а глаза разгорѣлись, какъ угольки. Но ни румянецъ, ни блескъ глазъ, ни мало

не скрасили моихъ грубыхъ чертъ, ни моей убійственной желтой кожи. Я еще не остыла отъ моего недавняго волненія, глаза не высохли отъ счастливыхъ слезъ, вызванныхъ дѣйствіемъ неожиданнаго и сильнаго прилива вдохновенія, когда я прерывающимся голосомъ прошептала, заикаясь и краснѣя:

— Я написала повѣсть!

Tante Lise не разслышала. Она собственноручно привязывала къ ошейнику Женни серебрянный колокольчикъ и, чуть-чуть повернувъ ко мнѣ голову, проронила вопрошающе:

— Гм?..

Я должна была повторить.

Когда она, наконецъ, поняла меня, то удивленно приподняла брови и сказала спокойно:

— Очень мило. Вы прочтите мнѣ ее послѣ обѣда.

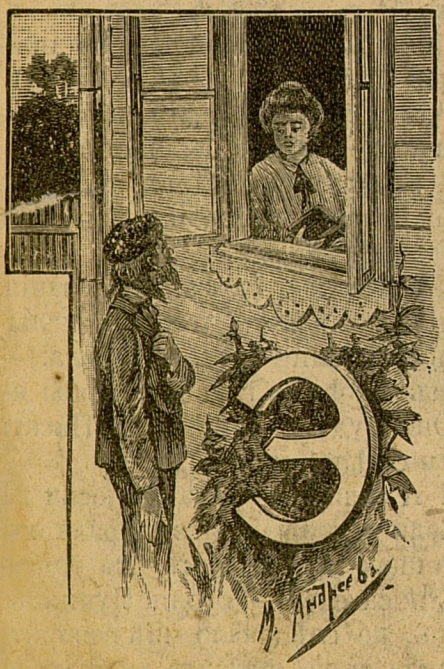
Мнѣ казалось, что это извѣстіе должно было поразить, ошеломить tante Lise. Тася—писательница! Тася написала повѣсть! А вмѣсто того, какое-то тупое равнодушіе въ отвѣтъ.

— Вы прочтете ее мнѣ, — и уже тономъ приказанія, переводя разговоръ на французскій языкъ, чтобы не услышалъ лакей, подающій намъ чай, tante Lise добавила: — только не болтайте объ этомъ много, а главное, чтобы ни Лили, ни Вива не знали... Они будутъ смѣяться. Писать повѣсти это—не наше съ вами дѣло, милая Тася!

Боже мой! Не мое дѣло! А если я —талантъ, если то, что я написала, прекрасно? Если я дрожала и замирала отъ восторга при чтеніи написаннаго мною такъ-же точно, какъ и при чтеніи великихъ писателей—Гоголя, Пушкина, Лермонтова и Толстого? Нѣтъ, не слѣдовало мнѣ говорить это tante Lise, она не поняла и не оцѣнила меня и не можетъ понять ничего, кромѣ своихъ интересовъ, накрѣпко замкнутыхъ въ тѣсный кругъ свѣтской жизни! И сейчасъ, не остывшую еще отъ лихорадки перваго творчества, она начинаетъ забрасывать меня праздными вопросами по по-

воду вчерашняго вечера: много-ли я танцовала? любезно-ли относилась ко мнѣ хозяйка дома и какіе туалеты были на княгинѣ Д. и баронессѣ Е.?

Мнѣ становилось больно отъ ея вопросовъ. Мои мысли были полны «Сномъ дѣвушки» и сама я витала такъ далеко отъ земли. Но я сѣла подлѣ tante Lise и дала ей подробный отчетъ о проведенномъ мною на балу вечерѣ, стараясь, однако, не промолвиться о томъ, что всѣ вальсы и даже грандіозный котильонъ, дирижируемый Вивой, я просидѣла въ полуосвѣщенномъ будуарѣ молодой баронессы, никому не нужная и позабытая всѣми.



VI.

— Это написали вы?

Судорога сжала мнѣ горло и я съ трудомъ отвѣтила:

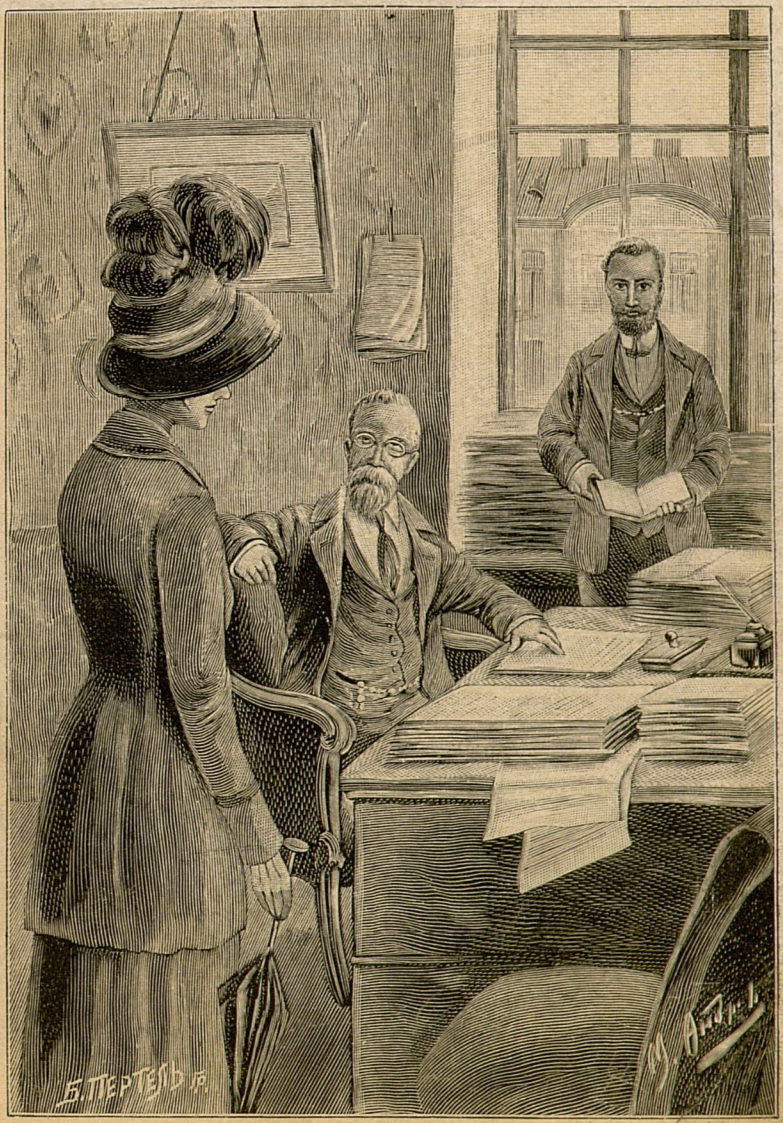
— Да.

Маленькій, подвижной и юркій старичекъ-редакторъ недовѣрчиво повелъ на меня поверхъ очковъ своими быстрыми глазками и, положивъ руку на первый листъ моей тщательно въ третій разъ переписанной рукописи, проговорилъ медленно, точно взвѣшивая каждое слово:

— Но вы и не подозрѣваете, мадемуазель, того, что вы написали что-то очень хорошее. Вы работаете давно?

— Въ первый разъ.

— Какъ въ первый разъ?—приподнялся онъ на стулѣ.



Дурнушка. (Стр. 16).

— Я хотѣла сказать, что это—моя первая повѣсть.

— Прекрасная вещь! Удивительно, что начинающая писательница, да притомъ еще такая юная, могла написать что-либо подобное. Мнѣ остается поправить лишь нѣкоторыя техническія стороны произведенія, и только.

— Неужели-же?..—начала я дрожащимъ голосомъ.

— Вещь написана, если можно такъ выразиться, кровью и нервами... Тема тоже далеко не избитая и мы охотно помѣстимъ вашъ разсказъ на страницахъ нашего журнала. Да, вамъ не безъинтересно знать, конечно, условія гонорара? Мы платимъ по восемьдесятъ рублей за печатный листъ. Эти условія могутъ васъ удовлетворить?

Я невольно улыбнулась.

— Мнѣ не надо гонорара,—произнесла я, мучительно краснѣя.—Я богата, отдайте мой гонораръ нуждающимся.

— Этого нельзя, — улыбнулся въ свою очередь, старикъ-редакторъ, и его лицо стало отечески-ласковымъ, и добрымъ.—Вы можете это сдѣлать сами, но редакція не смѣетъ эксплоатировать трудъ своихъ сотрудниковъ.

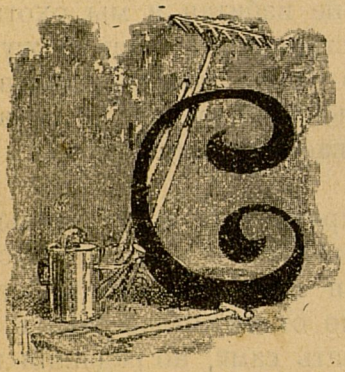
— Хорошо,—прервала я его, тутъ-же рѣшивъ вырученныя деньги отдать моимъ бѣднымъ.

Первый успѣхъ вскружилъ мнѣ голову. Я не помню какъ я вышла изъ кабинета редактора, куда попала подъ видомъ прогулки, въ сопровожденіи Вареньки, ждавшей меня на подъѣздѣ редакціи, какъ прошла мимо маленькихъ клѣтушекъ съ письменными столами, за рѣшетчатыми стѣнками которыхъ сидѣло и писало до десятка мужчинъ и женщинъ разныхъ видовъ и возрастовъ.

— Что-то пѣло и ликовало внутри меня.

— Я—талантъ!—тихонько произносили мои губы,—я—талантъ! Я написала вещь, которая «прекрасна», которая вылилась «нервами и кровью» и которую прочтетъ вся Россія, прочтутъ tante Lise, Лили, и Вива, можетъ быть, наравнѣ съ другими первокласными писателями, печатающими статьи и разсказы на столбцахъ этого толстаго журнала. И это написала я, бѣдная дурнушка Тася, съ длин-

нымъ носомъ и огромнымъ ртомъ! И читая мою повѣсть, мой чудесный любимый «Сонъ дѣвушки», они, эти люди, забудутъ, что я безобразна, и увидятъ во мнѣ новую красоту, съ которой не сравнится никакая красота въ мірѣ... Я талантлива!..



VII.

ОНЪ дѣвушки вышелъ въ свѣтъ въ январской книжкѣ толстаго журнала.

Я не помнила себя отъ восторга.

Княжна Тася Горянина спряталась подъ псевдонимомъ „Подснѣжника“, но всѣ узнали, по милости Лили, кто авторъ интересной повѣсти. Tante Lise въ первую минуту пришла въ ужасъ. На ея взглядъ каждая писательница должна быть очень крикливой, обладать дурными манерами, грязными ногтями, стриженой головой, и курить папироски. Она со страхомъ приглядывалась къ моимъ рукамъ и облегченно вздыхала, замѣтя, что мои пальцы по прежнему чистоплотны, а волосы уложены въ строгую и скромную прическу.

Старая княжна, повидимому, примирилась съ печальной необходимостью имѣть внучкой писательницу, но ставила мнѣ лишь въ условіе отнюдь не затрагивать великосвѣтскихъ сферъ въ моихъ будущихъ произведеніяхъ.

— Больше изъ міра фантазій и сказокъ выбирайте себѣ сюжеты,—совѣтовала мнѣ tante Lise.

Пріѣзжала Лили, нарядная, красивенькая и веселая, какъ птичка, и, насмѣшливо щуря свои круглые глазки, хвалила мою повѣсть. Она, очевидно, пробѣжала ее, какъ

легкую бездѣлку, и ничего особеннаго въ ней, разумѣется, не замѣтила. Остальныя мои пріятельницы тоже.

Только одна златокудрая баронесса Кити сочувственно и печально улыбнулась, пожимая мнѣ руку.

Эта поняла меня, поняла, что „Сонъ дѣвушки"—не простой разсказъ, а правда, выхваченная изъ жизни, и я почувствовала невольную благодарность и симпатію къ милой дѣвушкѣ.

Когда вторично я пріѣхала въ редакцію, уже по вызову самого редактора, для полученія гонорара, прежней трусости и робости во мнѣ не осталось и слѣда. Проходя мимо клѣточекъ, за рѣшетками которыхъ работали молодые, пожилые и старые люди, мужчины и женщины, я уже не опускала глазъ, какъ раньше. Напротивъ, я твердо и смѣло отвѣчала на недоумѣвающіе и любопытные взгляды и глаза мои говорили за меня:

„Ну да, я и есть „Подснѣжникъ", написавшій мою прекрасную повѣсть, которой восхищается теперь, можетъ быть, вся Россія и восхищались, конечно, и вы всѣ, только не смѣете мнѣ высказать это".

Старикъ—редакторъ былъ не одинъ. Спиной къ огромному окну, сплошь заваленному разными изданіями, стоялъ еще молодой человѣкъ, съ красивымъ нервнымъ, нѣсколько усталымъ лицомъ и черной вьющейся бородкой. У него были прекрасные, смѣлые, открытые глаза, глядѣвшіе, казалось, въ саму душу. Отъ такихъ глазъ ничего не скроешь, они созданы, чтобы видѣть правду и ложь.

Когда я вошла, оба собесѣдника сразу умолкли. Въ рукахъ молодого человѣка была книжка журнала, открытая на первой страницѣ моего разсказа.

„Значитъ, они говорили о моей повѣсти!" — вихремъ пронеслось въ моей головѣ и я мучительно покраснѣла.

— А—а! весьма кстати!—ласково привѣтствовалъ меня, какъ старую знакомую, редакторъ. — Садитесь, княжна, гостьей будете,—шутливо добавилъ онъ и придвинулъ мнѣ кресло.—Ну-съ, какъ вы себя чувствуете, молодая писа-

тельница? Сколько разъ прочли вашъ „Сонъ дѣвушки“ въ печатномъ видѣ?

— Нѣтъ,—солгала я храбро, чтобы не показаться слишкомъ глупой въ глазахъ незнакомаго молодого человѣка,— я не успѣла еще его прочесть.

А сама, по крайней-мѣрѣ, разъ десять подрядъ пробѣжала мою повѣсть въ первый-же день ея выхода изъ печати.

— Напрасно,—улыбнулся редакторъ, не повѣривъ мнѣ, конечно, ни на минуту.—А вотъ Сергѣй Вадимычъ,—онъ чуть-чуть кивнулъ въ сторону незнакомца,—читалъ, два раза читалъ и спеціально пожаловалъ къ намъ затѣмъ, чтобы узнать имя автора. Но мы скромны и нѣмы, какъ рыбы, — шутилъ старикъ, — имя автора скрывающагося подъ псевдонимомъ,—тайна редакціи!.. Творецъ „Сна дѣвушки“—нѣкій „Подснѣжникъ“ и этого вполнѣ достаточно для любопытныхъ читателей.

Я метнула незамѣтно взглядъ въ сторону молодого человѣка.

Онъ былъ серьезенъ. Его прекрасные глаза смотрѣли поверхъ моей собольей шапочки, но я чувствовала и сознавала, что онъ видитъ меня, не глядя на мое лицо, и мысль обо мнѣ, какъ объ авторѣ „Сна дѣвушки“, гнѣздится въ этой красивой головѣ.

Наступило томительное молчаніе. Редакторъ понялъ мою неловкость въ присутствіи незнакомаго третьяго лица и поторопился представить мнѣ молодого человѣка. Слегка протянувъ правую руку въ его сторону, онъ проговорилъ, старательно отчеканивая слова:

— Сергѣй Валимовичъ Водовъ.

Водовъ? Гдѣ я слышала эту фамилію? Рѣшительно не помню, но она мнѣ знакома и хорошо знакома, это я поняла сразу.

Я молча отвѣтила на его почтительный, даже слишкомъ почтительный, какъ мнѣ показалось, поклонъ. Онъ-же, бросивъ двѣ—три незначащія фразы редактору, вышелъ изъ кабинета, поклонившись мнѣ вторично.

— Кто это?—не утерпѣла я не спросить.

— Развѣ не знаете? Стыдитесь, княжна! Это—новое восходящее свѣтило на нашемъ литературномъ небѣ: писатель Водовъ.

— Писатель?

— Да, баллетристъ, но и поэтъ отчасти.

Поэтъ? Теперь я вспомнила о немъ. Стихи Водова мнѣ попадались часто въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Одно изъ нихъ я помнила отлично—это было дивное описаніе итальянской ночи, съ прекрасными лагунами и темнымъ небомъ. Старая тема, но выраженная такъ жизненно, съ такой блещущею красотою и яркостью красокъ, что, казалось, строки мелодичныхъ куплетовъ и звонкія риѳмы стиха были пропитаны знойной венеціанской красавицей природой.

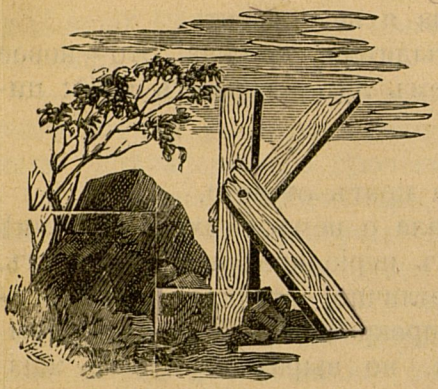
— Такъ это—Водовъ, авторъ „Ночи въ лагунахъ“—протянула я не то радостно, не то удивленно и, прежде чѣмъ редакторъ успѣлъ мнѣ отвѣтить, продекламировала первый куплетъ.

— Какъ, вы даже знаете наизусть?—удивился онъ.—Непремѣнно поздравлю Сергѣя Вадимовича съ новой почитательницей его музы, да еще такой талантливой, какъ вы!

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите!—испугалась я.

Мнѣ живо представились, насмѣшливо вскинутые на меня, жалкую дурнушку, глаза поэта.

И всю дорогу отъ редакціи до дома я, помимо воли, не переставала думать о талантливомъ человѣкѣ со смѣлыми черными глазами, обладающемъ такимъ огромнымъ талантомъ.



VIII.

АКЪ-ТО разъ, гуляя по набережной, въ сопутствіи неизмѣнной Вареньки, замѣнявшей мнѣ компаньонку, я встрѣтила Водова. Онъ шелъ быстро и легко, свободной молодой походкой. Увидя меня, онъ тотчасъ же прибавилъ шага и подошелъ ко мнѣ просто, какъ къ старой знакомой.

— Здравствуйте,—чуть-чуть приподнявъ круглую мѣховую шапочку, произнесъ онъ.

Я смутилась. Смутилась, во-первыхъ, потому, что не ожидала его увидѣть, а во-вторыхъ, отъ присутствія Вареньки, удивленно вскинувшей на незнакомаго ей господина свои подслѣповатые глазки. Но отступать было поздно. Водовъ освободилъ свою правую руку отъ теплой перчатки и протянулъ ее мнѣ.

Я робко подала свою.

— Славный день,—проговорилъ онъ и пошелъ рядомъ со мною, стараясь соразмѣрить свои шаги съ моими.

На набережной было много знакомыхъ, проѣзжающихъ въ экипажахъ и прогуливающихся по гранитнымъ плитамъ берега, и всѣ они, какъ мнѣ, по крайней-мѣрѣ, казалось, и мужчины, и дамы, съ одинаковымъ изумленіемъ поглядывали на меня и незнакомаго имъ моего спутника.

Сначала я смущалась и краснѣла ежеминутно, но Водовъ сумѣлъ заставить меня позабыть и о праздной толпѣ, и о досаждающихъ взглядахъ, просто сказавъ:

— Я прочелъ вашу повѣсть.

— И?—замирая отъ волненія,—спросила я.

— И... не повѣрилъ, что это написали вы,—въ тонъ мнѣ—отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Но почему?

— Во-первыхъ, простите, но въ ней не видно молодости... Такую вещь долженъ былъ-бы написать очень долго проживший на бѣломъ свѣтѣ и много горя видѣвшій отъ жизни человѣкъ. Каждая строка въ немъ, въ вашемъ «Снѣ дѣвушки», дышитъ правдой, но такой болѣзненной, такой вымученной правдой, которую трудно ждать отъ такого ребенка, какъ вы. И потомъ, многіе штрихи такъ ярки и сильны, что повѣсть производитъ сильное впечатлѣніе.

— Но увѣряю васъ,—разсмѣялась я невольно моему оправданію,—эта вещь написана мною!

— Вѣрю и радуюсь! Вашъ «Сонъ»—вещь далеко необыкновенная, къ тому-же талантливая... Предсказываю вамъ, современемъ вы будете большая знаменитость.

Онъ улыбнулся, но глаза его были серьезны, почти строги.

У меня захватило дыханіе.

— А мнѣ чуть-ли не запретили писать,—черезъ минутное молчаніе пожаловалась я.

— Кто?

— Близкіе... Tante Lise, моя воспитательница.

— Вы—сирота?

— Да.

— И богатая сирота, потому что отказывались отъ гонорара, какъ мнѣ передавалъ редакторъ,—и глаза его насмѣшливо сощурились.

— Ну, да,—пробормотала я,—мнѣ казалось, что есть много людей... писателей... нуждающихся, бѣдныхъ, которымъ нужны деньги, а я, вполнѣ обезпеченная, слишкомъ даже, отбиваю у нихъ заработокъ.

— Вотъ вы какая добрая! — улыбнулся Водовъ. — У насъ рѣдко кто заботится о другихъ. Потому-то и нѣтъ настоящаго счастья на свѣтѣ. Люди завидуя другъ другу, тѣснятъ одинъ другого, мѣшаютъ жить другъ другу. А между тѣмъ міръ великъ и мѣста и дѣла всѣмъ хватитъ. Если-бы я писалъ такъ молодо, свѣжо и сильно, какъ вы написали вашъ «Сонъ дѣвушки», я былъ-бы очень счастливъ.

— Но вы такъ чудесно пишете сами! Вы написали такую чудную вещь!—искренно вырвалось у меня.

— Какую?

— «Ночь въ лагунахъ».

— Э, полноте, это слабѣйшая... Я—не профессіональный поэтъ, я — романистъ. Ну, такъ, видите-ли, я пишу много и пишу сильно и хорошо. Я это и самъ чувствую, чувствуютъ и другіе. А знаете-ли почему? Я пишу тогда только, когда мнѣ хочется, когда нахлынетъ волна вдохновенья и нѣтъ силъ съ нею справиться, когда душа ноетъ и томится отъ чего-то неяснаго и ожидая чего-то хорошаго, свѣтлаго, крупнаго.

Онъ говорилъ горячо, взволнованно. Его глаза блестѣли ярче.

«Зачѣмъ онъ говоритъ мнѣ все это, со второй встрѣчи знакомства? И что можетъ быть общаго между мною и имъ?»

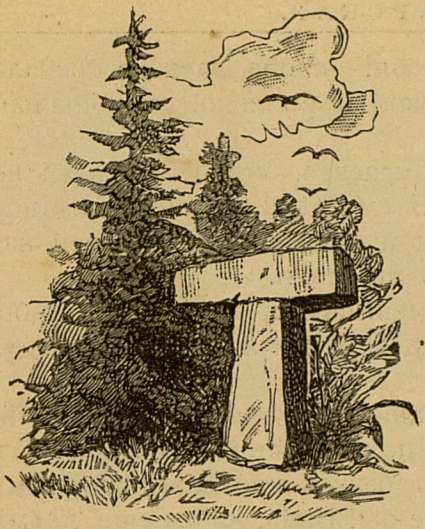
— Сергѣй Вадимовичъ,—начала я нерѣшительно,—зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

Онъ посмотрѣлъ на меня недоумѣвающе, какъ-бы проснувшись и увидя меня впервые.

— Зачѣмъ,—переспросилъ онъ какъ-бы безсознательно и послѣ минуты молчанія добавилъ:—право, не знаю, но мнѣ показалось, княжна, что вы лучше, нежели кто-либо другой, поймете меня, потому что вы такая свѣтлая и чистая душа, такая чуткая и хорошая! Очень хорошая!—подтвердилъ онъ серьезно.

Мое сердце забилось радостно.

Вѣдь вотъ же нашелся человѣкъ, замѣтившій мою душу, несмотря на мое уродство! И я почти счастливая вернулась домой.



IX.

АСЯ, ты знакома съ Водовымъ? — спросила какъ-то Лили, заѣхавъ ко мнѣ передъ урокомъ верховой ѣзды, который она брала въ манежѣ.

— Почемъ ты знаешь?

— Тебя видѣли разговаривающей съ нимъ на набережной, не помню кто, кажется, Вива. Но не въ этомъ дѣло... Видишь-ли, Тася, maman устраиваетъ музыкально-вокальный вечеръ на-дняхъ въ пользу бѣдныхъ. И ей хочется, чтобы на немъ участвовалъ Водовъ, онъ очень хорошо читаетъ стихи. Мама и я желали-бы, чтобы онъ прочелъ что-нибудь... Это въ пользу пріютовъ. Мы не знакомы съ нимъ; напиши ему ты отъ имени мамы.

— Но, Лили,—искренно возмутилась я,—вѣдь, нельзя-же его нанимать, какъ тапера!

— Вотъ глупости! Никто его и не собирается нанимать, дурочка, онъ долженъ быть очень счастливъ, мы дѣлаемъ ему честь, приглашая его на нашъ великосвѣтскій вечеръ. Наконецъ, ему заплатятъ за это!

— Но ты пойми, Лили, Водовъ ничего не возьметъ, ему и предлагать нелѣпо...

— Да ты и не предлагай. Просто попроси его участвовать... Вѣдь, это для бѣдныхъ.

— Ну, и участвуй сама, — почему-то обидѣлась я,—а безпокоить знакомаго мнѣ человѣка, да еще съ такимъ большимъ именемъ — не рискну. Попроси тетю написать ему. Мнѣ неловко.

— Ну-ну, милая Тася,—залепетала она, обнимая меня и цѣлуя нѣжно.—Пожалуйста! Сдѣлай это для меня и для

мамы. Очень, очень прошу тебя!—и она ласково трепала меня по щекѣ душистой ручкой и умильно, по-кошачьи, заглядывала мнѣ въ глаза.

Лили была красива, такъ красива, что отказать ей не было никакой возможности. Я смотрѣла въ ея прелестное лицо восторженными глазами и тутъ же обѣщала ей написать Водову, во что бы то ни стало.

Къ тому-же, вѣдь, и для меня его присутствіе было-бы далеко не безразлично. Послѣднее время я только и думала о немъ.

Прошло двѣ недѣли съ нашей встрѣчи на набережной, но вся она до малѣйшихъ подробностей оставалась въ моей головѣ. Я была теперь безконечно благодарна ему за его сердечную бесѣду. Еще-бы! Вѣдь, никто еще, кромѣ покойнаго отца, не говорилъ такъ со мною! Всѣ люди—и молодые, и старые—не могли не смотрѣть на меня съ откровенной жалостью или нѣкоторымъ любопытствомъ. А этотъ, красивый, добрый, талантливый и лучшій, можетъ быть, изъ людей человѣкъ, отличилъ меня, заглянувъ мнѣ въ душу. Свободно и просто, какъ съ товарищемъ, подѣлился онъ со мною своимъ настроеніемъ. И при этомъ не было ничего обиднаго въ его глазахъ, смотрѣвшихъ на меня просто и серьезно. Я часто замѣчала, какъ преувеличенно быстро бросалась наша свѣтская молодежь оказывать мнѣ ничтожныя услуги: поднять уроненный мною платокъ или подставить стулъ. Они старались, какъ будто доказать этимъ, что ничуть не замѣчаютъ моего отличія отъ свѣтскихъ красавицъ, и тѣмъ только еще болѣе подчеркивали мое безобразіе.

Однако, я позабыла о томъ, что я дурнушка въ ту минуту, когда писала на изящномъ листкѣ, украшенномъ гербомъ князей Горяниныхъ, записку Водову, по просьбѣ Лили.

Отвѣта я не получила; только, заѣхавъ какъ-то къ старику-редактору, я услышала отъ него, что Водовъ будетъ читать на вечерѣ кузины.

X.

КОНЦЕРТЪ моей второй тетки, жены моего родного дяди, и матери княжны Лили удался на славу.

Большой залъ собранія былъ переполненъ самой изысканной публикой столицы. Тутъ и тамъ между тюлевыми и газовыми, залитыми пальетками и золотомъ туалетами мелькали не менѣе ихъ нарядные и блестящіе мундиры. Сдержанный говоръ и запахъ дорогихъ духовъ парили въ воздухѣ.

Кузенъ Вива со значкомъ распорядителя на плечѣ встрѣтилъ насъ у входа и, подавъ руку tante Lise, провелъ ее въ первый рядъ креселъ. Тетя не хотѣла отказать себѣ въ удовольствіи посмотрѣть на свою племянницу и любимицу Лили, подвизающуюся въ этотъ вечеръ на эстрадѣ въ качествѣ актрисы-любительницы.

— Voyons! voyons *)!—твердила она поминутно, величественно кивая направо и налѣво своимъ многочисленнымъ знакомымъ.

Я, уничтоженная, по обыкновенію, однимъ видомъ моего бальнаго туалета, еще болѣе подчеркивающаго безобразіе лица и фигуры, сидѣла съ опущенными глазами, стараясь не смотрѣть и не видѣть всей этой нарядной и чуждой мнѣ толпы. Въ то время, какъ я смущенно теребила длинные концы шелковаго пояса, кто-то неслышно подошелъ ко мнѣ, всталъ передъ моимъ кресломъ и произнесъ, протягивая руку:

---

*) Т. е., посмотримъ! посмотримъ!

— Простите, что я не отвѣтилъ вамъ письменно, а передалъ черезъ третье лицо о томъ, что выступлю въ качествѣ декламатора на вашемъ вечерѣ. Но у меня были на то особыя причины. Мы поговоримъ о нихъ послѣ, а теперь не будете-ли добры представить меня княжнѣ, вашей тетушкѣ.

Я угадала, чей это былъ голосъ, не поднимая глазъ на говорившаго. Я не посмѣла взглянуть ему въ глаза, потому что радость, охватившая меня, непонятная мнѣ самой, радость отъ одного его присутствія въ этомъ залѣ, была слишкомъ очевидна на моемъ лицѣ. И я машинально исполнила желаніе Водова, представивъ его tante Lise.

— Я читаю въ послѣднемъ отдѣленіи концерта,—сказалъ онъ,—а пока, если позволите, посижу съ вами.

Съ этими словами онъ непринужденно опустился на сосѣдн ее не занятое рядомъ со мной кресло. Тетя, занятая въ это время разговоромъ съ женою знакомаго консула, отвѣтила на почтительный поклонъ представленнаго ей мною Водова и тотчасъ же возвратилась къ прерванной бесѣдѣ.

— Благодарю васъ, что не отказались читать въ этомъ концертѣ, — проговорила я, рѣшившись, наконецъ, взглянуть на моего сосѣда.

Онъ былъ въ изящномъ фракѣ съ широкимъ вырѣзомъ на груди и нарцисомъ въ петличкѣ. Его добрые черные глаза ласково-дружески смотрѣли на меня, какъ-бы ободряя.

— Что вы хотѣли мнѣ сказать по поводу моего приглашенія?—спросила я, помолчавъ немного.

— То-есть, вы хотите знать, иначе,—разсмѣялся онъ,— почему я не отвѣтилъ вамъ на вашу записку письменно?

— Ну, да,—не могла я не улыбнуться и тотчасъ-же сдѣлала испуганное лицо, зная, что улыбка мнѣ не идетъ вовсе.

— Видите-ли, княжна,—началъ онъ серьезно,—я не писалъ вамъ ничего, потому что хотѣлъ сказать вамъ слиш-

комъ много. Постараюсь быть краткимъ и точнымъ насколько умѣю... Вы и эта великосвѣтская забава—хотя-бы въ пользу бѣдныхъ—что у васъ общаго? Я не понимаю благодѣтельствовать бѣднякамъ такимъ образомъ. Вѣдь тутъ играетъ большую роль само развлеченіе, а не желаніе помочь бѣднякамъ. Вѣдь устройство такого концерта возьметъ не мало денегъ, а не лучше-ли было-бы эти деньги просто собрать среди богатыхъ добрыхъ жертвователей и передать ихъ бѣднымъ людямъ. А тутъ устраивается концертъ, на которомъ веселятся сами благотворители, совершенно позабывъ въ эти минуты о цѣли этого концерта. Я знаю, что вы поняли меня. Вы не отъ міра сего, княжна, вы не подходите къ нимъ, къ этой средѣ. Дѣвушка, написавшая такую вещь, какъ вашъ «Сонъ», не можетъ быть заурядымъ свѣтскимъ созданьемъ. Вы обладаете талантомъ, поднимающимъ васъ выше этой толпы,—и онъ небрежнымъ и красивымъ движеніемъ головы обвелъ залъ.

Точно душистый ѳиміамъ потянулся ко мнѣ со всѣхъ сторонъ и окуталъ меня своимъ благовоннымъ туманомъ. Я слушала Водова, не смѣя поднять глаза, боясь встрѣтить насмѣшливую улыбку сосѣдей... И боялась совершенно напрасно, потому что всѣ взгляды были обращены на эстраду.

Тамъ, entre les deux paravents *), среди корзинъ съ живыми цвѣтами должна была сейчасъ разыграться веселенькая свѣтская бездѣлка одного изъ модныхъ французскихъ авторовъ. Оркестръ проигралъ прелестный вальсъ, послѣднюю новость сезона, и Лили неожиданно вбѣжала на эстраду.

Ее чуть-чуть загримировали ради условій эстрады и она казалась прехорошенькой дѣвочкой. Костюмъ субретки удивительно шелъ къ ея типу: коротенькая юбочка, обнажала стройныя ножки въ туго натянутыхъ шелковыхъ чулкахъ. Бѣлый чепчикъ, изящно наколотый поверхъ пышной прически, удивительно красилъ ея головку. Играла

*) Т. е., между двумя ширмами.

она очень мило, стараясь подражать какой-то актрисѣ, видѣнной ею не разъ во французскомъ театрѣ. Все это было ново и забавно и ей усиленно апплодировали, особенно изъ первыхъ рядовъ, гдѣ сидѣли наши родственники и знакомые.

Наконецъ, Лили и Кити, изображавшая хозяйку Лили по пьесѣ, ушли съ эстрады подъ громъ неистощаемыхъ апплодисментовъ.

Ихъ смѣнила приглашенная пѣвица, потомъ артистъ, игравшій на скрипкѣ и, наконецъ, очень талантливая піанистка, игрою которой и закончилось первое отдѣленіе.

Въ антрактѣ Водовъ извинился и покинулъ свое мѣсто рядомъ со мною. Къ намъ стали подходить наши многочисленные знакомые и завязался обычный пустой свѣтскій разговоръ, къ которому я все еще не могу привыкнуть, какъ это ни странно.

Началось второе отдѣленіе концерта, и Водовъ вышелъ на эстраду.

Не знаю почему, но сердце мое дрогнуло.

Онъ обвелъ публику спокойнымъ взглядомъ и началъ свою декламацію.

Это были стихи, которыхъ я не встрѣчала еще въ печати, очевидно, не выпущенные въ свѣтъ, чудесные и мелодичные, какъ музыка.

Въ нихъ говорилось о томъ, какъ молодой поэтъ читалъ свою поэму во дворцѣ короля. Вокругъ него толпятся вельможи и рыцари. Прекрасныя дамы, въ драгоцѣнныхъ уборахъ, дарятъ ему свои улыбки. Самъ король, маститый старецъ, сходитъ съ трона, чтобы воздать должное молодому артисту. Но онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ. Ему не нужно похвалъ нарядной толпы, не нужно льстивыхъ улыбокъ холодныхъ красавицъ... Въ самомъ отдаленномъ углу зала сидитъ его дорогая. На ней нѣтъ драгоцѣннаго убора, ни нарядная платья, но ея приговоръ дороже ему и милѣе льстивыхъ рѣчей первыхъ красавицъ королевства. Она пойметъ его поэму лучше

всей этой суетливой и льстивой толпы, потому что сама она слагаетъ пѣсни, любимая музами не менѣе самого поэта. Онъ пробирается къ ней черезъ шумную толпу гостей, беретъ ее за руку и говоритъ ей, что она—избранница его сердца...

Водовъ кончилъ, а я все сидѣла, какъ приговоренная къ смерти, боясь вникнуть въ смыслъ только что прочитаннаго, боясь повѣрить своему счастью.

Эти звонкія риѳмы, эта неподражаемая мелодія стиха посвящались мнѣ. Нельзя было не понять, что тема схвачена не изъ міра фантазіи, что Водовъ примѣнилъ свое произведеніе или написалъ его, можетъ быть, даже въ честь новой зарождающейся между нами дружбы. Поэтъ, читающій въ королевскомъ дворцѣ—онъ самъ, скромная дѣвушка, любимая музами—я.

Это ясно и понятно, какъ Божій день! Но чѣмъ? чѣмъ я заслужила такое счастье? Господь Великій и Милостивый, да неужели же, неужели-же я могла произвести впечатлѣніе на этого талантливаго человѣка?

Въ залѣ неистово апплодировали. Водовъ кланялся направо и налѣво съ гордымъ достоинствомъ, свойственнымъ только избалованнымъ судьбою людямъ. Я взглянула на него и вспыхнула до корней волосъ яркимъ румянцемъ смущенія. Они, эти прекрасные глаза, смотрѣли мнѣ прямо въ зрачки съ освѣщенной эстрады, а слегка поблѣднѣвшія отъ волненія губы чуть замѣтно улыбались мнѣ, только одной мнѣ.

Въ эту ночь я не смыкала глазъ до разсвѣта. Я горячо молилась и благодарила судьбу. Я, религіозная по натурѣ (мой отецъ внушилъ мнѣ съ первыхъ лѣтъ дѣтства любовь къ Богу), и въ дни скорбей и радостей всегда обращалась къ Великому помощнику. Молитва подкрѣпила меня. Тихое счастье обвѣяло меня своими крыльями и мнѣ казалось, что жизнь прекрасна, когда есть въ мірѣ человѣкъ, который цѣнитъ меня.

XI.

А днях пріѣзжалъ съ визитомъ Водовъ. Я забыла сказать, что тетя въ вечеръ концерта пригласила его къ намъ.

Пріѣхалъ неожиданно, въ то время, когда я меньше всего думала о немъ. Я сидѣла одна въ маленькой пріемной, съ томикомъ Тургенева въ рукахъ, въ ожиданіи Лили, обѣщавшей заѣхать за мною для прогулки со своей компаньонкой.

Едва лакей успѣлъ доложить о немъ, какъ онъ уже былъ подлѣ меня. Я скорѣе почувствовала его, нежели увидала. Онъ внесъ съ собой струю морознаго воздуха и какую-то особенную бодрость.

— Какъ только княжна ваша тетушка позвала меня къ вамъ я, какъ видите, сразу воспользовался ея приглашеніемъ,—первое, что сказалъ онъ, пожимая мою руку.

Я стояла потерянная, сконфуженная, забывъ обязанности хозяйки, выронивъ томикъ Тургенева изъ своихъ дрожащихъ рукъ. Водовъ поднялъ книгу и положилъ ее на столъ, все еще не сводя съ меня взора.

И вдругъ, точно что подтолкнуло меня. Сдѣлавъ надъ собою невѣроятное усиліе, я отбросила досадное смущеніе и спросила:

— Сергѣй Вадимовичъ, вѣдь, то стихотвореніе, которое вы читали съ эстрады три дня тому назадъ, посвящено...

— Вамъ,—договорилъ онъ просто.

Лица его я не видѣла, потому что опустила рѣсницы, чтобы не выдать выраженія глубокаго счастья, охватившаго меня въ эту минуту и отразившагося въ моихъ глазахъ.

— Оно было посвящено вамъ, какъ творцу «Сна дѣвушки», восходящему свѣтилу и будущей яркой звѣздочкѣ на нашемъ литературномъ горизонтѣ,—сказалъ онъ и низко, почтительно склонился передо мною.

Что-то дрогнуло внутри меня.

Такъ вотъ оно что! Онъ интересуется не мною лично, а тѣмъ дарованіемъ, которое угадываетъ во мнѣ! И сердце мое больно сжалось отъ разочарованія и стыда, но лишь на одну минуту.

«А развѣ всѣхъ другихъ дѣвушекъ не любятъ за что-либо?—стараясь себя успокоить, разсуждала я:—однѣхъ за доброту, другихъ за умъ, третьихъ за красоту и грацію? Развѣ можно полюбить ничтожество? Нѣтъ, нѣтъ! Если суждено мнѣ быть хоть крошечку любимой имъ, этимъ безконечно милымъ человѣкомъ, пусть онъ любитъ за талантъ или за что другое не все-ли равно лишь-бы любилъ, лишь-бы цѣнилъ и уважалъ меня, какъ другъ, какъ братъ, какъ товарищъ.

Я подняла глаза и тотчасъ-же поймала его направленный къ моему лицу взглядъ.

— Ну, а если вы ошибаетесь въ моемъ дарованіи?—тихо, но твердо обратилась я къ нему.

Онъ усмѣхнулся.

— Я, вѣдь, кромѣ «Сна дѣвушки», ничего не написала!—продолжала я, ободренная его молчаніемъ.

— И этого достаточно,—подхватилъ онъ быстро.—Вы знаете, знаменитый Лѣсковъ написалъ свою первую повѣсть тридцати лѣтъ отъ роду, княжна, а вамъ нѣтъ еще и восемнадцати...

— Но мнѣ кажется, почему-то, что я не напишу больше. Вотъ ужъ мѣсяцъ не могу себя принудить взяться за перо.

— Вздоръ, я самъ не пишу цѣлыми годами. Долгое

бездѣйствіе способствуетъ только развитію таланта. Вы не отчаивайтесь, самъ Пушкинъ, говорятъ, мѣсяцами ничего не дѣлалъ...

— Боже, какія сравненія! — не могла не улыбнуться я.

Онъ взялъ мою руку и, серьезно заглянувъ въ мои глаза, сказалъ:

— Я твердо вѣрю въ вашъ талантъ, княжна! Одна ласточка не дѣлаетъ весны, это — правда; одинъ «Сонъ дѣвушки» не можетъ еще дать вамъ громкую славу и литературное имя. Но благое начало положено, и я вѣрю не только въ это благое начало, но и въ дальнѣйшее процвѣтаніе вашего дарованія...

Онъ хотѣлъ, казалось, сказать еще многое, но вошла tante Lise и разговоръ принялъ совсѣмъ другое направленіе.

Сергѣй Вадимовичъ сразу сумѣлъ понравиться тетѣ. Требовательная и предубѣжденная противъ него, какъ противъ каждаго человѣка не своего круга, смотрѣвшая на него нѣсколько свысока, tante Lise скоро, однако, позабыла объ этомъ.

Съ каждой новой фразой, исходившей изъ устъ Водова, морщинки на лицѣ старой княжны разглаживались и что-то похожее на улыбку мелькнуло на ея губахъ.

Водовъ происходилъ изъ старой дворянской семьи, когда-то очень богатой. Онъ часто бывалъ за границей и умѣлъ мастерски передавать свои впечатлѣнія. Tante Lise, нэ выѣзжавшая въ продолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ изъ Россіи, страшно интересовалась Европой, преимущественно Швейцаріей и Италіей, гдѣ прошла ея юность, гдѣ осталось у нея много молодыхъ воспоминаній.

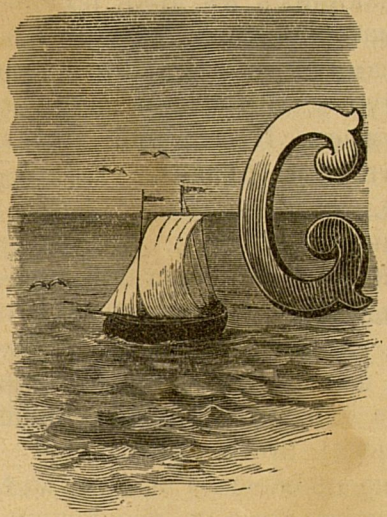
Визитъ Водова былъ, можетъ быть, болѣе продолжителенъ, нежели того требовало свѣтское приличіе, но такого невольнаго промоха не поставили на этотъ разъ въ вину молодому человѣку.

— Il est très distinguè, très comme il faut *),—ска-

*) Т. е. онъ весьма изященъ, весьма приличенъ.

зала tante Lise по его уходѣ.—Trés distinguè, oui! И совсѣмъ изъ нашего круга, подтвердила она еще разъ, покидая гостиную.

А я, какъ была, такъ и осталась на своемъ мѣстѣ. Его откровенная рѣчь не могла не взволновать меня... Я вѣрила, что Водовъ относится ко мнѣ исключительно, въ силу ли сочувствія къ моему печальному положенію, или-же изъ уваженія къ новому зарождавшемуся таланту, я не знала, но я вѣрила въ его симпатію, твердо вѣрила, и въ то-же время сердце мое сжималось отъ тоски. Не того жаждала моя молодая душа. Симпатизируй онъ мнѣ просто, какъ молодой дѣвушкѣ впечатлительной, умной, доброй и чуткой и я была-бы безконечно счастливѣе, нежели теперь, когда онъ ждалъ отъ меня блеска, славы и ему нравился во мнѣ уже этотъ будущій блескъ, созданный его воображеніемъ.



XII.

ЕРГѢЙ Вадимовичъ заѣхалъ къ намъ вскорѣ какъ-то опять. Tante Lise лежала съ сильнѣйшимъ приступомъ невралгіи и не могла выйти къ гостю, предоставивъ мнѣ занимать его.

Водовъ былъ очень разсѣянъ въ это свиданіе.

— Вы больны?—сочувственно спросила я, поглядывая на его осунувшееся лицо и желтыя пятна на матовыхъ, безъ признака румянца, щекахъ.

— И да, и нѣтъ, если хотите,—отвѣтилъ онъ уклончиво и, поднявъ на меня глаза, пояснилъ:—я боленъ мыслью, если такъ можно выразиться, Наталья Николаевна.

Онъ въ первый разъ называлъ меня такъ. Постоянное прибавленіе моего титула какъ-то сухо звучало въ его устахъ. Я взглянула на него благодарными глазами и робко попросила:

— Подѣлитесь со мною вашей болѣзнью.

— Спасибо,—съ мимолетной улыбкой бросилъ онъ.— Видите-ли, княжна...

— Наталья Николаевна,—поправила я его.

— Наталья Николаевна,—повторилъ онъ послушно и снова улыбнулся своей милой, улыбкой,—меня преслѣдуетъ мысль о моемъ безсиліи. Я не удовлетворенъ веденіемъ дѣла журналовъ и изданій. Мои вещи сейчасъ принимаются въ силу того только, что „они“ ожидаютъ отъ меня въ недалекомъ будущемъ болѣе усидчиваго труда и тщательной отдѣлки. Такія оговорки мнѣ несносны. Я пишу давно и много, мнѣ тридцать четыре года и въ эти годы уже, согласитесь сами, непріятно получать замѣчанія отъ людей, менѣе меня знающихъ въ дѣлѣ и сильныхъ только силою своего матеріальнаго могущества, позволяющаго имъ быть хозяевами надъ тѣмъ, что вести другимъ бываетъ иногда недоступно. И тогда я начинаю раздражаться, приходить въ ужасъ. И весь мой ужасъ только въ томъ, что я безсиленъ, т. е. бѣденъ.

— Вы бѣдны?—удивилась я.

— Ну, относительно, конечно: для того, что хочу предпринять, бѣденъ... Покойная мать оставила мнѣ прекрасное, имѣніе подъ Курскомъ. Доходами съ него я и живу. Гонораръ періодическихъ изданій—случайныя получки, и на нихъ расчитывать нельзя... Я вамъ говорю все это потому, княжна, что не считаю васъ бездушной свѣтской куклой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

— „Ну, да,—мысленно горько произнесла я,—ты мнѣ приписываешь душевныя достоинства потому, что наружныя отсутствуютъ въ моей особѣ“.

— Я говорю съ вами, какъ съ товарищемъ, —продолжалъ, между тѣмъ, Водовъ,—съ другомъ, способнымъ

понять и оцѣнить меня... Мы, вѣдь, съ вами друзья, не правда-ли, княжна?

И онъ протянулъ мнѣ обѣ руки черезъ маленькій столикъ, за которымъ я сидѣла, и я не могла не положить въ нихъ своихъ. Онъ тихонько ихъ пожалъ поочереди одну за другою, и, задержавъ немного, выпустилъ.

Потомъ онъ снова заговорилъ быстро и пылко съ чисто юношескимъ задоромъ. Онъ говорилъ о томъ, какъ тяжело ему бываетъ подчасъ; что онъ если-бъ у него была возможность, открылъ-бы собственное изданіе, свой собственный идеальный журналъ, гдѣ-бы сотрудники, молодые, сильные духомъ и талантомъ, могли-бы работать по собственному произволу, не стѣсняясь никакими рамками условности... Писали то, что хотѣли и могли писать...

Онъ говорилъ горячо, убѣдительно, увлекаясь, какъ поэтъ. Видно было, что надъ этой мыслью задумывался онъ подолгу, что это—его больное мѣсто, его рана, которая не заживетъ до тѣхъ поръ, пока не осуществится его завѣтное желаніе. Онъ замѣтно волновался и, казалось, позабылъ о томъ, что слушательница его—самая ничтожная молодая дѣвушка, безсильная въ силу своей неопытности, помочь ему совѣтомъ... Онъ ходилъ большими шагами по гостиной, съ разгорѣвшимися глазами и щеками, пылавшими румянцемъ и говорилъ, говорилъ безумолку. Потомъ онъ вдругъ внезапно остановился передо мною.

— А для васъ нашлось-бы у меня лучшее мѣсто въ моемъ изданіи,—обратился Водовъ ко мнѣ.—Вашъ молодой талантъ развился-бы на свободѣ, не задавленный, не стѣсненный ничѣмъ! И какъ-бы я былъ счастливъ этимъ!

Мнѣ безумно хотѣлось видѣть его счастливымъ... я смотрѣла въ его пылающее лицо, слушала мощную, вдохновенную рѣчь и мучилась безсиліемъ помочь чѣмъ-либо.

И вдругъ яркая, какъ огонь, мысль прожгла мой мозгъ; невольная радость, почти восторгъ охватилъ меня: я нашла ему выходъ.

— Сергѣй Вадимовичъ,—начала я робко, или не я, вѣрнѣе, а что-то внутри меня, руководившее мною помимо моей воли:—постараемся осуществить вашу идею вашего идеальнаго журнала. Я богата, у меня есть сто тысячъ моихъ собственныхъ денегъ, оставленныхъ мнѣ покойнымъ papa, которыми я, вопреки принятымъ условіямъ, могу пользоваться съ шестнадцати лѣтъ. Возьмите часть ихъ на ваше дѣло и пусть это дѣло будетъ нашимъ общимъ... Хотите? Да? Я поговорю съ tante Lise. Вашъ трудъ... а мои...

Я не договорила и ужасно мучительно покраснѣла отъ смущенія и страха. Мнѣ казалось, что вотъ вотъ онъ гордо и презрительно отклонитъ мое предложеніе, оскорбленный моимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ. Но ничего подобнаго не случилось. Водовъ только взглянулъ на меня пристально, страннымъ, разсѣяннымъ взглядомъ, точно не дослышалъ моихъ словъ, и, проведя рукою по своему изжелта бѣлому лбу, какъ-бы отгоняя докучную мысль, сказалъ безъ малѣйшей тѣни волненія и обиды:

— Да... да... Но объ этомъ надо еще подумать... если позволите, мы поговоримъ какъ-нибудь еще разъ, княжна...

И какъ-то поспѣшно поклонившись, онъ поторопился уйти.

Мнѣ сдѣлалось тяжело и неловко. Мое предложеніе сорвалось помимо воли, такъ, внезапно, и теперь я каялась въ моей неумѣстной поспѣшности. Меня крайне удивило и то, какъ просто отнесся къ этому Водовъ. Не могли также не изумлять меня и его странная разсѣянность, и поспѣшный уходъ.

Со дня моего нелѣпаго, какъ мнѣ теперь казалось, предложенія, сдѣланнаго мною Водову, я не видѣла Сергѣя Вадимовича и болѣзненно томилась о томъ, что невольно оскорбила его.

Теперь моя жизнь казалась мнѣ снова пустой и безцвѣтной. Нашелся смыслъ у нея, менѣе всего ожидаемый

мною, и исчезъ, блеснулъ радостный лучъ въ лицѣ милаго человѣка и погасъ. Но разстаться съ мыслью о немъ я не могла. Увидѣть еще разъ Сергѣя Вадимовича, вылить всю свою душу передъ нимъ, разсѣять мои сомнѣнія—вотъ чего я смутно и горячо хотѣла. А сомнѣній набралось такъ много! Со времени появленія въ печати „Сна дѣвушки“ я ничего не могла писать. Горячая, непобѣдимая волна, захлестнувшая меня въ ночь моего перваго творчества, отхлынула отъ меня далеко-далеко! Желанный порывъ вдохновенія остылъ, казалось, навсегда. Перо валилось изъ рукъ... Мысль только и работала въ одномъ направленіи: увидѣть его хотя разъ, услышать его голосъ, вотъ и все, что я такъ жаждала сейчасъ.

Всю меня заполняло теперь захватившее меня врасплохъ и неожиданно подкравшееся ко мнѣ новое чувство. Я полюбила. Полюбила талантливаго, благороднаго и великодушнаго человѣка. Полюбила всей душою.

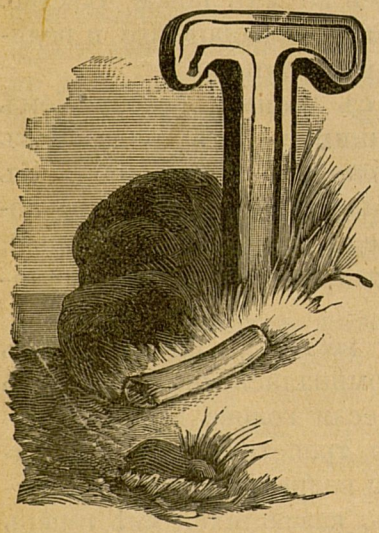
Я отлично понимала, что съ моимъ безобразіемъ надо быть чѣмъ-либо выдающимся, изъ ряда вонъ выходящимъ, чтобы заставить полюбить также себя. Къ тому-же самъ Водовъ ясно высказался, что преклоняется передо мною, какъ передъ талантомъ, который, развившись и вылившись въ опредѣленную форму, поставитъ меня на желанную высоту.

„Одна ласточка не дѣлаетъ весны“, „одинъ „Сонъ дѣвушки“ не дастъ имени“,—вспоминались мнѣ поминутно его слова. Но, что было дѣлать, если голова моя не рождала новыхъ мыслей, сердце не трепетало отъ приближенія уже знакомаго мнѣ сладкаго волненія, а перо застывало въ моихъ слабыхъ пальцахъ, казавшихся мнѣ теперь такими ненужными и безполезными. Невольная злость къ самой себѣ охватила меня И ко всему этому примѣшивалось еще мучительное, нестерпимое желаніе быть достойной вниманія дорогого человѣка, оправдать его довѣріе, доказать ему, что я, дѣйствительно, что-то представляю

изъ себя. Я никогда не молилась такъ горячо и такъ много, какъ въ эти дни.

— Господи,—шептала я съ убѣжденіемъ, что моя молитва должна быть услышана небомъ,—Господи, помоги мнѣ его увидѣть, только увидѣть! Господи!

Объ изданіи «идеальнаго журнала» я уже не думала больше. Если-бы даже tante Lise, моя опекунша и дала бы мнѣ на наше предпріятіе все мое приданое, то гордый и щепетильный Водовъ врядъ-ли принялъ-бы отъ меня эту жертву. Я отлично сознавала, что его разсѣянный отвѣтъ въ наше послѣднее свиданіе нельзя было принять за согласіе. Я не могла вполнѣ поручиться даже, разслышалъ-ли онъ меня, какъ слѣдуетъ въ ту минуту или нѣтъ...



XIII.

ТАКЪ вотъ оно какое! Вотъ что называется счастьемъ, неожиданнымъ, необъятнымъ, могучимъ!

Прошло много дней съ того знаменательнаго вечера, а я все еще не могу опомниться отъ счастья, не могу придти въ себя и проснуться отъ своего чарующаго сна!

Какъ это случилось?.. Ни я, никто изъ моихъ не ждали этого, а, между тѣмъ, никто и не удивился событію, точно въ немъ не было ничего удивительнаго, точно такъ должно было быть и не могло быть иначе! Только я одна не могла свыкнуться съ мыслью, не могла повѣрить странной дѣйствительности. Неожиданная радость, почти граничащая со страхомъ, заполнила меня, какъ-бы пересоздала все мое существо на новый ладъ.

Я стала невѣстой Водова.

Это совершилось, точно во снѣ.

Въ субботу мы съ tante Lise, Лили и Вивой были въ оперѣ.

Совсѣмъ неожиданно въ нашу ложу вошелъ Водовъ. Изъ театра tante Lise пригласила его пить чай къ намъ. Пріѣхали къ намъ и Лили съ Вивой.

Послѣ ужина Вива сѣлъ за рояль и сталъ копировать пѣніе оперной примадонны. Это было очень забавно.

Мы искренно смѣялись. Смѣялся и Водовъ, причемъ лицо его, немного суровое и холодное, дѣлалось добродушнымъ и милымъ, какъ у ребенка.

Я была счастлива уже тѣмъ, что онъ не обидѣлся на меня, что онъ пріѣхалъ къ намъ для меня одной, можетъ быть. И это меня радовало не мало. Щеки мои горѣли, глаза блестѣли, какъ никогда. Я минутами даже забывала о моемъ безобразіи, и вся моя душа тянулась къ нему, и я поминутно взглядывала на него, милаго, дорогого, хорошаго, безконечно мнѣ дорогого.

У меня было такъ свѣтло и хорошо на душѣ въ этотъ вечеръ, что невольно хотѣлось что-нибудь сдѣлать для окружающихъ, чтобы такъ-же хорошо было и всѣмъ.

Tante Lise распрашивала о чемъ-то Лили въ столовой.

Вива наигрывалъ что-то на роялѣ.

Я и Водовъ ходили по гостиной.

— Теперь и мы можемъ говорить на свободѣ,—улыбнулся мнѣ Водовъ, не сводившій съ меня во весь вечеръ пристальнаго взгляда, несказанно смущавшаго меня.

— Что-же вы хотѣли сказать мнѣ? — спросила я не совсѣмъ твердо, встрѣчаясь съ нимъ глазами.

— Многое, княжна, и это многое, предупреждаю, удивитъ васъ. Помните, въ послѣдній разъ я говорилъ вамъ, что мнѣ не хватаетъ матеріальной силы осуществить завѣтную мечту—изданіе того «идеальнаго журнала»,—въ которую я посвятилъ васъ, говорилъ о ней съ вами, какъ съ товарищемъ-другомъ, собратомъ по искусству, а не со

свѣтской барышней? Наталья Николаевна, --серьезно, почти строго подчеркнулъ онъ и, когда я молча сочувственно кивнула ему головою, онъ продолжалъ:—вы были такъ отзывчивы и чутки, что предложили мнѣ свою помощь, выступивъ наравнѣ со мной иниціаторомъ дѣла. Значитъ, вы вѣрите въ него? Вѣрите и въ меня, почти незнакомаго вамъ человѣка?.. Отвѣтьте мнѣ, княжна, вѣрите-ли вы въ меня, въ мой талантъ, въ мои силы?

Что я могла ему отвѣтить! Я мало думала о самомъ журналѣ. Всѣ мои мысли кружились только вокругъ самого Водова. Его идея уже была мнѣ симпатична въ силу того, что онъ самъ такъ увлекался ею. Какъ-же онъ могъ спрашивать меня, сомнѣваться въ моей вѣрѣ въ него, въ его талантъ и силы!

— Конечно, вѣрю! — вырвалось невольно изъ моей груди, и лицо мое, вѣроятно, выражало въ эту минуту столько искренней готовности быть ему полезной, что онъ почтительно склонился къ моей рукѣ и въ первый разъ въ жизни я ощутила на моихъ пальцахъ поцѣлуй постороннего человѣка...

Огромное чувство радости охватило меня.

Водовъ, между тѣмъ, продолжалъ свою рѣчь, не выпуская моихъ пальцевъ изъ своей руки.

— Вы вѣрите въ меня и въ мое дѣло, другъ мой княжна, а я вѣрю въ вашъ талантъ, вѣрю въ то, что авторъ „Сна дѣвушки“ станетъ нѣкогда великимъ, что имъ будутъ гордиться, что онъ пріобрѣтетъ крупную литературную славу!

— Хорошо, если-бы это было такъ!—тихо проронила я, сіяя отъ счастья.

Водовъ все еще не выпускалъ моей руки.

— Это будетъ такъ, это должно быть такъ, княжна!—подхватилъ онъ.—Въ васъ я не могъ ошибиться! Слишкомъ своеобразно, слишкомъ ярко выразилось ваше дарованіе... Теперь,—задумавшись на минуту, сказалъ онъ,—послушайте, что я скажу вамъ. Вы—дѣвушка, и свѣтская

дѣвушка вдобавокъ; васъ держатъ, какъ птенчика въ ватѣ, и не даютъ возможности узнать истинную жизнь съ ея горестями, радостями, поэзіей и прозой. Вы не имѣете понятія, какова она на самомъ дѣлѣ, эта жизнь!.. Мнѣ-же стукнуло тридцать четыре года... не велики годы, какъ видите, но, Боже мой, сколько пережитаго осталось за мною!—сколько радостнаго и печальнаго позади меня!—сколько драмы!—Да, именно жизненной драмы. Мы были очень богаты сначала, потомъ почти раззорились. Я пережилъ много, пока не вышелъ на дорогу, пока не сталъ зарабатывать такъ удачно своимъ искусствомъ; но большія заботы, печали, удары судьбы наложили на меня свою безпощадную руку и я уже не могъ остаться тѣмъ свѣжимъ, жизнерадостнымъ человѣкомъ, какимъ былъ раньше. Вы читали мой разсказъ „Свѣточъ?“ Тамъ это ясно и хорошо выражено. Оттого-то, должно быть, теперь я и не могу поступить такъ, какъ хотѣлъ-бы. Хочу и не могу. Я встрѣтилъ дѣвушку, вы ее знаете хорошо, княжна, молодую, воспріимчивую, сильную духомъ и... и очень талантливую. Въ ея душѣ есть много сроднаго съ моею. Я хотѣлъ-бы сказать ей просто отъ души: „полюби меня, отогрѣй меня своей родственною лаской, освѣти меня отблескомъ своего молодого дарованія, прійди ко мнѣ съ горячимъ дружескимъ участіемъ и предложеніемъ трудиться, работать совмѣстно и рука объ руку идти по жизненной тропѣ...“ А что такая дѣвушка можетъ мнѣ отвѣтить на это? Какъ вы думаете, княжна? „Ты берешь,—скажетъ она,—мой талантъ, мои силы, а взамѣнъ не дашь мнѣ того молодого, счастья, о которомъ я мечтала“. Такъ-ли говорю я, Наталья Николаевна?—такъ-ли отвѣтитъ мнѣ та дѣвушка, къ которой я стремлюсь всей моей душой?

— Нѣтъ, не такъ!—почти крикнула я, будучи не въ силахъ сдержать свой порывъ, то краснѣя, то блѣднѣя подъ наплывомъ охватившаго меня чувства какой-то мучительной и сладкой тоски,—не такъ отвѣтитъ вамъ эта дѣвушка, не такъ! Вотъ какъ она скажетъ вамъ: „берите

мой талантъ, если онъ только не продуктъ вашей фантазіи, мое сердце, мои силы, всю мою душу, если онѣ нужны вамъ для вашего дѣла, для вашей жизни, для вашей цѣли...“ Она, эта дѣвушка, нужна вамъ—значитъ, дорога... И она счастлива этимъ.

Я едва слушала и вѣрила самой себѣ... Куда дѣлась моя робость, моя приниженность? Новая княжна Тася высказывала новыя, невѣдомыя до сей поры ея существу мысли! Точно я выросла въ эти короткія минуты, точно спала съ меня ненужная, фальшивая маска, и я появилась въ новомъ свѣтѣ, улучшенная и скрашенная въ моихъ собственныхъ глазахъ.

Водовъ посмотрѣлъ на меня серьезнымъ и долгимъ взглядомъ безъ улыбки, безъ слова, точно въ первые видѣлъ мое безобразное лицо съ длиннымъ носомъ и большимъ ртомъ.

— Да, да, я гадка, я безобразна, но я чувствую, можетъ быть, глубже и больше вашихъ блестящихъ красавицъ,—въ припадкѣ внезапно нахлынувшаго на меня отчаянія вскрикнула я, и слезы брызнули изъ моихъ глазъ.

Тутъ только онъ очнулся.

— Не то! не то!—быстро заговорилъ онъ, мгновенно вспыхнувъ яркой краской, залившей его лицо.—Вы знаете мое мнѣніе о красотѣ. Мой кругозоръ по этому вопросу яснѣе и шире, чѣмъ вы думаете! Нѣтъ,—тутъ онъ нервнымъ движеніемъ руки откинулъ со лба набѣжавшія пряди волосъ и проговорилъ ласково и нѣжно, какъ не говорилъ еще никогда со мною:—меня пугаетъ то, что я не сумѣю отплатить ей, этой дѣвушкѣ, за всѣ ея добрыя чувства, княжна Наташа!

„Наташа!“ Онъ меня назвалъ такъ, какъ никто не называлъ никогда въ моей жизни. Это имя, принадлежащее мнѣ, но чуждое для меня до сихъ поръ, получило особенную прелесть въ его устахъ. Чѣмъ-то дѣтскимъ, милымъ и далекимъ повѣяло разомъ отъ этихъ звуковъ. Мнѣ захотѣлось вдругъ почему-то горячей материнской ласки и

колыбельной пѣсни, которую—увы!—мнѣ не пришлось никогда слышать.

Съ влажными отъ слезъ глазами и поблѣднѣвшимъ лицомъ подвинулась я къ нему и прошептала чуть внятно:

— Ей ничего не надо... никакой награды. Если можно только... любите ее... любите... меня... немножко... — и я закрыла лицо руками, сгорая отъ стыда и муки.

— Я уже люблю васъ, — услышала я такъ близко около себя его шепотъ, что у меня захватило духъ отъ смущенія и неожиданности. — Я вижу самъ, что люблю васъ, милая дѣвушка...

XIV.

Я переживала новую эпоху своей жизни. Точно не я сама испытывала ее, не княжна Тася Горянина была счастливой невѣстой любимаго человѣка, а совсѣмъ другое обновленное и оживленное молодое существо.. Я точно обезумѣла отъ счастья съ минуты объясненія Сергѣя.

„Сергѣй!“ Какъ мило, близко и дорого стало мнѣ это имя! Я повторяла его про себя и вслухъ по нѣсколько десятковъ разъ въ сутки. „Мой Сергѣй, мой дорогой Сергѣй, мой любимый!“

Я засыпала съ этимъ именемъ на устахъ и просыпалась съ мыслью о томъ, что я его увижу, моего жениха, сегодня, скоро-скоро!

Tante Lise, безъ малѣйшаго колебанія, вопреки моимъ предположеніямъ, давшая мнѣ свое согласіе на бракъ съ Водовымъ, не могла не удивляться, глядя на мое счастливое и, какъ мнѣ самой даже казалось, похорошѣвшее отъ счастья лицо...

— Дитя мое,—послѣ оффиціально сдѣланнаго мнѣ Водовымъ черезъ нее предложенія, говорила она,—вы знаете, какое великое назначеніе женщины быть женою и матерью. Ваша покойная maman оставила васъ рано сиротою, Тася, и я считаю своимъ священнымъ долгомъ объяснить вамъ за нее, вашу новую далеко не легкую задачу.

И она говорила, говорила мнѣ объ обязанностяхъ, выпадавшихъ на долю дѣвушки, вступающей въ бракъ. Я внимательно смотрѣла въ ея глаза, стараясь не пропустить ни одного слова и каждое ея слово западало мнѣ въ душу; а, между тѣмъ, мысль моя въ это время создавала мнѣ милый образъ любимаго человѣка и думала я только о немъ.

Когда раздался знакомый звонокъ и входилъ лакей, неслышно скользя по ковру гостиной, съ докладомъ объ его пріѣздѣ, tante Lise встрѣчала моего жениха съ любезной улыбкой. И она сумѣла оцѣнить этого прекраснаго человѣка и вѣрила, что я, ея племянница, буду счастлива съ нимъ.

Оставшись наединѣ съ Сергѣемъ, мы говорили безъ умолку и большею частью о нашемъ будущемъ журналѣ, о нашемъ „дѣтищѣ“, какъ онъ называлъ его. Онъ, увлекающійся и вѣчно забѣгающій впередъ, съ присущей ему богатой дозой фантазіи, видѣлъ свое изданіе, какъ-бы существующимъ на самомъ дѣлѣ и старался представить его мнѣ возможно нагляднѣе и яснѣе.

Но я ничего не понимала. Я слушала нѣжные звуки его голоса, любовалась его нервнымъ, взволнованнымъ лицомъ, и была счастлива, какъ никогда въ моей жизни, и чуть не плача, отрывалась отъ нашихъ бесѣдъ, когда Варенька приходила звать меня къ примѣркѣ неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ приданаго.

Взволнованная, радостная бѣжала я къ м-мъ Люси, толстой француженкѣ съ вычурною прической.

— En voici des échantillons de la robe de chambre, mademoiselle. Le quel en préféret vous? *)—съ самою обво-

*) Т. е. вотъ образчики на халатъ, мадемуазель. Которое вамъ больше нравится?

рожительною улыбкою предлагала она мнѣ кусочки тканей нѣжнѣйшихъ голубыхъ и розовыхъ оттѣнковъ.

Въ другое время я ужаснулась-бы при видѣ этихъ свѣтлыхъ бросающихся въ глаза тряпокъ. Голубое или розовое matinée для меня, Таси Горяниной, съ моимъ некрасивымъ лицомъ! Но теперь мнѣ было, какъ-то безразлично до всего, что не касалось моего счастья.

«Вѣдь, если онъ любитъ меня, — думалось мнѣ, — то ужъ во всякомъ случаѣ, не за мою внѣшность. И буду я лучше или хуже того, чѣмъ я есть, онъ отнесся-бы ко мнѣ съ одинаковымъ участіемъ и добротою».

Я торопливо примѣривала шерстяные и шелковые лифа, почти не замѣчая того, что на меня надѣвали, горя желаніемъ покончить возможно скорѣе со всѣмъ этимъ неизбѣжнымъ зломъ и возвратиться туда въ мою уютную маленькую гостинную, гдѣ онъ меня ждалъ ходя изъ угла въ уголъ своими легкими шагами.

— Ну, что, покончили съ важными дѣлами? — шутя встрѣчалъ онъ меня.

— Скучно это!—жаловалась я.

— Но неизбѣжно! Что дѣлать! Намъ не пересоздать старыхъ привычекъ, накопившихся за сотни лѣтъ.

Свадьбу назначили на послѣдніе дни масленницы, потому что Сергѣй хотѣлъ познакомить меня съ деревенскою весною у себя въ имѣніи, куда мы должны были уѣхать послѣ вѣнца.

Теперь къ намъ часто пріѣзжали мои подруги, т. е., нѣтъ, не подруги (подругъ у меня никогда не было), а тѣ свѣтскія барышни, которыя выѣзжали со мною въ одно время и считались моими сверстницами по бальнымъ и концертнымъ заламъ. Всѣ онѣ любезно улыбались мнѣ, поздравляли меня съ помолвкой и откровенно восхищались талантомъ моего жениха.

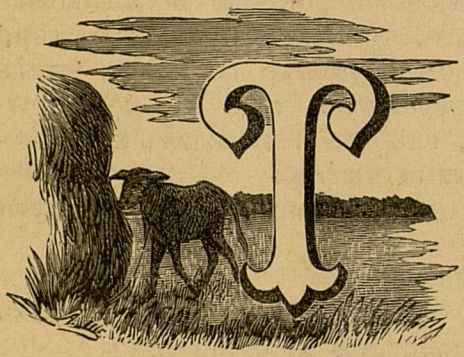
Пріѣхала прелестная баронесса Кити.

— Я рада за васъ, милая Тася,—просто и задушевно сказала она, лаская меня своимъ серьезнымъ и чистымъ

взглядомъ.—Вы мнѣ такъ нравитесь, мы должны подружиться. Хотите?

И я подружилась съ ней. Малѣйшая ласка подкупала меня, далеко не избалованную дружескимъ сочувствіемъ. Участіемъ-же со стороны Кити я дорожила въ особенности. Она такъ мало походила на холодныхъ черезъ чуръ дѣланныхъ свѣтскихъ куколъ.

Лили,—та просто прыгала вокругъ меня, какъ птичка и переворачивала вверхъ дномъ весь мой приданный гардеробъ. Словомъ всѣ были довольны предстоящей свадьбой.



XV.

— Такъ вотъ какъ, Наташа! Вы оказываетесь настоящимъ ангеломъ! Совершенно случайно я узналъ о вашихъ подвигахъ... совершенно случайно! Вы сами не хотѣли подѣлиться ими со мною, недобрая!—говорилъ Сергѣй, заѣхавъ за мною, чтобы увезти меня на обычную прогулку.

Tante Lise разрѣшала намъ кататься часокъ другой по шумнымъ петербургскимъ улицамъ.

Я не поняла въ первую минуту, о чемъ говоритъ Сергѣй...

Тогда взявъ мои руки въ свои, онъ передалъ мнѣ то, что узналъ изъ устъ Лили о моей благотворительной дѣятельности.

— Отчего вы мнѣ не говорили объ этомъ Наташа?—съ ласковымъ укоромъ спросилъ онъ.

— Зачѣмъ-же мнѣ было распространяться на эту тему?—нѣсколько смущенно оправдывалась я.—Вѣдь, мои

разсказы могли быть приняты за самохвальство! Я этого не хотѣла.

— Знаете, Наташа,—чистосердечнымъ порывомъ вырвалось изъ его груди,—чѣмъ больше я узнаю васъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что пріобрѣлъ съ вашей рукою сокровище, которое врядъ-ли заслуживаю...

— Вы?

Вѣроятно, мое чувство къ нему было слишкомъ очевидно, слишкомъ наглядно выразилось оно въ этомъ восторженномъ «вы», потому что все лицо его вдругъ освѣтилось и онъ сказалъ, невольно понижая голосъ отъ охватившаго его волненія:

— Какъ вы добры, Наташа, и какъ-бы я хотѣлъ быть такимъ же добрымъ, какъ вы!

Въ тотъ-же день вечеромъ, узнавъ, что я собираюсь, въ сопровожденіи Вареньки объѣзжать бѣдныхъ, онъ выпросилъ позволеніе у tante Lise замѣнить собою мою компаньонку.

Получивъ ея согласіе, мы обрадовались, какъ дѣти.

Быстро накинула я нарядную плюшевую отороченную соболями шубку, такую-же шапочку и, едва удерживаясь отъ обуявшаго меня счастливаго безпричиннаго смѣха, сбѣжала внизъ. Щегольскія санки Водова ждали насъ у подъѣзда. Сергѣй помогъ мнѣ усѣсться, заботливо запахнулъ медвѣжью полость и сѣвъ рядомъ, повернулъ ко мнѣ смѣющееся лицо:

— Куда-же?

Я назвала улицу, находившуюся на самой окраинѣ города. Кучеръ, такой-же молодой и жизнерадостный, какъ и мы сами, съ особеннымъ удовольствіемъ подобралъ возжи и, лихо прикрикнувъ, пустилъ лошадь быстрой рысью по мягкой и рыхлой зимней дорогѣ.

Чудный зимній, студеный, несмотря на февраль мѣсяцъ, вечеръ сіялъ золотыми звѣздами и сверкающею бѣлою фатою снѣга, отливавшаго въ лучахъ мѣсяца милліардами огней.

Я смотрѣла въ опрокинутый надъ моей головою свѣтозарный куполъ и думала о капризныхъ случайностяхъ судьбы.

«Вотъ,—невольно приходило мнѣ въ голову,—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я ѣздила по той-же дорогѣ, къ тѣмъ-же бѣднымъ, въ сопутствіи Вареньки, одинокая, сиротливая, никому ненужная, несмотря на всѣ мои достоинства, восхваляемыя людьми. А теперь все измѣнилось... Я уже не прежняя одинокая Тася, проклинающая десятки разъ въ день свое безобразіе. Точно въ волшебной сказкѣ, появился на пути моемъ давно всѣмъ моимъ существомъ ожидаемый прекрасный и добрый принцъ.

И этотъ «принцъ» любитъ меня; я это видѣла и по нѣжной ласкѣ, льющейся мягкимъ свѣтомъ изъ его глазъ. И въ звукахъ его милаго голоса было столько добраго участія, столько безпредѣльной готовности сдѣлать меня счастливой! Какъ онъ могъ полюбить меня, такую какъ я есмь, я не могла уяснить себѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ любилъ меня. Сергѣй часто говорилъ мнѣ, что я моими душевными качествами напоминаю ему его мать, умершую, когда онъ былъ ребенкомъ; говорилъ, что между нами есть много родственнаго; онъ даже иногда называлъ меня своей младшей сестричкой.

— Развѣ мы—не братъ и сестра, породненные одною цѣлью, Наташа?—говорилъ онъ,—развѣ великое искусство—не наша общая мать?

Да, да, онъ былъ правъ, тысячу разъ правъ.

Что-то родственное, трогательное незамѣтно влилось въ наши взаимныя отношенія.

И теперь, несясь стрѣлою въ маленькихъ саночкахъ по ровной дорогѣ на самую дальнюю окраину Петербургской стороны, я вся была полна этимъ моимъ убѣжденіемъ.

— Вамъ не холодно, Наташа?—наклонился онъ ко мнѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда моя голова была полна мыслью о немъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ! Мнѣ такъ хорошо!

Сани остановились передъ домомъ, гдѣ ютилась семья бѣдной больной вдовы чиновника, Осиповой, моей главной кліентки.

Около двухъ лѣтъ не вставала она съ постели, прикованная къ ней острыми припадками ревматизма. Съ нею жили двое малолѣтнихъ мальчиковъ, ея сыновей, по седьмому и по восьмому году, и взрослая дочь, молодая, двадцатилѣтняя дѣвушка.

Они всѣ были дома, въ маленькой комнаткѣ, которую я нанимала для нихъ. Молодая дѣвушка только что вернулась отъ портнихи, куда ходила по моей-же протекціи учиться кройкѣ и шитью. Мальчуганы тоже были на-лицо. И все это при моемъ внезапномъ появленіи ринулось мнѣ навстрѣчу, радуясь и ликуя, говоря разомъ въ одно время, ловя и цѣлуя мои зазябшія руки.

Мнѣ было очень неловко передъ Сергѣемъ за эту, какъ мнѣ казалось, аффектированную встрѣчу, а, между тѣмъ, гдѣ-то, въ самой глубинѣ сердца затеплился огонекъ невольнаго тщеславія и удовлетворенной гордости.

«Смотри, — казалось, говорилъ мой внутренній голосъ скромно отошедшему въ сторону Сергѣю, — ты видишь, эти люди любятъ и знаютъ меня. Ты не ошибся во мнѣ, они могутъ подтвердить тебѣ это. Я добра и милосердна, и ты можешь гордиться мною».

И тутъ-же я краснѣла отъ стыда за мои, какъ мнѣ казалось, безобразныя мысли. Я пришла-бы въ ужасъ, если-бы кто прочелъ ихъ на моемъ лицѣ!

«Да развѣ эта доброта и это милосердіе являлись не вслѣдствіе того только что я — дурнушка? — скептически обуздывала я тутъ-же мои тщеславные порывы.—Если-бы я была хороша собою, удѣляла-ли-бы я столько времени и денегъ этимъ бѣднякамъ? Развѣ не удовлетворяло меня сознаніе моего тщеславія, глупаго тщеславія, быть милосердной, не будучи красивой, и этимъ хотя-бы зарекомендовать себя въ глазахъ людей? Развѣ не это-же глупое тщеславіе руководило моими добрыми порывами?»

*

Но, Боже мой, какъ удивились мои бѣдные люди, когда я сказала имъ о моей помолвкѣ.

— Знаете, я — невѣста, — шепнула я, точно стыдясь, почти на-ухо больной, въ то время какъ Сергѣй занялся мальчуганами.

Этого она никакъ не ожидала.

Въ первую минуту моего появленія въ обществѣ красиваго и элегантнаго спутника она не спускала съ него недоумѣвающихъ глазъ.

Когда Осипова выслушала ошеломившую ее новость, я жадно впилась въ ея глаза глазами, какъ-бы боясь пропустить произведенное этимъ на нее впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что мое извѣстіе должно поразить ее. Слишкомъ дурна и незначительна была я, чтобы обладать такимъ счастьемъ.

Но я ошиблась.

— Дай Богъ! Дай Богъ вамъ счастья, золотая наша княжна! — заговорила она, улыбаясь и плача въ одно и то же время. — Молитва ваша услышана: послалъ вамъ Господь счастье! Заслужили вы его вполнѣ, святая вы наша! Божій вы ангелъ! — заключила она, почти съ восторгомъ глядя мнѣ въ лицо.

Подбѣжала и дочь ея, сѣроглазая дѣвушка съ блѣднымъ, истощеннымъ лицомъ и обняла меня отъ всего сердца.

Сергѣй стоялъ тутъ-же и смотрѣлъ на эту сцену очень внимательно и очень серьезно.

Отъ Осиповыхъ мы проѣхали къ другимъ бѣднякамъ. И всюду меня встрѣчали съ тѣмъ же свѣтлымъ радостнымъ чувствомъ.

На обратномъ пути мы долго молчали.

Уже около самаго дома, выпуская меня изъ саней, мой женихъ проговорилъ, съ особенною нѣжностью цѣлуя мою руку:

— Такъ вотъ вы какая, Наташа! Ото всѣхъ и каждаго я только и слышалъ о томъ, что вы — дѣвушка рѣдкой

доброты... Сегодня я убѣдился въ этомъ воочію. Вы—ангелъ, Наташа, вы не отъ міра сего, я вамъ говорилъ это уже тысячу разъ. И если-бы вы знали, что съ сегодняшняго дня вы стали для меня еще дороже, еще милѣе... Я васъ люблю, люблю... Наташа, крѣпко люблю...

XVI.

Черезъ двѣ недѣли мы вѣнчались.

Я мало сознавала окружающее. Какой-то не то сонъ, не то туманъ окружалъ меня своей непроницаемой пеленою, застилая отъ меня весь остальной міръ. Я двигалась и говорила, какъ заведенная машина. Безотчетно-покорно отдавалась я въ распоряженіе парикмахера, водрузившаго на моей головѣ сложную фантастическую прическу. Съ такою же безотчетною покорностью, по настоянію tante Lise, въ силу нашего русскаго обычая, протянула я ноги преклонившему передо мною колѣна моему шаферу Вивѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ надѣлъ на меня бѣлыя вѣнчальныя туфельки со вложенными въ нихъ блестящими золотыми монетами. Въ томъ же туманѣ подчинялась я ловкимъ и быстрымъ рукамъ неизбѣжной мадамъ Люси, заканчивающей послѣдніе штрихи на моемъ вѣнчальномъ нарядѣ, и, когда, наконецъ, мои невольные мучители выпустили меня на свободу, я вдоволь могла насмотрѣться на мою преобразившуюся особу. Бѣлое платье, какъ это ни странно, скрадывало на сколько можно, мое безобразіе, высокая и

пышная прическа съ красивыми ondulations *) по обѣ стороны ровнаго, какъ ниточка, пробора и небрежно накинутыя волны легкой, какъ дымъ, фаты, окруженной вѣнкомъ fleur d'orange'a **), дѣлали меня много лучше обыкновеннаго. По крайней мѣрѣ, такъ находили Лили и Кити, помогавшія мнѣ одѣваться къ вѣнцу.

— Elle est dans son avantage ***),—согласилась и tante Lise, а Кити молча крѣпко обняла меня и поцѣловала.

Милая Кити! Я особенно полюбила ее въ эти дни. Наканунѣ, вечеромъ, она сидѣла у меня. Мы съ нею долго говорили по душѣ. Кити всегда сочувственно относилась ко мнѣ, теперь же въ ней проснулась какая-то особая заботливость и ласка къ сироткѣ Тасѣ.

— Какъ грустно, что у васъ нѣтъ матери,—говорила она, — замужество для насъ, дѣвушекъ, самый важный шагъ въ жизни и такъ, должно быть, горько не видѣть въ такія значительныя минуты жизни такого близкаго и дорогого существа! Вѣрьте мнѣ, что я сочувствую вамъ всею душою, дорогая Тася!

Помогая мнѣ сегодня одѣваться къ вѣнцу, прикалывая своими тонкими аристократическими пальцами бѣлыя волны тюлевой фаты, она поминутно ободряла меня, то улыбкой, то ласковымъ возгласомъ, полнымъ родственной нѣжности.

Какъ я была благодарна ей, этой милой дѣвушкѣ, за ея ласку,—я, лишенная по моему сиротству обычнаго материнскаго благословенія въ этотъ день!

Когда подъ руку съ Вивой я вошла въ ярко освѣщенную церковь Маріинскаго дворца, мнѣ стало вдругъ невыносимо жутко.

Пѣвчіе, въ парадныхъ контушахъ, стройно и мелодично выводили обычный концертъ: «Гряди, гряди, голубица», и эти звуки плавной и красивой волной уносились подъ вы-

*) Т. е., завивка.
**) Т. е., апельсинныхъ цвѣтовъ.
***) Т. е., она очень интересна.

сокіе своды дворцовой церкви. Пышная толпа нарядныхъ дамъ, сановниковъ, увѣшанныхъ лентами и орденами, мо блестящіе шафера—все это собралось сюда, частью, чтобы участвовать при обрядѣ—частью, чтобы посмотрѣть на мен и на моего жениха. И мнѣ было нестерпимо жутко и стыдн подъ жгучими молніями перекрестныхъ взглядовъ и улы бокъ. Никогда еще, казалось мнѣ, мое безобразіе не могло бы выступить такъ рельефно, какъ теперь. Никакія при чески, никакіе наряды не могли скрыть то, чѣмъ такъ без жалостно наградила меня судьба. Моему болѣзненно на пряженному слуху, казалось, даже слышались отдѣльны возгласы откровеннаго изумленія по адресу моей неблаго видной внѣшности.

А рядомъ неумѣстно заботливая Лили шептала мн своимъ звонкимъ голоскомъ:

— Не забудь первой встать на коврикъ, Тася.

«Зачѣмъ? къ чему? на какой коврикъ?—вихремъ про неслось въ моемъ мозгу. И я тутъ-же вспомнила старое повѣрье, что тотъ изъ брачущихся, кто войдетъ первым на кусокъ розоваго атласа, тотъ и будетъ главою въ су пружеской жизни. О, мнѣ этого не надо совсѣмъ!

Я ничего не понимала, позабывъ всѣ напутствія ку зины, пояснявшей мнѣ въ сотый разъ то, что я должна была дѣлать во время обряда. Я даже забыла въ эту ми нуту о томъ человѣкѣ, который сейчасъ, сію минуту бу детъ признанъ моимъ мужемъ передъ лицомъ церкви и этой нарядной, пышной толпой. Какъ ни странно, но впе чатлѣніе, захватившее меня при входѣ въ храмъ, засло нило въ моемъ сознаніи даже его образъ. Точно дѣйствую щимъ лицомъ этого жизненнаго эпизода была одна я, а онъ, мой дорогой, милый, былъ только неизбѣжнымъ до полненіемъ вѣнчальнаго акта. И только, когда священ никъ торжественно подвелъ кого-то близко-близко ко мн и, соединивъ наши руки, повелъ насъ за собою къ ана лою, только тогда моя мысль прояснилась въ отуманенно головѣ и я поняла, что рядомъ стоящій «кто-то» — мой

мужъ передъ людьми и Небомъ; что онъ, а не кто другой, поднялъ во мнѣ мое до сихъ поръ приниженное самолюбіе, уравнялъ меня съ другими, имѣющими право на любовь и счастье, и показалъ всей этой праздно глазѣющей толпѣ, что я достойна его чувства, достойна его выбора.

Горячая волна безграничной любви, смѣшанной съ благодарностью, захватила меня. Сладкое умиленіе наполнило сердце.

«Возложилъ еси на главы вѣнцы»,—выводили, между тѣмъ, пѣвчіе на клиросѣ, и это пѣніе радостнымъ и стройнымъ эхо откликалось гдѣ-то въ глубинѣ моей души.

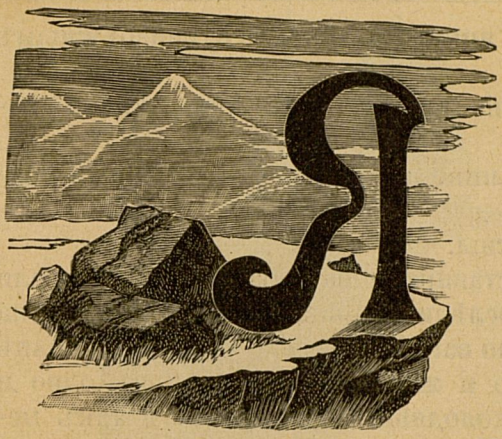
При обмѣнѣ колецъ мои пальцы коснулись руки Сергѣя и я почувствовала умышленное пожатіе его руки. Онъ, какъ бы хотѣлъ придать мнѣ мужества. Слезы безграничнаго счастья навернулись мнѣ на глаза.

И тутъ только я рѣшилась взглянуть на мужа. Онъ былъ серьезенъ, блѣденъ и, казалось, волновался не менѣе меня, но при видѣ моего просвѣтленнаго, счастливаго лица, чуть-чуть улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ и вторично пожалъ мою руку.

Обрядъ кончился.

Мой мужъ подалъ мнѣ руку и мы пошли на амвонъ принимать поздравленія приглашенныхъ гостей.

Дурнушка. (Стр. 56).



XVII.

благословляла Сергѣя за то, что онъ не поддался увѣщаніямъ tante Lise и, вмѣсто предлагаемой поѣздки за границу, рѣшилъ увезти меня въ свое имѣніе, находящееся въ Курской губерніи, ссылаясь на разомъ обуявшую его лихорадку работы. Мнѣ такъ хотѣлось посмотрѣть его гнѣздышко въ глуши.

Большая часть приглашенныхъ собралась на вокзалъ проводить насъ. Tante Lise простилась со мною дома.

Что-то похожее на ласку мелькнуло на мигъ въ ея строгихъ глазахъ, когда она перекрестила меня въ послѣдній разъ, напутствуя на невѣдомый путь моей супружеской жизни, но только на одинъ мигъ. Она тотчасъ-же оправилась отъ непривычнаго ей порыва и заговорила своимъ обычнымъ сухимъ тономъ свѣтской дамы.

— Помните, милая Тася, счастье семейной жизни зависитъ вполнѣ только отъ насъ, женщинъ! Постарайтесь-же устроить его прочно и твердо!

— Постараюсь, ma tante,—цѣлуя ея сухую руку, произнесла я и тутъ-же горячо поблагодарила ее за всѣ ея заботы обо мнѣ.

Все-таки, несмотря на свою сдержанность и внѣшнюю сухость tante Lise по своему любила меня.

— Смотрите, чтобы васъ волки не съѣли!—шутилъ на вокзалѣ Вива, негодовавшій на моего мужа за то, что онъ рѣшилъ запереться на долгіе мѣсяцы въ деревнѣ.

Рѣшено было, что они съ Лили пріѣдутъ къ намъ лѣтомъ, а также и милая Кити, погостить.

Съ третьимъ звонкомъ мы поспѣшили въ купэ, сплошь

заваленнное букетами и ящиками конфектъ, неизбѣжнымъ приношеніемъ друзей.

— A bientot *), Тася!—кричала мнѣ Лили, кивая хорошенькой головкой.

— Милая!—чуть слышно шепнула мнѣ моя новая подруга, Кити.

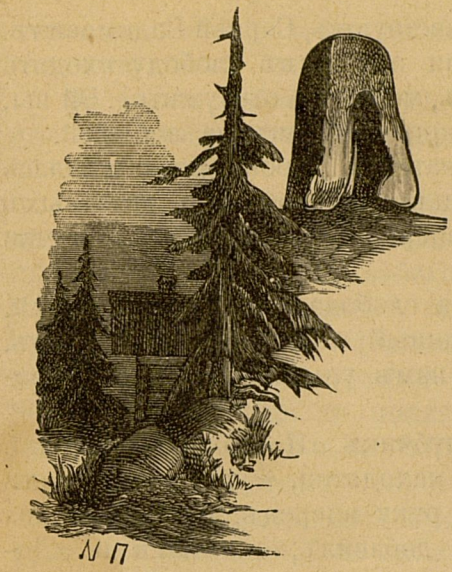
Ея глаза были влажны.

Поѣздъ тронулся. Оставшіеся на дебаркадерѣ закивали головами, закричали послѣднія привѣтствія. Я стояла на площадкѣ передъ дверью вагона и весело улыбалась толпѣ провожатыхъ. Мнѣ было и жалко, и радостно въ одно и то-же время покидать холодный городъ, гдѣ я такъ печально провела лучшіе годы своей юности. Позади меня осталось теперь все пережитое мною,—хорошее-ли, или дурное, но уже промелькнувшее мимо. Впереди «нѣчто» невѣдомое и неизбѣжное манило издали своимъ танственнымъ и загадочнымъ взоромъ.

«Отъ насъ, женщинъ, зависитъ счастье семейной жизни»,—послышались мнѣ сквозь гулъ колесъ и шумъ локомотива слова сказанныя tante Lise.

«Да, да, я завоюю мое счастье, если это зависитъ отъ меня только»!—мысленно воскликнула я и, довѣрчиво улыбаясь подошедшему мужу, вошла въ вагонъ.

*) Т. е., до скораго свиданія.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

АСКОВЫЙ, теплый февральскій вечеръ нѣжно дохнулъ мнѣ въ лицо, когда въ сопровожденіи мужа, я вышла изъ вагона на маленькой станціи, не доѣзжая Курска.

Полтора сутокъ, проведенныя въ дорогѣ промчались, какъ сонъ.

Сергѣй былъ такой предупредительный, заботливый и добрый. Что-то сердечное, родное проглядывало въ его отношеніяхъ ко мнѣ. Въ первый же вечеръ, проведенный съ нимъ въ вагонѣ, я разсказала ему о своемъ отцѣ, о которомъ еще никогда ни съ кѣмъ не говорила.

Въ Москву мы пріѣхали раннимъ утромъ и, не останавливаясь ни на часъ въ старой русской столицѣ, поспѣшили на Курскій вокзалъ.

Около одиннадцати часовъ вечера поѣздъ привезъ насъ на станцію «Колонтаевку», въ трехъ верстахъ отъ которой находилось имѣніе Сергѣя.

За нами выслали лошадей, чудесную сѣрую въ яблокахъ тройку. Круглолицый парень-возница, сидѣвшій на козлахъ, широко осклабился, завидя Сергѣя.

— Честь имѣю поздравить баринъ,—привѣтствовалъ онъ мужа и, ударивъ возжами по спинамъ застоявшихся лошадокъ, пустилъ ихъ быстрой рысью.

— Что, няня здорова?... А Акимъ Петровичъ?... А батюшка?—съ участливымъ любопытствомъ освѣдомлялся мужъ, весь подавшись впередъ своей стройной фигурой, чтобы хорошенько разслышать то, что говорилъ кучеръ.

— Слава Богу, всѣ здравствуютъ, Сергѣй Вадимовичъ. Анна Степановна наказывали завтра въ слободу сходить къ батюшкѣ, чтобы, значитъ, молебенъ отслужить... Эй вы, соколики!—неожиданно прикрикнулъ онъ на лошадей.

Ровная и бѣлая, какъ скатерть, дорога мягко стлалась среди полей, покрытыхъ сплошной пеленою снѣжныхъ сугробовъ. Гдѣ-то далеко впереди мелькали яркія точки многихъ огоньковъ.

— Это—Насиловка, наша слобода,—пояснилъ Сергѣй, уловивъ мой взоръ, прикованный къ огненнымъ точкамъ.

— Ась?—повернулъ къ намъ улыбающееся лицо возница.

— Не тебѣ; правь, голубчикъ. Я молодой барынѣ объясняю, гдѣ наши мѣста находятся,—ласково сказалъ ему Сергѣй, и, протянувъ руку впередъ, въ противоположную отъ огней сторону, добавилъ: — а вотъ и «Довольное».

Я посмотрѣла по указанному мнѣ направленію. Благодаря свѣтлой лунной ночи, можно было различить группу деревьевъ, темнымъ пятномъ выступавшихъ въ сторонѣ отъ дороги. Чуть замѣтная полоса свѣта пронизывала ихъ таинственно-молчаливую чащу.

— «Довольное»...—эхомъ повторила я за мужемъ и невольно мысленно прибавила себѣ: «моя тихая пристань, мой очагъ, гдѣ я должна буду положить начало прочному семейному счастью, о которомъ говорила tante Lise.

И мнѣ вдругъ стало страшно отъ близости этой пристани, этого неизвѣстнаго близкаго будущаго, прикрытаго отъ меня непроницаемой завѣсой судьбы. Все тамъ, за этой группой деревьевъ темнѣющаго парка, закрывающихъ своими вѣтвями старое гнѣздо водовскаго рода, было мнѣ чуждо и незнакомо. Вѣдь, ни няни, выходившей два поколѣнія, ни стараго управляющаго, полвѣка прожившаго въ этомъ невѣдомомъ мнѣ «Довольномъ», я не знала, какъ мало познала, въ сущности, и человѣка, везущаго

меня въ свое родовое гнѣздо и соединеннаго со мною тѣсными узами брака.

Но его я любила безпредѣльной большой любовью, и это мое чувство къ нему какъ-бы сближало меня съ нимъ легче и тѣснѣй.

Лошади, усталыя и разгоряченныя быстрымъ бѣгомъ внезапно остановились у крыльца. Въ домѣ замелькали привѣтливые огоньки, забѣгали люди. Кто-то выскочилъ на крыльцо и съ плачемъ повисъ на рукахъ Сергѣя. Откуда-то, со стороны флигеля, бѣжалъ старичекъ-управляющій, размахивая руками и крича намъ что-то издали, чего мы не могли ни понять, ни разслышать въ общей суматохѣ. Эта встрѣча и волновала, и смущала меня, какъ волнуютъ и смущаютъ обыкновенно такія встрѣчи съ незнакомыми людьми. Двѣ борзыя, Богъ вѣсть, когда и откуда выскочившія, съ ласковымъ взвизгиваніемъ кинулись къ Сергѣю. А онъ цѣловалъ единовременно и няню, и Акима Петровича и здоровался съ прислугой, и гладилъ собакъ, и, казалось, вовсе забылъ въ эту минуту обо мнѣ. А я стояла, одинокая и безпомощная, на крылечкѣ, занесенномъ снѣгомъ, и чувствовала себя ненужной и чуждой всѣмъ этимъ людямъ, бурно привѣтствовавшимъ моего мужа.

Наконецъ, его взглядъ встрѣтился съ моимъ.

— Наташа, — вибрирующихъ отъ волненія голосомъ позвалъ онъ меня,—позволь тебя познакомить съ моими друзьями: это - няня, моя старушка, а это—мой вѣрный другъ Акимъ Петровичъ...

Потомъ, давъ мнѣ поздороваться съ ними, онъ назвалъ мнѣ поочередно прислугу, высыпавшую на крыльцо.

— Что, Марьюшка,—обратился онъ къ полной пожилой женщинѣ и похлопалъ ее по плечу,—что дѣтки?

— Да что, батюшка-баринъ, имъ сдѣлается, работаютъ... Что имъ дѣлать-то больше?—отвѣтила она, ни на минуту не переставая оглядывать меня, какъ невиданнаго, диковиннаго звѣрька.

Анна Степановна низко поклонилась мнѣ въ поясъ. Акимъ Петровичъ сорвалъ съ головы шапку съ наушниками и приложился къ моей рукѣ поверхъ теплой перчатки. Его примѣру намѣревалась послѣдовать и прислуга, но Сергѣй, видя мое смущеніе, выручилъ меня.

— Ну, ну, пойдемъ въ домъ, а то вы мнѣ мою молодую жену заморозите,—шутливо обратился онъ ко всѣмъ сразу и, подавъ мнѣ руку, повелъ въ сѣни.

Пока старый слуга Потапычъ въ жарко натопленной прихожей освобождалъ меня отъ теплаго платья, я могла разсмотрѣть своихъ новыхъ знакомыхъ. У старой няни было строго ласковое лицо, какое обыкновенно пишутъ на иконахъ. Есть такія лица, которыя можно и любить, и бояться въ одно и то-же время. Ихъ нельзя позабыть послѣ первой-же встрѣчи, они и ласкаютъ, и взыскиваютъ въ одно и то-же время. Управляющій, Роговцевъ, былъ маленькій сѣденькій старичекъ, незначительный и слабый на видъ, но, тѣмъ не менѣе, сумѣвшій въ продолженіе долгихъ лѣтъ охранять интересы водовскаго имѣнія. Благодаря только его неустанному труду, процвѣтало «Довольное» и цѣлыя поколѣнія барскаго рода могли-бы существовать на доходъ отъ него. Сергѣй отзывался о Роговцевѣ всегда, какъ о человѣкѣ образцово-честномъ, опытномъ и пунктуальномъ. Настроенная въ его пользу еще до встрѣчи съ нимъ, я не могла не приласкать старика самымъ теплымъ привѣтствіемъ. Няня Анна Степановна понравилась мнѣ не меньше, но какая-то затаенная сдержанность по отношенію ко мнѣ замѣчалась въ каждомъ ея словѣ и невольно удерживала меня отъ проявленія искренней, довѣрчивой ласки.

Громадный пустынный домъ моего мужа имѣлъ свою своеобразную прелесть. Большія комнаты старой архитектуры съ тяжелою, громоздкою и красивою мебелью, со сводчатыми потолками давали невольную пищу фантазіи. Я, буквально выросшая на романахъ Вальтеръ-Скотта, не могла не любить этой таинственности, заставляющей пылко

разгораться мое воображеніе и волновать и безъ того впечатлительную душу.

Жилыя комнаты казались чудеснымъ оазисомъ среди громадной пустыни стараго дома. Всегда аккуратный и экономный Акимъ Петровичъ не пожалѣлъ на этотъ разъ ни труда, ни средствъ, чтобы придать имъ видъ уютнаго гнѣздышка. Стѣны, обитыя веселенькимъ кретономъ, старые, но еще годные дорогіе ковры, собранные сюда, очевидно, со всего дома, уютная новенькая мебель,—все это не могло не удовлетворить моего нетребовательнаго вкуса.

— Какой вы милый, Акимъ Петровичъ, и какъ я безконечно благодарна вамъ за все!—не могла не удержаться я отъ радостнаго воклицанія, пожимая руку Роговцеву.

— Что вы, что вы, княгинюшка,—почему-то онъ называлъ меня такъ, не смотря на то, что съ замужествомъ я теряла свой княжескій титулъ,—не я въ томъ причастенъ... на то было приказаніе свыше... я не причемъ... я—только слѣпое орудіе въ рукахъ своего господина, — засмѣялся онъ, лукаво подмигнувъ въ сторону Сергѣя.

Кабинетъ послѣдняго такъ-же, какъ и моя спальня, выходилъ въ садъ, чудесный старый садъ, съ вѣковыми липами, облитый теперь нѣжнымъ сіяніемъ мѣсяца. Между спальней и кабинетомъ были двѣ смежныя комнаты и обѣ предназначились въ мое полное распоряженіе.

— Пріемныя-съ ваши, княгинюшка, — любезно пояснилъ мнѣ симпатичный старикъ.

Столовая, залъ и прочія комнаты были въ сторонѣ отъ нашего гнѣздышка и казались неуютными, несмотря на яркое освѣщеніе и весело потрескивающія дрова въ каминѣ.

Въ большой гостиной, прежней пріемной родителей Сергѣя, всѣ стѣны были сплошь завѣшаны фамильными портретами. Тутъ было не одно и не два, а цѣлыхъ нѣсколько поколѣній.

Родъ Водовыхъ старинный и знатный,—не безъ важности объявила мнѣ няня и тутъ-же, не скрывая тщеславной гордости, называла мнѣ по именамъ мужниныхъ

предковъ, изображенныхъ на портретахъ, кратко посвящая меня въ біографію каждаго.

Среди многихъ лицъ родни Сергѣя одно изъ нихъ невольно привлекло мое вниманіе: это была еще совсѣмъ молодая женщина съ добродушно-ласковой улыбкой на губахъ. Сходство ея съ Сергѣемъ было поразительное.

— Это—ваша мать?—спросила я мужа, указывая глазами на портретъ.

До сихъ поръ я не могла привыкнуть говорить ему «ты».

— Да, это—мама... Она нравится тебѣ, Наташа?—живо обернулся онъ ко мнѣ.

— Какъ вы можете такъ говорить!—покачала я укоризненно головой,—вѣдь, это, прежде всего, ваша мама, Сергѣй!—и черезъ минуту я прибавила смущенно:—мнѣ хочется перенести портретъ въ мою спальню, вы позволите?

Онъ, казалось, не ожидалъ ничего подобнаго. На его всегда блѣдномъ лицѣ вспыхнулъ румянецъ и теплыя искорки зажглись въ его добрыхъ глазахъ.

— Не знаю, чѣмъ смогу я отплатить тебѣ за эту твою чуткость, Наташа!—цѣлуя мои руки, произнесъ онъ растроганно.

Старуха-няня не переставала слѣдить за нами взоромъ. Она боготворила, какъ видно своего Сереженьку и какъ будто даже нѣсколько ревновала его ко мнѣ. Я видѣла по этимъ взглядамъ ея проницательныхъ глазъ, какъ страстно хотѣлось ей узнать о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Когда мы вошли въ ярко освѣщенную столовую, я увидѣла два три удивленно направленные по моему адресу, взгляда. Ни няня Анна Степановна, ни добрѣйшій Акимъ Петровичъ не предполагали, должно быть, чтобы ихъ молодая хозяйка обладала такою незавидною внѣшностью. Я смутилась; смутились и они невольно. Едва поборовъ это невольное смущеніе, я постаралась быть любезной и милой, что хотя сколько-нибудь примирить ихъ съ непріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ моимъ некрасивымъ лицомъ.

Мы разошлись около полуночи по своимъ угламъ.

Въ моей комнатѣ теплилась лампада. Лампа подъ голубымъ абажуромъ придавала уютный характеръ и безъ того прелестному уголку.

Я подошла къ окну. Февральская ночь зачаровала садъ сонными, сказочными чарами. Таинственный и прекрасный стоялъ онъ, облитый нѣжнымъ сіяніемъ мѣсяца. Всюду высились стройные призраки деревьевъ, покрытыхъ снѣжной фатою и далеко раскинувшихъ свои голыя вѣтви. А за ними стлались длинныя безобразныя тѣни зловѣщими мрачными пятнами по бѣлому снѣгу сугробовъ. Онъ казался мнѣ, этотъ садъ, обитаемымъ какими-то таинственными существами, которыхъ я не знала, но присутствіе которыхъ ясно ощущалось моей пылкой фантазіей. Да и не одинъ садъ, а все это старое родовое гнѣздо съ его громаднымъ мрачнымъ домомъ и безчисленными уголками и переходами, все это вмѣстѣ взятое погружало мою фантастически настроенную мысль въ какой-то новый міръ, таинственный и прекрасный. Тишина царила кругомъ, только за стѣною глухо раздавались шаги мужа.

Мой Сергѣй! Онъ былъ все тотъ-же прежній заботливо-нѣжный, посѣщавшій меня въ домѣ tante Lise, дорогой человѣкъ, окружавшій меня самыми нѣжными заботами.

Сегодня, очутившись въ его домѣ, въ этомъ старомъ домѣ, гдѣ жило, любило, радовалось и страдало не одно поколѣніе водовскаго рода, все мое существо стремилось навстрѣчу человѣку, шаги котораго гулко долетали до моего напряженнаго слуха. И мое сердце стучало такъ, что я слышала, казалось, его біеніе. И я давала слово въ душѣ сдѣлать его счастливымъ на всю жизнь. Онъ говорилъ мнѣ нѣсколько разъ, что вѣритъ въ мой талантъ и любитъ меня за него. Если это такъ и талантъ этотъ — не плодъ фантазіи его,—то, Боже, возьми, — взывала я къ Богу,—сдѣлай такъ, чтобы талантъ этотъ разросся и мой Сергѣй гордился-бы мной.

И опустившись на колѣни, я горячо помолилась о моемъ будущемъ счастьѣ.

Потомъ снова подошла къ окну и снова вперила глаза, въ чудесно освѣщенную лучами мѣсяца садовую чашу.

Какъ въ ней было хорошо!

Въ дверь постучали. Вошелъ Сергѣй.

— Ты простудишься, — сказалъ онъ, быстро подходя ко мнѣ, и отвелъ меня отъ окошка.

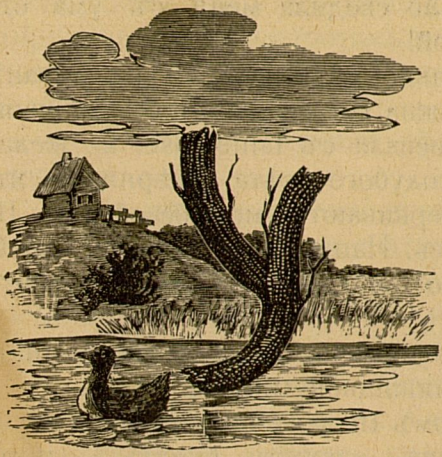
— Нѣтъ, ничего... у васъ чудесный садъ... — произнесла я.—И все здѣсь мнѣ ужасно нравится у васъ.

— Я радъ, если это такъ, Наташа! — Вѣдь это все твое,—и Сергѣй обнялъ меня.—Я, признаться побаивался везти тебя сюда, въ эту глушь. Какъ-то покажется ей нашъ тихій уголокъ, вѣдь она привыкла къ шумной свѣтской жизни, — говорилъ онъ мнѣ нѣсколько минутъ спустя.—Вѣдь не на веселый праздникъ везъ я тебя сюда, Наташа, а чтобы раздѣлить со мною мою скучную трудовую жизнь. Я мечталъ о томъ, какъ мы будемъ совмѣстно работать съ тобою, а въ часы отдыха совершать прекрасныя длинныя прогулки. Здѣсь чудо, что за окрестности, Наташа! Вотъ увидишь сама. Только-бы ты не соскучилась здѣсь, голубка.

— Соскучиться съ тобою! О, никогда въ жизни! Вѣдь я такъ люблю тебя, Сергѣй!—вырвалось у меня горячо, и сильно и крѣпко прижалась я къ груди моего мужа.

— Да, мы будемъ съ тобою счастливы, Наташа!—произнесъ онъ убѣжденно, цѣлуя мои руки.

И чудный садъ, залитый голубоватымъ сіяніемъ, свѣжая свѣтлая февральская ночь, золотистыя звѣзды, заглядывающія въ окно моей комнаты, все это показалось мнѣ еще прекраснѣе, еще прелестнее съ этой минуты.



II.

ТРО давно уже вступило въ свои права, когда я проснулась.

Чувство почти ребяческой радости захватило меня, лишь только я получила свободу мыслить. Помню, еще при жизни отца я просыпалась такъ, съ такимъ-же точно чувствомъ острой радости, въ великіе праздники Рождества и Пасхи. Я знала, что меня ждетъ много подарковъ, припасенныхъ мнѣ моимъ дорогимъ папой. Теперь у меня было нѣчто большее, чѣмъ подарки,—любовь моего мужа,—мужа, котораго я обожала, за которымъ готова была идти на край свѣта, куда-бы онъ меня ни послалъ. У меня былъ свой домъ, свой садъ, уютный уголокъ, гдѣ я могла хозяйничать по собственному усмотрѣнію; особенно привлекалъ меня чудесный огромный садъ, окружающій домъ.

Я вскочила съ постели и подбѣжала къ окошку, чтобы взглянуть на него при дневномъ свѣтѣ.

Этотъ садъ не казался мнѣ теперь уже такимъ таинственно волшебнымъ, какъ вчера. Въ его утреннемъ уборѣ при яркомъ освѣщеніи февральскаго солнца, съ громадными деревьями, разубранными какъ невѣста бѣлою фатою снѣга, онъ казался чудно-прекраснымъ, много лучше того сада, въ чащу котораго, полная восторженнаго трепета, я вглядывалась ночью. Какой онъ чудесный и красивый! Меня неудержимо потянуло туда. Проживя все мое дѣтство въ Петербургѣ или въ дачныхъ пригородахъ, я мало видѣла настоящую природу и, те-

перь, эта природа, буквально сводила меня съ ума отъ восторга передъ ея красотой!

Голубой капотъ, тщательно разложенный на диванѣ, напомнилъ мнѣ, что я должна одѣваться. Я всегда ненавидѣла свѣтлые цвѣта и воевала съ tante Lise, не желая надѣвать ни розоваго, ни голубого цвѣта, увѣряя ее, что нѣжные тоны только подчеркиваютъ мое безобразіе. Но сегодня мнѣ это не казалось. Напротивъ того, мнѣ хотѣлось одѣться, какъ можно свѣтлѣе, наряднѣе, точно я собиралась на праздникъ.

Когда я вошла въ столовую, меня привѣтствовала няня, не безъ достоинства поклонившаяся мнѣ въ поясъ.

— Сереженька съ Акимомъ Петровичемъ въ слободу за батюшкой уѣхалъ. Молебенъ служить будутъ, — поторопилась она оповѣстить меня, поймавъ мой, ищущій мужа, взглядъ.

Я посмотрѣла на нее внимательно. Отъ прежняго впечатлѣнія, произведеннаго ею на меня вчера, не оставалось и слѣда. Ничего строгаго, ни мистическаго не нашла я въ этомъ чисто-русскомъ добродушномъ лицѣ при дневномъ свѣтѣ. Одни только большіе, безъ блеска, проницательные черные глаза смотрѣли нѣсколько сурово и слегка дисгармонировали съ мягкой усмѣшкой старческихъ губъ.

— Ты меня прости, матушка-барынька,—вдругъ неожиданно обратилась она ко мнѣ,—что ежели я тебя по моей глупой привычкѣ величать не сумѣю. Ты вонъ, слышь, княжескаго рода, а я—простая мужичка сѣрая, такъ не взыщи, что обмолвлюсь чѣмъ невзначай, неученая я, темная, хотя и всю мою жизнь при господахъ скоротала.

— Что вы, няня, что вы! — поторопилась я отвѣтить и крѣпко поцѣловала старуху.

Она, казалось, не ожидала этой ласки. Лицо ея прояснилось широкой, доброй улыбкой.

— У, ты, крохотка моя! — протянула она любовно, и вдругъ ея суровые глаза загорѣлись, засіяли и стали почти

яркими, какъ у молодой женщины.—Вотъ ты какая! А я-то, грѣшница, думала супротивъ тебя... — произнесла она съ чувствомъ и укоризненно покачала своей сѣдой, по-вдовьему повязанной головою.

— Что-же вы думали обо мнѣ, няня? — поинтересовалась я.

— Да ужъ я думала, крохотка, неподобное думала... Ты, слышь, княгинюшка знатная, ну, значитъ, важнющая... такъ думала то, по-сѣрости своей... „сошлетъ, чего добраго, въ людскую, отвернетъ отъ меня Сереженьку“, вотъ что думала, крохотка моя.

— Что вы! что вы!—непритворно ужаснулась я.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Слава Тебѣ, Господи!.. И Сереженьку моего любишь, подай тебѣ за это Всевышній! Вынянчила, вѣдь, я его своими руками и все боялась, кому-то онъ, сердечный, попадется! Злая жена, хуже всего на бѣломъ свѣтѣ! А ты, вижу, любишь его, крохотка... Вижу, вижу, даромъ, что вчера только пріѣхали,— улыбалась она, радостно кивая головою и плача отъ счастья.

Эти простыя, сердечныя слова взволновали меня. Неожиданно для себя самой я упала на грудь старухи и прошептала ей на-ухо, заливаясь счастливыми слезами:

— Люблю, я его няня, такъ люблю, словъ не найду выразить! Вѣдь, одинъ онъ у меня, одинъ въ цѣломъ мірѣ! Сирота я, няня! безъ отца и матери, кого-же мнѣ и любить, какъ не его, дорогого, милаго!

— Крохотка, что ты, Богъ съ тобой, ясная, вѣрю! вѣрю, жалостливая, вѣрю сиротинка моя! Я сама тебя полюбила, сразу полюбила за доброту твою, голубонька!— и она заплакала навзрыдъ, бѣдная, одинокая старушка, всю жизнь свою отдавшая для другихъ.

Мой порывъ сблизилъ насъ больше, нежели другіе годы совмѣстной жизни... Въ лицѣ Анны Степановны я пріобрѣла честнаго, правдиваго, неподкупнаго друга.

III.

СЕРГѢЙ вернулся къ самому молебну. Я увидѣла его въ ту минуту, когда слободскій батюшка, высокій, худощавый старикъ, надѣвалъ, съ помощью дьячка, свое скромное старенькое облаченіе.

— Здравствуй Наташа,—цѣлуя мою руку, привѣтствовалъ онъ меня со своей обычной, милой улыбкой.

Начался молебенъ. Батюшка служилъ прекрасно, съ чувствомъ произнося слова молитвъ. И опять меня охватило дѣтское настроеніе свѣтлаго, нѣсколько грустнаго, счастья. Снова вспоминались отроческіе годы, когда мой отецъ точно также приглашалъ священника въ Рождество и Пасху служить у насъ въ домѣ молебны. О, папа, папа! Помолись, дорогой, со мною за меня, твою Тасю! — мысленно обращалась я къ дорогому покойнику.

Во время завтрака я старалась быть любезной, насколько могла, и угощала священника и дьякона соленьями и вареньями, заготовленными искусными руками няни.

— А вы надолго сюда?—освѣдомился отецъ Викторъ, дьяконъ слободы Насиловки.

— Да покуда намъ здѣсь поработается съ женою,— съ улыбкою въ мою сторону, сказалъ Сергѣй,—вѣдь, она одного со мною поля ягода! Я вамъ ее разсказъ пришлю почитать... удивительная вещь!

— Соблаговолите!—пробасилъ отецъ Викторъ и сталъ смотрѣть на меня почтительно-изумленными глазами.

— Хорошее дѣло,—вмѣшался въ разговоръ о. Николай своимъ за душу хватающимъ, ласковымъ голосомъ.

(„Съ такимъ голосомъ,—тутъ же невольно подумала я,—какое сильное впечатлѣніе долженъ онъ производить на паству!“)—Хорошее дѣло, когда у супруговъ являются, помимо прочихъ семейныхъ, еще и общественные интересы. Дай Богъ, дай Богъ, милая хозяюшка! А почитать вашу вещицу позвольте и мнѣ. Съ удовольствіемъ почитаю.

Я поблагодарила за честь, краснѣя отъ смущенія.

— Вотъ Зоинька пріѣдетъ, подружкой вамъ будетъ, коли не побрезгуете.—продолжалъ о. Викторъ.—А только сестренка-то моя врядъ-ли подойдетъ къ вамъ, ужъ очень она бѣдовая. И на полѣ сама съ бабами жнетъ, и лошадей въ ночное гоняетъ и сѣно коситъ, что твой мужичекъ.

— Мальчишка какой-то! Разбойница, что и говорить. Но ужъ пріѣдетъ на Пасху, повидаете!—вставилъ о. Николай.

— Я уже слышала отъ мужа объ этой Зоѣ, сестрѣ дьякона и она очень интересовала меня.

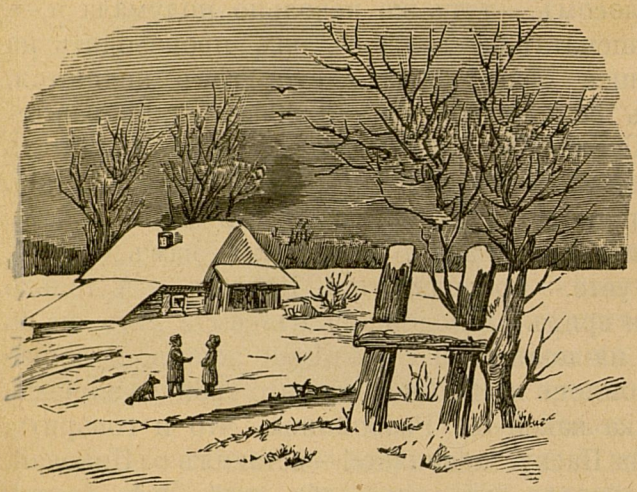
Она училась въ Петербургѣ на курсахъ, ни копейки не брала отъ брата, существуя грошевыми уроками чуть-ли не съ четвертаго класса гимназіи и отвергая всякую помощь.

Эта Зоя казалась мнѣ какой-то маленькой героиней и я горѣла желаніемъ ее увидѣть поскорѣй.

Завтракъ кончился. Отецъ Николай и дьяконъ стали прощаться съ нами. Пожимая мою руку въ прихожей, куда я вышла проводить ихъ, о. Николай сказалъ мнѣ со своей доброй улыбкой:

— А вы, милая барынька, не пренебрегайте Божьимъ даромъ, не закапывайте таланта въ землю. Пишите и меня, старика, радуйте!

При этомъ глаза его остановились на мнѣ съ такою родственной лаской, что хорошо и тепло мнѣ стало отъ этого взгляда. Глядя на нихъ, я вспомнилъ другіе такіе-же чистые и свѣтлые глаза, глаза моего отца, а вмѣстѣ съ ними и далекую, давно пережитую страничку дорогого дѣтства. Не отдавая себѣ отчета, я быстро наклонилась и поцѣловала большую мягкую руку старика.



IV.

— Ну-съ, когда-же мы работать начнемъ? — обратился ко мнѣ недѣли черезъ двѣ послѣ нашего пріѣзда мой мужъ съ вопросомъ. — Да, кстати, я говорилъ о. Виктору о проектѣ нашего журнала. Онъ тоже хочетъ принять въ немъ дѣятельное участіе. Это очень интересно. Онъ предполагаетъ написать письма изъ глуши провинціальнаго дьякона.—Ну, а твои дѣла Наташа?

— Какія, Сергѣй?

— Проэктируешь ты что-нибудь написать?

— Когда-же, милый..

Послѣднее слово вылетѣло такъ неожиданно изъ моей груди, что невольно смутило меня.

— Но, вѣдь, здѣсь, что ни шагъ, то типы,—стараясь не замѣчать моего сконфуженнаго вида, продолжалъ мужъ.—Мало тебѣ пищи? Ужъ одни—няня, Акимъ Петровичъ и дьяконъ чего стоятъ!

— Мнѣ кажется, что я не могу писать... по крайней мѣрѣ, теперь,—произнесла я и, помолчавъ, добавила прерывающимся голосомъ:—я такъ счастлива, Сергѣй, такъ полна моимъ счастьемъ, что ничто другое не идетъ на умъ. Нѣтъ я не могу работать!

— Это такъ только кажется, Наташа. Вотъ увидишь пройдетъ еще недѣля, тебѣ наскучитъ праздная жизнь и ты остро захочешь приняться за перо. Вѣдь здѣсь все

такъ и располагаетъ къ работѣ. Тихое гнѣздышко, красивая природа! Кругомъ садъ, поля, покрытыя еще снѣгомъ. А птичники, хлѣвъ и конюшни чего одни стоятъ! Пойдемъ туда, молодая хозяюшка, а?

Ему не пришлось повторить своего приглашенія... Черезъ десять минутъ я уже была готова и, въ короткой зимней кофточкѣ и шапочкѣ, въ теплыхъ галошахъ шагала объ руку съ мужемъ по моимъ новымъ владѣніямъ.

Все здѣсь забавляло и радовало меня, какъ и въ первый день пріѣзда, на каждомъ шагу.

Въ хлѣву меня плѣняли рослыя, здоровыя коровы, привѣтствовавшія насъ своимъ ласковымъ мычаньемъ. Въ конюшнѣ я кормила хлѣбомъ красивыхъ сытыхъ лошадокъ, поворачивавшихъ мнѣ на встрѣчу умныя головы съ выразительными глазами.

На птичникѣ я едва не оглохла отъ того концерта, который задало намъ пернатое царство въ нашу честь. Какъ все это было ново и забавно! Потомъ мой мужъ повелъ меня по деревенской дорогѣ, пробитой между двумя снѣжными стѣнами къ опушкѣ лѣса... Послѣдній кажется замурованнымъ въ своемъ зимнемъ снѣ подъ бѣлой жемчужной одеждой.

— Здѣсь сказочно хорошо лѣтомъ!—говорилъ Сергѣй, очень довольный, производимымъ на меня впечатлѣніемъ.

— Буду ждать лѣта, но и сейчасъ здѣсь сказочно хорошо!

V.

ПРОШЕЛЪ мѣсяцъ.

Сергѣй былъ охваченъ лихорадкой работы.

Кромѣ своего творческаго труда, онъ удѣлялъ много времени составленію плана своего «Идеальнаго журнала», изданіе котораго онъ хотѣлъ начать не позднѣе сентября.

Онъ ежедневно списывался съ петербургскими друзьями, подыскивалъ необходимыхъ сотрудниковъ, такихъ, которые подошли бы къ главной идеѣ его изданія и помогли-бы осуществить ее.

Мы видѣлись съ нимъ только за завтраками и обѣдами. Его рабочій столъ былъ, къ ужасу няни, перенесенъ въ холодную и неуютную портретную; сюда же приносили цѣлыми корзинами книги, журналы разныхъ періодическихъ изданій и безпорядочно складывали по угламъ комнаты. Хаосъ здѣсь царилъ невообразимый.

— Сереженька, дай-ко-сь я хотя пыль-то сотру! —осторожно подступала къ нему няня, но мужъ только упрямо качалъ головой, не отрывая глазъ отъ работы.

— Не надо, не надо, я самъ!

Щекотливый вопросъ о денежной помощи съ моей стороны, котораго я такъ боялась, прошелъ гладко, почти незамѣтно.

Когда его собственные матеріальные рессурсы изсякли, благодаря громаднымъ расходамъ по дѣлу изданія, я совершенно просто передала ему всѣ свои деньги, полученныя мною въ бумагахъ отъ бабушки въ день свадьбы.

Онъ на минуту смутился.

— Зачѣмъ же столько, Наташа?

— Вѣдь, тебѣ столько и надо, Сергѣй, — улыбнулась я. — Акимъ Петровичъ признался мнѣ, что его касса опустѣла. Это дѣло касается и меня. Вѣдь, ты обѣщалъ мнѣ взять меня въ помощники. Дай же и мнѣ выступить отчасти на пользу нашего дѣла!

— Хорошо «отчасти!»—съиронизировалъ онъ. —Изданіе цѣликомъ твое. И, не будь твоего участія въ денежномъ отношеніи, мечта моя осталась-бы мечтою!—съ внезапно заблестѣвшими глазами радостно, весело воскликнулъ Сергѣй. — Ахъ, Наташа, ты сама не знаешь, какое счастье принесла ты мнѣ съ собою!

Я улыбнулась радостной улыбкой.

Мнѣ такъ хотѣлось быть полезной ему и его дѣлу.

Какъ-то разъ Сергѣй позвалъ меня къ себѣ въ портретную, превращенную теперь въ его рабочій кабинетъ.

— Видишь, Наташа, отецъ Викторъ совсѣмъ оправдалъ мои ожиданія,—весело блестя глазами, отъ радостнаго оживленія, сказалъ онъ.

— А что такое?—поинтересовалась я.

— Представь себѣ, онъ прислалъ мнѣ пробную статью для журнала и статья оказалась очень хороша. Тема—значеніе церковныхъ проповѣдей среди крестьянъ.

— Ты довольна, Наташа?

Мнѣ было рѣшительно все равно въ эту минуту, какую статью написалъ о. Викторъ, потому что мои собственныя дѣла были изъ рукъ вонъ плохи. Состояніе полнѣйшей безпомощности захватило меня. Вотъ уже около двухъ недѣль я ежедневно присаживалась къ столику, выдавливая изъ себя сюжеты, но всѣ мои усилія были тщетны. Вдохновеніе отсутствовало. Пробовала я, помимо него, изобразить типы о. Николая, о. Виктора, Анны Степановны, Роговцева, но они выходили какими-то пустыми и безцвѣтными. Жизнь кругомъ была слишкомъ обыкновенной и будничной, чтобы дать собою пищу фантазіи.

Мужъ не имѣлъ времени совершать теперь тѣхъ длинныхъ прекрасныхъ прогулокъ, какія мы дѣлали съ нимъ въ первые дни послѣ свадьбы. Онъ весь ушелъ въ работу. А гулять одной мнѣ не хотѣлось. Я не привыкла къ этому, благодаря свѣтскому воспитанію tante Lise. Пробовала я заниматься хозяйствомъ подъ руководствомъ няни. Но съ первыхъ же дней почувствовала полнѣйшую свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ. И безъ моего вмѣшательства, все въ хозяйствѣ катилось ровно и гладко, какъ по маслу и я была здѣсь совершенно лишней.

Оставалась одна работа, мое «писательство», но и она почему-то не шла мнѣ на умъ.

Сергѣй не могъ понять моего бездѣйствія, самъ охваченный приступомъ неугасаемаго вдохновенія, и даже какъ бы негодовалъ на меня.

— Напиши мнѣ что-нибудь такое-же яркое, сильное и красивое, какъ твой «Сонъ дѣвушки» и твоя слава обезпечена, — говорилъ онъ, — вѣдь, два или три подобныхъ произведенія заставятъ прогремѣть твое имя!

«Я не могу работать, не могу, пойми это! — хотѣлось мнѣ крикнуть ему, — ты напрасно произвелъ меня въ талавты. Я — ничтожество, пойми, и не жди отъ меня ничего хорошаго!»

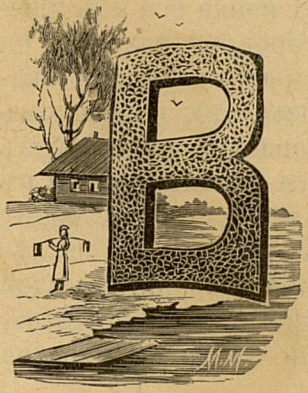
Но я молчала, боясь своимъ признаніемъ оттолкнуть отъ себя мужа. Я ходила спокойная на видъ, но съ болѣзненнымъ ощущеніемъ въ душѣ, ощущеніемъ недовольства собою и скуки. Анна Степановна своими проницательными глазами и житейскимъ опытомъ поняла, что со мною творится что-то неладное.

— Полно, крохотка, — успокаивала она меня, какъ видно, истолковывая въ другую сторону мое удрученное состояніе. — Ты безъ Сережи соскучилась, — работаетъ онъ много, съ тобой мало бываетъ, а ты не сокрушайся. Кончитъ писать и опять къ тебѣ вернется! Помяни мое слово, крохотка.

— Да я ничего, няня, пусть работаетъ, — отвѣчала я

довольная отчасти тѣмъ, что чуткая старуха не докопалась до истинной причины моего горя.

А, между тѣмъ, моя собственная работа все-таки не клеилась. Я доходила до изступленія, сознавая мою полную безпомощность. Часто, бросая перо, я поднимала глаза на портретъ матери Сергѣя, помѣщенный, по моему желанію, надъ письменнымъ столомъ. Ея красивое лицо улыбалось добро и печально. Я слышала отъ няни грустную повѣсть этой женщины. Она не была счастлива въ замужествѣ. Отецъ Сергѣя былъ крутой человѣкъ и очень строго относился къ женѣ и дѣтямъ. Оттого-то, должно быть, и улыбалась такъ печально со своего портрета бѣдная красавица. Я старалась схватить нѣсколько фактовъ, переданныхъ мнѣ тою-же няней изъ жизни родителей моего мужа, но перо не повиновалось мнѣ, самый способъ изложенія казался сухимъ и скучнымъ, а слогъ, такъ удачно воспроизведенный въ «Снѣ дѣвушки», отсутствовалъ и былъ грубымъ и тяжелымъ въ новомъ трудѣ.



VI.

ВЕЛИКІЙ постъ всколыхнулъ мою душу.

Я любила до безумія этотъ врывающійся въ началѣ марта ароматъ весны, внезапно разбуженную отъ долгаго зимняго застоя природу, талый снѣгъ на дорогахъ, смѣшанный съ грязью, неумолкаемый протяжный и гулкій колокольный звонъ, запахъ ладана въ притворѣ, заунывные напѣвы и черныя ризы священнослужителей.

Богослуженіе въ слободской церкви особенно нравилось мнѣ. Здѣсь, затерянная среди простого, сѣраго люда, я простаивала долгіе часы на колѣняхъ съ восторженнымъ

настроеніемъ въ душѣ. О. Николай служилъ съ особеннымъ чувствомъ. Благодаря его ласкающему голосу и имъ самимъ переживаемому настроенію, знакомыя слова молитвы и Священнаго Писанія пріобрѣтали особенное значеніе для меня. Въ то время, пока мой мужъ списывался съ Петербургомъ, составлялъ проэкты новаго дѣла, посылалъ прошенія о разныхъ привиллегіяхъ, словомъ, всячески готовился къ появленію въ свѣтъ своего «дѣтища» журнала,—я проводила время или въ церкви, или въ своей комнатѣ, просиживая цѣлыми часами за безплодными усиліями создать нѣчто могущее дать удовлетвореніе моему защемленному самолюбію и поднять себя еще разъ во мнѣніи дорогого человѣка.

Наконецъ, весна-ли, или необычный подъемъ нервовъ сдѣлали свое дѣло; я написала повѣсть одного качества со «Сномъ дѣвушки», какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось это.

Поставивъ послѣднюю точку, я прочла рукопись и, ни слова не говоря о ней мужу, положила ее въ его отсутствіе на письменномъ столѣ, въ портретной. Сюжетъ этой повѣсти былъ простъ и несложенъ. Я взяла его изъ жизни Осиповой и ея дѣтей, сдѣлавъ героиней разсказа ея дочь, Лидію. Мнѣ казалось, что моя работа, если и окажется нѣсколько хуже «Сна дѣвушки», то, во всякомъ случаѣ, не много уступитъ ему. Правда, я писала безъ того захватывающаго волненія, которое посѣтило меня въ ночь созданія моего перваго произведенія, но, по моему мнѣнію, результатъ, получаемый отъ тщательной, послѣдовательной работы, состоящей въ обдумываніи каждой строчки, можетъ равняться по достоинству тому произведенію, которое является слѣдствіемъ остраго приступа вдохновенія.

Въ тотъ же вечеръ, приготовляясь ко сну, я услышала знакомый стукъ у порога моей комнаты. Поспѣшно накинувъ пеньюаръ, я открыла дверь моему мужу.

Онъ казался взволнованнымъ и блѣднымъ. Въ рукахъ его была моя рукопись.

— Это написала ты, Наташа?—спросилъ онъ меня.

Тоскливое предчувствіе сдавило мнѣ грудь.

— Да!

— И «Сонъ дѣвушки» написала ты тоже?

— Ну, да, конечно!.. Ты сомнѣваешься, Сергѣй?

— Прости, Наташа... Я далекъ отъ мысли обижать тебя... Но, видишь-ли, я, сообразуясь съ твоимъ первымъ произведеніемъ, нашелъ въ тебѣ много своеобразнаго таланта. Читая эту повѣсть, я не увидѣлъ въ ней того индивидуальнаго твоего «я», которое поражало меня въ каждой строкѣ «Сна дѣвушки». Эти вещи и сравнивать нельзя. Онѣ точно написаны двумя совершенно разнородными по существу авторами. Эта повѣсть...

— Такъ гадка?..—дрожащимъ отъ волненія голосомъ прервала я его.

— Прости... да... моя бѣдная Наташа,—произнесъ онъ печально и, какъ-бы жалѣя меня, добавилъ въ утѣшеніе:—во всякомъ случаѣ, ты не горюй. Знаешь, подобная участь постигала даже многихъ большихъ писателей... Бывали и у нихъ слабыя, нетерпимыя вещи... Не горюй!

О, нѣтъ, я не горевала!.. Чувство, захватившее меня, ничего общаго не имѣло съ горемъ. Просто стыдъ, жгучій стыдъ, пожиралъ меня, доставляя мнѣ почти физическое мученіе.

«Ты — обманщица, — говорило что-то неумолимо-ясно внутри меня,—невольная обманщица передъ этимъ человѣкомъ. Авторъ «Сна дѣвушки» оказывается ничѣмъ! А въ меня вѣровали, отъ меня ждали многаго... Можетъ быть, этотъ призракъ, миражъ таланта и остановилъ на мнѣ исключительно вниманіе Сергѣя?»

И не будучи въ силахъ сдерживаться больше, я разрыдалась навзрыдъ, высказывая ему сквозь слезы, угнетавшую меня мысль.

Мой мужъ не далъ мнѣ договорить, крѣпко обнялъ меня, прижалъ къ себѣ.

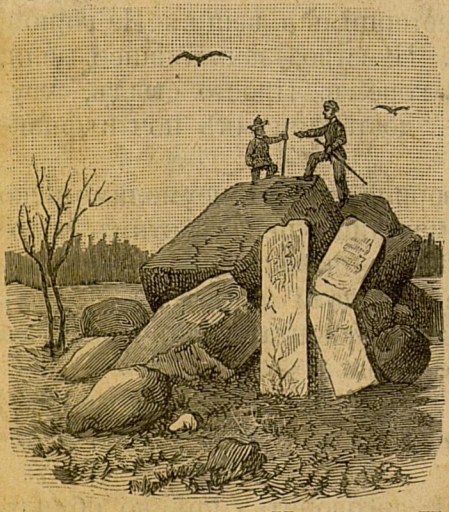
— Моя милая, милая, маленькая Наташа, успокойся,

ради Бога, не мучь себя! Если-бы ты даже и не написала ни строчки, я любилъ-бы тебя не меньше отъ этого! Пойми, Наташа, не таланта я искалъ въ тебѣ, а твою душу, твою добрую, чуткую душу, такую нѣжную, кроткую, славную. Ее-то я и угадалъ въ тебѣ съ первой встрѣчи, къ ней-то я и привязался. И не напиши ты твоего «Сна дѣвушки», результатъ былъ-бы одинъ и тотъ-же. Только «Сонъ дѣвушки» помогъ мнѣ увидѣть то, что такъ бы не пришлось увидѣть. Вотъ и все. Конечно, было пріятно, если бы ты работала также, какъ и я, но и безъ этого у насъ много другихъ интересовъ съ тобою. Не такъ-ли, Наташа, родная моя?

О, эти слова! Эти глаза, глядѣвшіе на меня съ такой неизъяснимой нѣжностью!

И послѣ этого воображать себя несчастной! Нѣтъ! Нѣтъ!

Слезы высохли сразу на моихъ рѣсницахъ, сомнѣнія исчезли, и снова огромное счастье волной разлилось въ моей груди.



VII.

ОЛОКОЛЪ гудѣлъ великопостнымъ призывнымъ звономъ, когда я подходила къ насиловской церкви. Нѣсколько монашенокъ изъ ближайшаго монастыря разступились на паперти, давая мнѣ дорогу. Я прошла въ мой любимый уголокъ между большимъ образомъ Николая Чудотворца и запаснымъ аналоемъ. Мнѣ приготовляли всегда стулъ и коврикъ на самомъ почетномъ мѣстѣ церкви, но я никогда не стояла

тамъ, а забивалась въ этотъ дальній уголъ по сосѣдств съ сѣрыми армяками и поддевками, пахнувшими сапогами, постнымъ масломъ и лукомъ.

Сергѣй наканунѣ еще уѣхалъ въ Курскъ, чтобы получить запоздалый транспортъ книгъ.

— Сдѣлай мнѣ выборки, пожалуйста, Наташа,—просилъ меня теперь часто мой мужъ, и я дѣлала выборки съ большой аккуратностью, желая ему быть полезной и заслужить его одобреніе.

Ахъ, какъ это было пріятно совмѣстно трудиться такимъ образомъ! И я цѣликомъ отдавалась этой работѣ, забывъ прежнія тщеславныя мечты о созданіи новаго произведенія, могущаго дать мнѣ громкую славу.

Сергѣй трудился теперь надъ большимъ историческимъ очеркомъ, который хотѣлъ въ „первую голову“, какъ онъ самъ выражался, пустить на страницахъ своего журнала. И я ревностно помогала ему въ этомъ, роясь въ матерьялѣ и отыскивая ему необходимыя данныя для повѣсти.

Онъ долженъ былъ вернуться сегодня вечеромъ. Чтобы скоротать сколько-нибудь время до его возвращенія, я прошла изъ церкви, по окончаніи всенощной, къ о. Николаю.

Отецъ Николай вдовствовалъ давно. Къ нему пріѣзжалъ каждую весну гостить его сынъ, изъ духовной Академіи. Ихъ домикъ, бѣлый и чистенькій, съ зеленою крышей, весь окруженный вишневыми и яблочными деревьями, едва прикрытыми узкими полосками талаго снѣга по вѣтвямъ, казался издали игрушечнымъ. Къ нему примыкалъ дворъ, по которому, безмятежно наслаждаясь первымъ дыханіемъ весны, бродили нахохленныя отъ мартовскаго холодка куры.

Когда я подошла къ крыльцу, съ верхней ступеньки очищенной отъ снѣга, поднялась дѣвушка, одного возраста со мною, чтобы дать мнѣ дорогу.

— Вы къ батѣ?—спросила она меня, пріятнымъ звучнымъ голоскомъ.

Я обернулась.

Крестьянки Курской губерніи такъ не говорятъ. Да и лицо дѣвушки мало подходило къ простонародному типу, а, между тѣмъ, одѣтая въ простую ситцевую юбку, несмотря на ощутительный холодъ, обернутая съ головою большимъ теплымъ платкомъ, она казалась крестьянкой.

— Здраствуйте,—просто сказала она, невольно улыбаясь моему пристальному взгляду, и отодвинула немного со лба платокъ.

Я увидѣла небрежно причесанную головку, пепельно-бѣлокурую, и два большіе синіе глаза, до того красивые, что не залюбоваться ими было нельзя. Худенькое личико съ высокимъ, черезъ чуръ высокимъ для женщины лбомъ смотрѣло и внимательно, и насмѣшливо въ одно и то-же время. Большой капризно очерченный ротъ и нездоровая кожа лица покрыли впечатлѣніе, но все это лицо, несмотря на болѣзненный его оттѣнокъ отъ тонкихъ трепещущихъ ноздрей до угловъ блѣднаго крупнаго рта, нельзя было не замѣтить съ перваго-же взгляда.

„Кто она, эта барышня-крестьянка“?—невольно вертѣлось въ моемъ мозгу, и вдругъ внезапная мысль пришла мнѣ на умъ.

— Зоя Ильинишна Дмитровская?—сорвалось у меня удивленно и радостно.

— Вы угадали!—дурачливо отвѣтила она, сощуривъ свои синіе глазки.—Позвольте представиться: слушательница высшихъ курсовъ, сестра вашего уважаемаго отца дьякона. Отъ роду имѣю восемнадцать лѣтъ.

— Наталья Водова,—назвалась я.

— Урожденная княжна Горянина, великосвѣтская барышня!—въ тонъ мнѣ произнесла она.

— Кто вамъ это сказалъ?—вспыхнула я.

— Сорока на хвостѣ принесла столь важную новость... расхохоталась она мнѣ прямо въ лицо.

Ея тонъ обижалъ меня, но прекращать разговоръ съ ней мнѣ не хотѣлось: что-то неудержимо влекло меня къ

этой странной, обаятельной дѣвушкѣ. Она точно догадалась о двойственномъ впечатлѣніи произведенномъ ею на меня, потому что сказала совершенно въ иномъ тонѣ:

— Вы не обижайтесь. Я, вѣдь, шалая, такъ всѣ меня и знаютъ за шалую и никто не смѣетъ обижаться!

Слова срывались у нея безпечно, по-дѣтски весело, а заалѣвшееся лицо и смѣющіеся глаза, поглядывающіе на меня снизу вверхъ исподлобья, дѣлали ее прелестной. Что-то кошачье проглядывало во всей ея фигурѣ, тоненькой и гибкой, какъ у подростка. Меня невольно тянуло поцѣловать это оригинальное, милое личико, гдѣ мѣшались и боролись два выраженія, не уступая ни на іоту другъ-другу: одно заискивающее, робкое, чистое, какъ у ребенка, другое вызывающее и насмѣшливое.

— Ну, что вы на меня уставились?—неожиданно разсмѣялась Зоя, видя, какъ я приковалась къ ней неотступнымъ взглядомъ.—Садитесь-ка рядкомъ да будемъ батю ждать изъ церкви. Вдвоемъ веселѣе,—и, замѣтивъ мою нерѣшительность, она добавила насмѣшливо:—или боитесь шубку запачкать?

Я сконфузилась. Дѣйствительно, мое щегольское, модное соболье пальто мало подходило къ деревенской обстановкѣ. Но я не хотѣла упасть во мнѣніи моей новой знакомой и храбро опустилась на мокрыя ступеньки крыльца.

— Браво, браво!—все еще не покидая своего насмѣшливаго тона, воскликнула Зоя,—и вы по-простецки, по нашему, поступать умѣете... Знаете,—помолчавъ немного и пристально поглядывая на меня, сказала она,—а, вѣдь я васъ совсѣмъ иною себѣ представляла.

— Какою-же, позвольте васъ спросить?—стараясь поддѣлаться подъ ея шутливый тонъ, спросила я.

— Совсѣмъ иною, серьезно! «Княжна, думаю себѣ, ну, значитъ, индюшка: напыщенная, важная, сытая...»

— Да, вѣдь, я и не голодная!—улыбнулась я.

И мы обѣ расхохотались...

— Что вы смотрите такъ?—смутилась я, замѣтивъ ея пристальный, обращенный на меня взглядъ. — Я — такая дурнушка, непріятно смотрѣть на меня!

— Дѣло вкуса... По-моему, нѣтъ. У васъ славное одухотворенное личико. Умное и доброе. Что-же вамъ нужно больше?! Но смолкнемъ, вонъ сюда идетъ о. Николай и его сынъ Игнаша. Здравствуйте, батя! Игнаша, здравствуйте! Спѣшите гостей принимать! — неожиданно крикнула Зоя весело и звонко, и ея голосокъ далеко разнесся по слободкѣ.

— Что-же это ты, безстыдница, Наталью Николаевну на крыльцѣ морозишь! Въ горенку-бы провела! Ахъ, ты, стрекоза! Хоть три пары курсовъ кончай, а такой-же растяпой останешься! — не то сурово, не то шутливо выговаривалъ о. Николай Зоѣ, которая выросла у него на глазахъ.

— Не сердитесь, батюшка, я, съ перепугу это, — засмѣялась послѣдняя, — какъ увидала свѣтскую барыню, такъ со страха ноги подкосились и на крыльцо бухъ... да, такъ къ крыльцу и прилипла!—хохотала она.

— Шалунья! Разбойница! Вотъ постой ты у меня! Небось, какъ войдешь въ мой домъ, я тебя образую стрекоза ты этакая! — шутливо грозилъ отецъ Николай дѣвушкѣ.

Когда мы, оставивъ Зою съ Игнашей на крыльцѣ, вошли въ крохотную пріемную священническаго жилья, старикъ сообщилъ мнѣ, понизивъ голосъ:

— Женихъ и невѣста,—кивнулъ онъ на дверь.—Давно они любятъ другъ друга, мой Игнаша и Зоинька. Росли вмѣстѣ... привыкли... На красную горку и свадьбу съиграть хотимъ. — Да только шалая она какая-то, сами видите. Толка отъ нея не добьешься... все шутками да прибаутками отдѣлывается. Я иной разъ сомнѣваюсь даже, любитъ-ли она меня, а, вѣдь, ребенкомъ души не чаяла: «батя» да «батя». Безъ «бати» ни шагу. Съ Игнашей то

ласкова, то насмѣшлива. Слова добромъ иной разъ не скажетъ, а иногда глядитъ не на глядится, точно онъ для нея дороже всего на бѣломъ свѣтѣ. Ужъ такая уродилась, а умница и работница, хоть куда. Очень я ужъ люблю ее, какъ дочь родную! Вѣдь, у меня на глазахъ выросла, отецъ ея діакономъ здѣсь служилъ, Викторъ его и замѣстилъ. Славный старикъ былъ! Да, что-же это я, чайку-то и не предложу! Баснями соловья не кормятъ, вдругъ спохватился о. Николай.—Евстигнѣевна, давай-ка самоварчикъ намъ сюда, да вареньица малиноваго, да булочки домашней!—крикнулъ онъ кому-то невидимому, заглянувъ въ сѣни.

И почти тотчасъ-же изъ сѣней вынырнула толстая старая кухарка и домоправительница о. Николая. Она степенно поклонилась мнѣ и стала накрывать столъ.

— Зоинька, Игнаша, ступайте сюда, чай кушать!—снова крикнулъ батюшка.

Черезъ минутъ пять мы всѣ четверо сидѣли за ярко вычищеннымъ самоваромъ и пили чай съ малиновымъ вареньемъ:

Зоя безъ умолку болтала и трунила надъ неуклюжимъ Игнашей. Но глаза ея, помимо воли, казалось, по долгу останавливались на его лицѣ и въ нихъ загоралось чувство неизъяснимой преданности и дружбы.

Покидая уютный домикъ священника, я просила его заходить къ намъ почаще съ сыномъ и будущей невѣстой.

Когда я уже подходила къ нашей усадьбѣ, то услышала чьи-то бѣгущіе шаги за собою.

Я оглянулась. Это была Зоя. Она запыхалась отъ быстрой ходьбы, щеки ея разгорѣлись, глаза сверкали. Она казалась очень хорошенькой въ эту минуту.

— Слушайте, барынька, фу, какія у васъ ноги длинныя, еле догнала,—тяжело переводя духъ, говорила она.—Вы меня къ себѣ звали... Я приду. За книгами приду, ничего что одѣта, какъ мужчина... не въ платьѣ дѣло. Страсть почитать хочется, а у васъ библіотека большая.

— Такъ вотъ вы и приходите,—улыбнулась я.

— И приду. У вашего мужа, говорятъ, книгъ-то понатаскано со всей Руси великой. Журналъ издавать думаете? Занятно! Приду посмотрѣть, если пустите...

— Очень рада!

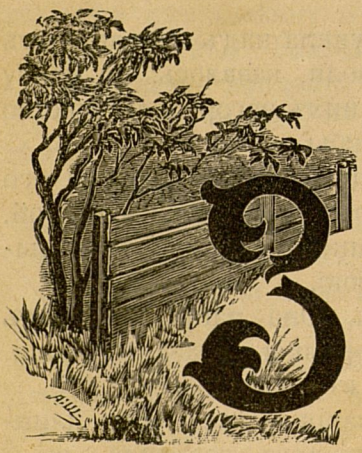
— Вотъ спасибо! И книжекъ дать не пожалѣете?

— Конечно, дамъ,—улыбнулась я снова.

— Добрая вы! Еще разъ спасибо! Поцѣловать-бы васъ, да смерть лизаться не люблю!

И звонко расхохотавшись совсѣмъ почти ребячьимъ смѣхомъ, Зоя кивнула мнѣ головою и стремглавъ помчалась назадъ въ слободку.

Я долго смотрѣла, какъ развѣвалась и парусила ея ситцевая юбка, какъ вѣтеръ игралъ прядями ея бѣлокурыхъ косъ и хлесталъ ее по ногамъ. Мнѣ она очень понравилась своей оригинальностью и заразительнымъ весельемъ.



VIII.

ОЯ пришла къ намъ вечеромъ, дня черезъ два послѣ нашего знакомства, когда мы сидѣли за чаемъ.

Игнаша пришелъ съ нею вмѣстѣ.

Ситцевое платье на этотъ разъ замѣнили поношенная, но очень приличная черная юбка и темная бумазейная кофточка безъ таліи, въ видѣ мужской тужурки.

— Зоя Ильинишна! Сколько лѣтъ мы не видались!—

весело поднялся ей навстрѣчу Сергѣй, протягивая руки.— Поздравляю васъ! Вы невѣста?

— Спасибо! И васъ съ законнымъ бракомъ тоже! А я къ вамъ за книгами прибѣжала, и о журналѣ поразузнать,— произнесла Зоя.— Вы, говорятъ, за изданіе принимаетесь. Можно поинтересоваться?

— Охотно!— согласился Сергѣй.—Вотъ послѣ чая...

— Ну, ладно, давайте чай, если ужъ это такъ водится,— засмѣялась она.

Я передала Зоѣ чашку. Руки у нея были маленькія, изящной формы, но съ мозолями, точно отъ грубой работы, хотя и съ тщательно вычищенными ногтями.

За чаемъ Сергѣй разсказывалъ нашимъ гостямъ о своемъ журналѣ.

— Вотъ и вы помогите намъ, Зоя Ильинишна и вы, Игнатій Николаевичъ, напишите, что-нибудь хорошенькое. Къ нашему полку прибудетъ. Жена моя тоже пописываетъ—улыбнулся Сергѣй.

— Вы—писательница?—живо заинтересовалась Зоя.

— Что-же вы пишите?—какъ мнѣ показалось, насмѣшливо переспросила она, чуть-чуть сощуривъ глазки.

— Теперь—ничего.

— Вдохновенія ждете?

— Просто таланта нѣтъ,—произнесла я, краснѣя подъ ея слишкомъ пристальнымъ взглядомъ.

— Ну, полно, пожалуйста, Наташа, ты еще напишешь много хорошаго! Подожди немного!

И, говоря это, мой мужъ улыбнулся мнѣ такъ ободряюще и добро, что я снова повѣрила въ свои силы, какъ и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Послѣ чая я повела Зою показывать наше гнѣздышко.

Она съ удовольствіемъ оглядывала нашу, на мой взглядъ, очень хорошенькую, но скромную обстановку и съ нескрываемымъ восторгомъ растянулась на мягкой кушеткѣ въ моемъ будуарѣ.

— Какъ хорошо здѣсь!— произнесла она, жмурясь и

потягиваясь, какъ котенокъ.—Такъ хорошо, что никуда-бы не ушла отсюда!

— Кто-же васъ гонитъ? Оставайтесь!—улыбнулась я.

— Ой, что вы, что вы! — почти испуганно вскричала она.—Сохрани меня, Боже! Здѣсь хорошо отдохнуть, понѣжиться послѣ трудоваго дня, а жить все время въ этой роскоши и въ этомъ комфортѣ,—ужасно! Разлѣнишься и работать не захочешь. А вѣдь я вполнѣ чернорабочій человѣкъ. Всю жизнь въ трудѣ, зарабатывая копейку. Праздность мнѣ непонятна. И замужъ выйду не перестану трудиться. Курсы окончу, сюда съ Игнашей вернемся. Школу здѣсь заведемъ, ребятокъ обучать станемъ. Лечить мужиковъ опять, своими средствами, домашними, а то докторъ живетъ далеко, не можетъ сюда часто наѣзжать. Вотъ-бы вы согласились помогать намъ! А?

— Конечно, конечно!—поторопилась я отвѣтить,—хоть сейчасъ!

— Ишь вы какая прыткая! Сейчасъ вотъ вамъ и подавай. Небось наголодались безъ дѣла-то! Нѣтъ, вы мнѣ раньше съ курсами моими покончить дайте, чтобы доучась, какъ слѣдуетъ, имѣть возможность и другихъ учить. Потерпите малость. За то потомъ, какъ хорошо будетъ! Вы представить себѣ не можете какое отрадное чувство прійти домой послѣ трудоваго дня и сознавать, что ты провела свое время съ пользой для другихъ и для себя, право славно!

Зоя говорила горячо, увлекательно.

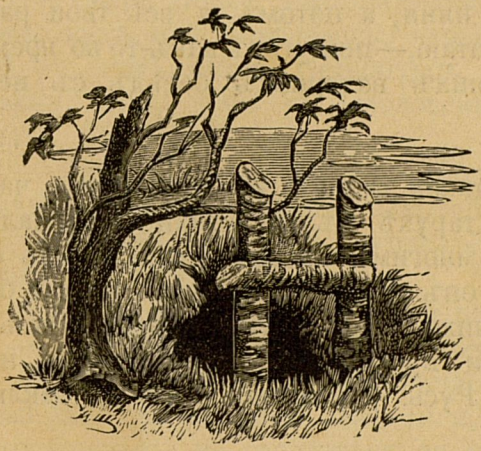
Я слушала ее, затаивъ дыханіе. Эта дѣвушка дала мнѣ выходъ изъ того состоянія неудовлетворенности, которое владѣло мною все это послѣднее время. Она оказалась далеко не тѣмъ, что я предполагала,—эта тонкая, какъ былинка, хрупкая, но мощная духомъ и мыслью дѣвушка, съ ея глубокими сужденіями.

И, когда она уходила, съ грудой книгъ данной ей Сергѣемъ, я невольно высказала ей это. Она выслушала меня

внимательно и, не давъ мнѣ опомниться, быстро обняла меня и порывисто крѣпко поцѣловала въ самыя губы.

— Вы прелесть, хотя и великосвѣтская барышня! — разсмѣялась она.—Вы сами не сознаете, какая вы прелесть!

Я не успѣла произнести слово, какъ она уже была за дверью и на весь домъ звала Игнашу свѣжимъ звонкимъ голоскомъ.



IX.

ЯНЯ—Анна Степановна—не терпѣла Зои. Она не называла ее иначе, какъ «хвостотрепкой», и отзывалась о ней съ какою-то враждой.

— Ишь, а еще ученой считается. Барышня тоже! Кричитъ на весь домъ, ровно на рынкѣ, ходитъ хуже кухарки послѣдней. Ни встать, ни сѣсть не умѣетъ. А всѣхъ-то въ глаза осуждаетъ, высмѣетъ. А по какому праву?! Что она лучше всѣхъ, что-ли? Что съ лица-то смазлива, такъ и я не хуже ее въ молодости-то была!

— Вы, няня, должно быть, красивая были? — спросила я, чтобы сдѣлать пріятное старухѣ.

— Э-эхъ!.. Что красота-то, крохотка! Не родись красивымъ, а родись счастливымъ! А я-то счастлива была, матушка, господъ своихъ берегла, а они меня за это любили, да цѣнили. Дай Богъ и другимъ такого счастья побольше, чтобы жили всѣ припѣваючи да въ добрыхъ дѣлахъ исполняли Его святую волю.

Я любила слушать старуху: она всегда успокаивала меня своими нехитрыми рѣчами. Къ тому-же Анна Степановна, выростившая цѣлыя два поколѣнія водовскаго дома, пріобрѣла много житейскаго опыта на своемъ долгомъ вѣку. И сколько интереснаго, сколько правдиваго и хорошаго узнала я отъ нея!

Мой мужъ часто присоединялся къ намъ, и тогда иной разъ до ночи лилась тягучая, но удивительно образная, плавная рѣчь старухи.

— Говори, говори, няня, а потомъ я всѣ твои разсказы въ книгѣ и отпечатаю,—пошутилъ какъ-то во время одной изъ такихъ нашихъ вечернихъ бесѣдъ съ нею Сергѣй.

— Ну?—усумнилась она.

— Вотъ Пушкинъ, такой великій писатель былъ, чай, слышала, своей нянѣ-старухѣ цѣлые стихи посвящалъ, хорошіе стихи! Онъ ей многимъ обязанъ, многое изъ ея разсказовъ почерпнулъ онъ. Вотъ также она съ нимъ бесѣдовала въ имѣніи у нихъ, какъ и ты съ нами. Вотъ и я такъ же поступлю, и прославимся мы съ тобой, нянечка, на всю матушку Русь! — обнимая старуху, заключилъ Сергѣй.

Впрочемъ, онъ рѣдко баловалъ насъ своимъ обществомъ. По большей части мы проводили время вдвоемъ съ Анной Степановной. Сергѣй попрежнему былъ весь углубленъ въ свои работы. Писательская лихорадка все еще не покидала его. Къ тому-же, дѣло изданія требовало не малаго труда и отнимало у него массу времени.

Однажды мы выбрали свободную минутку и пошли съ нимъ пройтись подъ вечеръ.

Было около семи часовъ. Багряный дискъ солнца садился за лѣсомъ, обливая кровянымъ заревомъ цѣлую полосу горизонта. Грязно-сѣрыя отъ талаго снѣга поля раскинулись во всѣ стороны кругомъ «Довольнаго». Воробьи весело чирикали, отыскивая зерна. На шоссейной дорогѣ то и дѣло громыхали телѣги, утонувъ до поло-

вины колесъ въ липкой весенней грязи. На мнѣ и мужѣ были одинаковые высокіе мужскіе боты, не пропускающіе сырости. Мы шли подъ руку, близко прижавшись другъ къ другу, и молчали. Я не знала, о чемъ думалъ мой спутникъ, но мое сердце радостно билось, какъ всегда, отъ одного присутствія, любимаго человѣка. Къ тому-же вѣяніе весны, возрожденіе природы затрагивали лучшія струны моего существа, наполняя всю меня юношескою бодростью и новыми надеждами.

— Скоро Пасха, Наташа,—произнесъ Сергѣй, съ трудомъ, какъ мнѣ показалось, отрываясь отъ своихъ мыслей,—а тамъ опять Петербургъ, бабушка, кузина Лили, кузина Кити, дача въ Павловскѣ и вѣчная сутолока и суета... Ты рада?

— Нѣтъ! Ты знаешь, я предпочла-бы остаться здѣсь!— отвѣтила я безъ малѣйшаго колебанія.

— А какъ же нашъ журналъ? Вѣдь все надо приготовить къ августу...

— Ахъ, милый! — невольно вырвалось изъ моей груди,—здѣсь такъ хорошо, что не хочется думать о другомъ...

— И несмотря на мое вѣчное сидѣнье взаперти?— вскинулъ онъ на меня глазами и, помолчавъ съ минуту, спросилъ:—ты не сердишься на меня, Наташа?

Онъ былъ удивительно ласковъ по своему обыкновенію. Въ послѣдніе дни мы видѣлись мало: ему то приходилось ѣздить въ Курскъ, то въ буквальномъ смыслѣ слова запираться въ четырехъ стѣнахъ портретной. Сегодня онъ разрѣшилъ себѣ отдыхъ и небольшую прогулку.

Уже поздно вечеромъ, когда окружающія нашу усадьбу поля подернулись прозрачными весенними сумерками, возвращались мы домой. У самой усадьбы два человѣка— одинъ высокій, широкоплечій, другой—маленькій, тоненькій, повидимому, мальчикъ—бѣгали взапуски на лыжахъ по талому снѣгу. Они поминутно проваливались по-поясъ въ грязные сугробы и хохотали, какъ дѣти.

Увидя насъ, маленькій человѣчекъ закричалъ намъ что-то и отчаянно замахалъ руками.

Мы остановились.

Молодые люди бѣжали къ намъ со всѣхъ ногъ. Они были одѣты одинаково — въ высокіе сапоги и короткіе крестьянскіе полушубки. Въ одномъ изъ нихъ мы узнали Игнатія, другой была Зоя. Потертая барашковая шапочка была надвинута у нея на самыя брови. Изъ-подъ нея выглядывали, поблескивая, ея синіе глазки.

— Что за маскарадъ?—удивленно спросилъ мой мужъ.

— А такъ удобнѣе бѣгать по снѣгу. Мы же съ Игнашей, какъ зайцы любимъ это занятіе,—смѣялась Зоя.

— И не стыдно вамъ бездѣльничать?—спросилъ обоихъ Сергѣй.

Игнаша отвѣтилъ смущеннымъ взглядомъ, въ то время какъ его хорошенькая спутница такъ и покатилась со смѣха.

— А вы завидуете намъ, небось? Ха, ха, ха! Завидуете, господинъ писатель! Вамъ бы тоже хотѣлось попрыгать зайцемъ по снѣгу, гораздо больше нежели сидѣть за скучнымъ составленіемъ плана вашего журнала да за чтеніемъ чужихъ рукописей. А только сознаться не хотите. А вотъ Наталья Николаевна сознается, что хотя она и важная птица, а очень-бы не прочь была повозиться со мною и Игнашей поизобразить зайца на грязномъ снѣгу. Вѣдь правда, Наталья Николаева?

— Правда,—созналась я съ невольной улыбкой.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? — засмѣялся Сергѣй.

— Ихъ сіятельство ножки промочатъ, а няня, Анна Степановна, въ уголъ за это поставятъ и ее и васъ!—захохотала Зоя и, кивнувъ намъ, полетѣла на лыжахъ со скоростью птицы.

Игнаша поспѣшилъ за нею.

— Милая дѣвушка!—произнесъ Сергѣй,—жаль только, что ей не хватаетъ воспитанія и выдержки.

— Зато у нея свѣтлая голова и добрая душа,—горячо заступилась я.

X.

Я говѣла на седьмой недѣлѣ. Въ страстной четвергъ мы пріобщались съ мужемъ въ нашей скромной слободской церкви.

А весна шла быстрыми шагами впередъ. Снѣгъ таялъ. Мутные ручейки съ шумомъ бѣжали по обѣ стороны дороги, сверкая въ лучахъ перваго весенняго солнца. Апрѣль незамѣтно подкрался, свѣтлый и радостный, какъ праздникъ счастья. Кой-гдѣ бѣлѣлись ранніе подснѣжники и трава чуть-чуть зеленѣла, лаская взоры своимъ влажнымъ блескомъ. Когда, послѣ причастія. я, въ сопровожденіи мужа, выходила изъ церкви, унося съ собою радостно-восторженное, почти дѣтское настроеніе, на церковной паперти насъ остановилъ знакомый звонкій молодой голосокъ:

— Добрый день и добрыхъ пожеланій!

Я оглянулась.

Мнѣ улыбалось еще веселѣе и безпечнѣе, чѣмъ когда-либо, личико Зои. За нею высилась широкая плечистая фигура Игнатія.

— И мы тоже говѣли... —щебетала Зоя. — Я на васъ всю обѣдню проглазѣла,—обратилась она ко мнѣ, проходя со мной къ экипажу, ожидавшему насъ съ мужемъ у церковной паперти.— Стоите вы вся въ бѣломъ, такая свѣтлая и лицо у васъ свѣтлое; видно, что вы истинно вѣрующая, религіозная, не сбить васъ съ вашего пути. Какъ вы горячо молились!

— Правда. Покойный папа научилъ меня этому: легче живется съ молитвой—говорилъ онъ часто. И это неоспоримая истина. Когда тяжело на сердцѣ стоитъ только горячо помолиться и сразу какъ-то становится легче и свѣтлѣй.

— А развѣ вамъ бываетъ тяжело?—удивилась Зоя.—Чего вамъ не достаетъ — вы богаты, у васъ все есть, мужъ вашъ, такъ васъ любитъ. А знаете-ли, вотъ я угадала почему вамъ бываетъ тяжело?

— Почему? спросила я Зою.

— Вы скучаете... Ну, да, скучаете отъ бездѣлья. Вамъ дѣлать нечего! Или вѣрнѣе, вы не хотите найти себѣ работу, вотъ вамъ и скучно. Вѣдь правда?

— Правда!—согласилась я.

Дѣйствительно, это была правда. Предположеніе моего мужа оправдалось. Я скучала здѣсь въ деревнѣ, въ этой глуши.

Не того я ожидала, выходя замужъ отъ моей брачной жизни. Мнѣ казалось, что я буду неразлучно все время съ Сергѣемъ, что мы будемъ работать и гулять вмѣстѣ цѣлые дни..

На дѣлѣ выходило иначе. Онъ работалъ, запершись цѣлыми днями у себя въ портретной. Я скучала одна. Книги меня не прельщали больше. Писать сама я и не рѣшалась больше начинать. Помогать мужу я старалась всѣми силами, но дѣло почему-то мало клеилось у меня и я была плохою помощницей. Просто я неудачница. Неудачница и дурнушка!—Пришла я какъ-то къ заключенію въ минуту особенной тоски.—Вотъ Зоя находитъ, что я скучаю отъ бездѣлья, какое-же дѣло я могу для себя найти здѣсь? Школу устраивать она хочетъ сама. Что-же мнѣ остается дѣлать?

Вотъ, если-бы судьбѣ заблагоразсудилось подарить мнѣ ребеночка, маленькую живую куколку, съ которой-бы я возилась цѣлые дни, вотъ это было-бы настоящее дѣло.

Мечты о ребенкѣ все чаще и чаще приходили мнѣ теперь въ голову. Имѣть свое собственное дорогое дитя, казалось мнѣ верхомъ блаженства.

Ахъ, тогда-бы я не томилась своей безполезностью въ этомъ большомъ домѣ, я бы сумѣла вся отдаться заботѣ о немъ. А пока... Пока я заботилась о чужихъ дѣтяхъ, навѣщая бѣднѣйшія избы Насиловки и раздавая ребятамъ маленькіе подарки. Но здѣшніе слобожане не были особенно бѣдны и моя благотворительность здѣсь не имѣла особаго значенія. И возвращаясь домой изъ слободки, я бросалась въ кресло, мечтая о томъ, что и у меня самой рано или поздно можетъ быть будетъ ребенокъ.

XI.

АННА Степановна, заготовляя пасхальныя бабы, куличи и пасхи, окончательно сбилась съ ногъ. Когда я предлагала ей свои услуги, она только руками отмахивалась.

— Куда тебѣ, крохотка! — говорила она, виданное-ли дѣло, чтобы княжеское дитё въ тѣстѣ пачкалось,—и продолжала варить, жарить, печь и мѣсить, не покладая рукъ ни на минуту.

Въ портретной шла работа иного рода. Сергѣй окончательно переутомился и долженъ былъ уступить моей просьбѣ взять себѣ еще кого-нибудь на помощь, кромѣ меня. Такіе помощники нашлись въ лицѣ Зои и Игнаши, скромно предложившихъ свои услуги. На мнѣ до сихъ поръ лежала чисто-механическая часть работы—я только вырѣзала подклеивала выборки изъ книгъ, на которыя ссыла

Сергѣй въ своемъ новомъ историческомъ трудѣ. Зоя-же и Игнатій переводили съ латыни ссылки на древнихъ классиковъ, необходимыя моему мужу. Во время рекреаціонныхъ минутокъ мы бесѣдовали безъ умолку; собственно, бесѣдовали они, а я была только неизбѣжнымъ свидѣтелемъ ихъ нескончаемыхъ споровъ.

Спорили они ежеминутно, съ юношеской горячностью. Даже Игнаша всегда сдержанный и тихій часто вступалъ въ споръ, всегда держа сторону Зои.

Да и говорила она прекрасно, толково и опредѣленно. Въ ея мудрой головкѣ было столько прочно улегшагося матеріала, что въ совокупности съ молодыми пылкими убѣжденіями, засѣвшими прочно въ душу Зои, она была находкой для серьезнаго собесѣдника, какимъ являлся мой мужъ.

Они получали отъ Сергѣя плату за свой трудъ и принимали ее безъ ложнаго смущенія изъ его рукъ. И это мнѣ нравилось ужасно, въ молодыхъ людяхъ. Особенно Зоя нравилась мнѣ, начиная съ ея скромнаго поношеннаго платья, которое она носила съ видомъ развѣнчанной королевы, и до ея обаятельнаго личика. А между тѣмъ гдѣ-то глубоко въ тайникахъ моей души я чувствовала какое-то глухое недовольство.

Мнѣ было горько и досадно, что я не могла помогать моему мужу, такъ какъ это дѣлали Игнатій съ Зоей. Я не знала латыни, и не обладала знаніями Зои и Игнатія. Они оба были хорошо образованы. И дополнили свое образованіе саморазвитіемъ, много читая серьезныя, научныя книги.

Мнѣ было далеко до нихъ обоихъ и я сознавала это. Сознавала также и то, что моему мужу пріятно бесѣдовать съ ними и вести длинные споры на научныя темы. И въ душѣ моей пробуждалось мало-по-малу нехорошее чувство зависти. Я-бы хотѣла, чтобы Сергѣй принадлежалъ исключительно мнѣ. Мнѣ досадно было видѣть его увлеченно бесѣдующимъ съ другими, на тѣ темы о ко-

торыхъ я имѣла самое смутное понятіе. Мнѣ даже казалось, что въ такія минуты онъ совсѣмъ не замѣчаетъ меня и забываетъ о моемъ присутствіи. И глаза мои съ укоромъ обращались къ мужу и съ языка готовы сорваться слова упрековъ и негодованія.

Сергѣй не могъ не замѣтить моего настроенія и это его волновало, очевидно.

— И нужно намъ было замуравить себя здѣсь! Я знаю, что ты тутъ соскучишься!—нѣсколько разъ съ раздраженіемъ сорвалось съ его губъ, когда мы оставались вдвоемъ по уходѣ нашихъ помощниковъ.—Можно было-бы работать и въ городѣ. Надо было только строжайшимъ образомъ запретить принимать нашихъ свѣтскихъ гостей во всякое время. И, навѣрное, дѣло пошло-бы не хуже, чѣмъ въ этой пустынѣ, гдѣ ты такъ скучаешь.

Я, предпочитала молчать, не рѣшаясь напомнить мужу, что серьезно работать можно только въ уединеніи, какъ онъ самъ мнѣ это говорилъ не разъ.

Дѣло съ изданіемъ не ладилось. Въ Петербургѣ случилась задержка съ прошеніемъ по поводу разрѣшенія издавать журналъ. Тѣ изъ сотрудниковъ, которые были необходимы Сергѣю, ставили невѣроятно большія условія для молодого дѣла, и, наконецъ, послѣднею помѣхой являлась я сама, да, я, или вѣрнѣе, моя неудача на поприщѣ литературы. Я положительно не могла работать... А Сергѣй возлагалъ на меня такія надежды! Онъ ничего не говорилъ со мной по этому поводу, послѣ того какъ прочелъ мой злополучный разсказъ, но я видѣла по выраженію его лица, по всѣмъ его взглядамъ, что онъ все еще ждалъ отъ меня чего-то, все еще не хотѣлъ разочароваться въ моемъ призрачномъ дарованіи, на которомъ я сама давно поставила крестъ.

Это ожиданіе, этотъ постоянно, какъ мнѣ казалось, его вопрошающій взглядъ изводили меня, заставляли поми-

нутно хвататься за перо, но — увы! ничего не выходило. Я вовсе не могла писать.

За то Зоя работала, какъ волъ. Въ короткое время она настрочила три, четыре статейки. Правда, она не вносила ничего въ нихъ самобытнаго, оригинальнаго за отсутствіемъ таланта, но за то ея вещи, наполненныя ссылками на ученый и классическій міръ, дополненныя ея собственными разсужденіями, очень разумными и вѣрными, доставлявшими интересный матеріалъ для журнала Сергѣя.

Наканунѣ Пасхи нашъ домъ принялъ праздничный видъ. Въ столовой разставили столъ, покрытый бѣлоснѣжною скатертью и уставленный пасхальными явствами, мастерски состряпанными руками Анны Степановны. Старикъ Роговцевъ принесъ мнѣ, чудесное деревцо бѣлой сирени, первый весенній даръ нашихъ оранжерей. Деревцо не пахло, но необъяснимой нѣжностью и чистотою вѣяло отъ его прелестныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

— Точно ты, моя Наташа!—улыбаясь, произнесъ Сергѣй, войдя въ столовую,—точно ты: ты—не красавица, но сколько невидимаго прекраснаго кроется въ тебѣ!

Я не могла не улыбнуться, въ свою очередь, и недовѣрчиво покачала головою.

Мы еще рѣже видѣлись за послѣднее время. И я сама избѣгала общества мужа и его новыхъ помощниковъ. Я дулась, чувствуя себя обиженной недостаткомъ вниманія съ ихъ стороны: они, казалось мнѣ, и безъ меня обходились прекрасно. Я была лишнею и во время работы и во время ихъ споровъ и бесѣдъ. Но сегодня праздничное настроеніе захватило и меня. Завтрашняя-ли Пасха, или вѣяніе весны, врывавшейся черезъ открытыя форточки, не знаю, но на душѣ становилось легче и веселѣй. И у мужа, очевидно, все благопріятно устроилось въ его дѣлѣ, потому я давно не видѣла его такимъ радостнымъ и веселымъ. Изъ Петербурга пришло, наконецъ, разрѣшеніе на изданіе журнала. Кое-кто изъ нужныхъ Сергѣю

лицъ сами напросились въ участники дѣла. И потомъ, что было важнѣе всего, его повѣсть, надъ которой онъ трудился послѣднее время и на которую возложилъ столько свѣтлыхъ надеждъ, была, наконецъ, закончена. Онъ обѣщалъ дать мнѣ ее прочесть.

— Ты знаешь, признаться, я, было, струсилъ,—каялся онъ мнѣ,—что не придется увидѣть нашъ журналъ, а сейчасъ я спокоенъ.

— Я всегда вѣрила, что ты сумѣешь побороть всѣ препятствія, Сергѣй!—произнесла я убѣжденно и горячо.

— Потому, что ты любишь меня, Наташа, спасибо тебѣ за это, а, кто любитъ, тотъ вѣритъ. Ты видишь меня въ розовомъ свѣтѣ, потому что твое чувство ко мнѣ...

— Да, Сергѣй,—перебила я его,—я люблю тебя!.. Мнѣ такъ хотѣлось дать ему понять, какъ сильна моя любовь къ нему, какую громадную жертву приношу я, въ то время какъ уступаю его дѣлу и обществу чужихъ людей. Но я только крѣпко пожала его руку и попросила его прочесть его повѣсть мнѣ.

Дѣйствительно, она заслуживала восхищенія. Новая свѣжая и горячая, вышла она бодро и просто изъ подъ его пера. Ничего повтореннаго, стараго не встрѣчалось въ ней. И способъ изложенія былъ совершенно своеобразный, новый. Рѣзкіе штрихи, мазки, но до того яркіе, что двухъ-трехъ такихъ мазковъ достаточно было, чтобы схватить характеръ дѣйствующаго лица. Въ ней была сама жизнь, какъ она есть, жизнь бурливая, кипучая, точно рѣка, прорвавшая плотину. Читая эту рукопись, я вся дрожала отъ охватившаго меня волненія, упиваясь и красотою слога, и захватывающимъ интересомъ сюжета.

— Дорогой мой, какъ это хорошо!—искренно вырвалось у меня, когда, съ трудомъ оторвавшись отъ послѣдней страницы, я бросилась къ ожидавшему моего приговора Сергѣю,—ты такъ дивно написалъ это!

— Добрая Наташа,—произнесъ онъ съ выраженіемъ неизъяснимой признательности и ласки,—ты мой другъ, спасибо тебѣ! Посмотримъ, что скажутъ чужіе! Они, говорятъ, лучшіе цѣнители.

— Зоя и Игнаша, напримѣръ,—сорвалось у меня, помимо воли, обиженно и сердито.

Сергѣй вскинулъ на меня удивленные глаза.

— Что съ тобой, Наташа?! Ты еще никогда такъ не говорила со мною! Ты нездорова? Взволнована чѣмъ-нибудь?

Точно что ударило мнѣ въ голову. Мое сердце забилось. Слезы обиды обожгли глаза.

— Я... я... я нездорова? Нѣтъ, нѣтъ, я просто не привыкла къ такому отношенію!—почти прорыдала я...—Дома у tante Lise я не чувствовала себя такой одинокой, какъ здѣсь... Ты... ты... совсѣмъ не любишь меня... И... и... все твое время отдаешь работѣ и новымъ друзьямъ!

И я разрыдалась, упавъ въ кресло и закрывая руками лицо.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Потомъ Сергѣй подошелъ ко мнѣ. Нѣжно, но настойчиво отвелъ мои руки и проговорилъ серьезнымъ почти строгимъ голосомъ, глядя мнѣ прямо въ глаза.

— Послушай, Наташа, я вижу ты начинаешь капризничать со скуки, и это не хорошо. Тѣмъ болѣе не хорошо, что слова твои несправедливы. Ты знаешь, что я не могу не работать, это моя профессія, мой трудъ, наконецъ. А Игнатій съ Зоей мнѣ очень полезны и ты сама увидишь это, когда твое дурное настроеніе пройдетъ. Если-же ты находишь, что дома тебѣ было лучше, то поѣзжай погостить къ tante Lise. Я пріѣду за тобой черезъ двѣ, три недѣли. Я отлично понимаю, что съ моей стороны было глупо запирать тебя такую молодую, привыкшую къ другой, свѣтской и шумной жизни, здѣсь въ деревнѣ, но признаться, я считалъ тебя совсѣмъ другою, чуждой суеты и шума большого свѣта. Я думалъ...

— Что я слишкомъ дурнушка для того, чтобы вести свѣтскій образъ жизни,—простонала я.

— Перестань, Наташа!—уже совсѣмъ строго произнесъ Сергѣй,—ты отлично знаешь, что не во внѣшности дѣло. А теперь совѣтую тебѣ перестать плакать и подумать хорошенько о моемъ предложеніи поѣхать разсѣяться въ Петербургъ. Ты еще захватишь конецъ сезона.

— Ты хочешь отослать меня отсюда, Сергѣй! — чуть слышно прошептала я готовая снова разрыдаться.

— И это могла сказать моя милая, моя добрая и умная Наташа!—укоризненно проговорилъ онъ. — Подумай хорошенько о твоихъ словахъ. Ты раскаешься въ нихъ очень скоро, Наташа, лишь только найдешь въ себѣ способность спокойно анализировать, дорогая. Я не хочу мѣшать тебѣ сейчасъ въ этомъ. Успокойся! Мнѣ надо идти работать. И сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты.

Мнѣ хотѣлось броситься слѣдомъ за нимъ, попросить у него прощенія, сказать ему, что я глупая, смѣшная, дурная, что я люблю его всею душою, но я осталась, частью изъ застѣнчивости, частью изъ ложной гордости, сидѣть въ своемъ креслѣ и дала ему уйти, въ то время какъ сердце мое разрывалось отъ тоски и горя.

„Отъ женщины зависитъ создать семейное счастье“—вспомнила я слова tante Lise и моя душа затрепетала.—А я не сумѣла создать моего собственнаго счастья!—вихремъ пронеслось у меня въ мысляхъ и Сергѣй меня разлюбитъ, разлюбитъ теперь.

И только къ вечеру передъ тѣмъ какъ идти въ церковь, я успокоилась немного. Сергѣя я не видѣла до самой заутрени. Онъ зашелъ за мною совершенно одѣтый, чтобы ѣхать въ Насиловку, и просто, какъ будто ничего не произошло между нами, протянулъ мнѣ руку.

Пасхальная заутреня въ деревнѣ, среди простолюдья, окружавшаго насъ тѣснымъ кольцомъ въ нашемъ маленькомъ храмѣ, привела меня въ умиленный восторгъ. Даже самая скромность слободской церкви имѣла свою трога-

тельную прелесть. Свѣтлыя ризы, нехитрое пѣніе насиловскаго дьячка и эта сѣрая толпа молящихся, ласкали душу и навѣвали въ голову хорошія, чистыя мысли.—Боже мой,—шептала я, впиваясь восторженными глазами въ образъ Спасителя.—Сдѣлай меня доброй и кроткой. Пошли миръ и спокойствіе моей душѣ. Дай мнѣ не огорчать Сергѣя такъ, какъ сегодня. Пошли намъ счастья, Боже! Молю Тебя объ этомъ всѣми силами души!

А кругомъ, со всѣхъ сторонъ, надвигалась свѣжая ясная апрѣльская бѣлая ночь. Въ ея сквозныхъ сумеркахъ предметы казались цѣльнѣе и опредѣленнѣе, точно рельефныя изображенія на громадной картинѣ, созданной Великимъ Мастеромъ. Послѣ троекратнаго „Христосъ Воскресе“ священника началось обычное тихое ликованіе прихожанъ. Двѣ или три бабы изъ слободы подошли ко мнѣ съ робкимъ „Христосъ Воскресе“. Я перецѣловала ихъ, а за ними почти всю женскую половину церкви, тянувшуюся ко мнѣ съ пасхальнымъ привѣтствіемъ.

Мы возвращались пѣшкомъ въ обществѣ отца Николая и отца Виктора, его симпатичной молодой дьяконицы, Зои и ея жениха. Дьяконица болтала безъ умолку, поминутно прибавляла въ разговорѣ со мною „ваше сіятельство“, несмотря на неоднократный протестъ съ моей стороны, къ полному восторгу насмѣшницы Зои.

Мы незамѣтно дошли до дому, и пригласили всѣхъ къ намъ разговѣться.

Пасхальный столъ ломился подъ тяжестью домашнихъ окороковъ, пасокъ и печеній. Анна Степановна превзошла самое себя. Наши гости воздали должное ея кулинарному искусству.

Зоя и симпатичная дьяконица оживляли все своей веселой болтовней. Я нѣсколько разъ вскидывала глазами на Сергѣя и каждый разъ, встрѣчая его добрый, ласковый взоръ, успокаивалась сердцемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не разлюбитъ, онъ простилъ, онъ не

судитъ свою глупую Наташу за ея капризы!—вихремъ проносилась въ головѣ моей быстрая мысль.

Когда я христосовалась съ нимъ въ церкви онъ успѣлъ шепнуть мнѣ:

— Ну, что-же не оставишь меня, Наташа, не уѣдешь безъ меня въ твой шумный, пестрый Петербургъ?

Тогда я не успѣла ему отвѣтить, зато сейчасъ за пасхальнымъ столомъ мои глаза говорили за меня то, что я переживала. И снова яркое счастье манило меня своей улыбкой и я чувствовала себя радостно и хорошо.

А колокола звонили и переливались на тысячу ладовъ, и не было числа и конца, казалось, этимъ звукамъ, зарождавшихся въ бѣлыхъ сумеркахъ весенней ночи и откликавшимся звонкимъ эхо гдѣ-то глубоко, глубоко, въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ умиленной души.

XII.

РОШЛО три недѣли. Весна еще больше выдвинулась впередъ, сѣя невидимой рукою цвѣты и травы на оживш й почвѣ. Ландыши уже появились; по крайней мѣрѣ, слободскія дѣвчурки приносили ихъ мнѣ по утрамъ и няня Анна Степановна уставляла всѣ мои столики и этажерки вазами, наполненными этими чистыми, какъ дѣтскіе глазки, ранними цвѣтами. Ландыши благоухали, восхищая меня и дурманя своимъ нѣжнымъ и острымъ ароматомъ.

Сергѣй снова жадно набросился на работу... О недавней нашей размолвкѣ не оставалось и слѣда. Теперь, когда повѣсть, не дававшая ему покоя, была окончена, послана въ Петербургъ и одобрена одною изъ лучшихъ редакцій толстыхъ журналовъ, онъ вполнѣ могъ отдаться дѣлу из-

данія. Намъ оставалось всего двѣ недѣли до отъѣзда. Квартира для конторы была уже подыскана друзьями мужа, служащій персоналъ тоже, дача въ Павловскѣ нанята, и намъ оставалось только ѣхать туда, откуда поминутно летѣли дѣловые призывы участниковъ изданія и нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Оттуда мнѣ писала и Лили. Отъ ея писемъ вѣяло англійскими духами и еще чѣмъ-то далекимъ, позабытымъ изъ моего недавняго прошлаго. «Viens plus vite *),—писала она, по своему обыкновенію дѣлая неизмѣнную смѣсь русскаго съ французскимъ.—Я по тебѣ такъ соскучилась, Тася,—мнѣ одной не весело выѣзжать съ мисъ... А ты уѣхала, покинула насъ, злая!»

Она была все та же веселая, праздничная Лили.

Но мнѣ она казалась теперь чужой и далекой, еще больше далекой, нежели раньше. Даже съ милой Кити у меня не находилось уже ничего общаго, какъ прежде. Онѣ жили, радовались и горевали, всего въ мѣру, понемножку, но—Боже мой! —Какими ничтожными казались мнѣ ихъ интересы на неизмѣнной почвѣ свѣтскихъ условій. Здѣсь, въ глуши, въ этомъ захолустьѣ, лишенномъ шума и блеска свѣтской жизни, все чувствовалось и переживалось куда глубже и сильнѣй...

А чувствовать и переживать было что. Сергѣй ходилъ хмурый и усталый. Онъ слишкомъ переутомился. Ему слѣдовало отдохнуть. Даже книжка періодическаго изданія, съ напечатанной въ ней повѣстью, не порадовала его такъ, какъ-бы мнѣ этого хотѣлось. Напротивъ того, онъ взволновался еще больше, прочитавъ, или, вѣрнѣе, проглотивъ первыя страницы.

— Вѣдь хорошо, самъ вижу и знаю,—говорилъ онъ, нервно шагая взадъ и впередъ по портретной, — а вотъ разубѣди-ка другихъ, заставь вѣрить, что хорошо!

— Всѣ повѣрятъ, Сергѣй, всѣ убѣдятся, — протестовала я.

---

*) Т. е., пріѣзжай скорѣе.

— Ты думаешь?—впился онъ въ меня глазами.

— Я убѣждена въ этомъ!

— Ты—мой добрый геній, Наташа!—расцвѣталъ онъ улыбкой во все лицо.

Въ тотъ же вечеръ пришли снова работать Игнаша и Зоя.

— Не могу-ли я помочь вамъ? — предложила я свои услуги.

— Ну, нѣтъ, Наташа, — здѣсь нужно тонкое знаніе дѣла. Придется дѣлать объявленія журнала, а для тебя это китайская грамота,—засмѣялся Сергѣй.

— Но вѣдь Зоя Ильинишна и Игнатій Николаевичъ тоже не компетентны въ этомъ дѣлѣ! — проговорила я, уколотая въ моемъ ложномъ самолюбіи.

— Ошибаетесь, я имѣла вечернія занятія въ одной изъ Питерскихъ редакцій, — вмѣшалась въ разговоръ Зоя,— и знаю какъ надо приступать къ этому многосложному дѣлу.

— А Игнатій Николаевичъ?

— О, Игнашѣ мы дадимъ черную работу, онъ не требователенъ.

— Но и я мо́гла-бы!—слабо протестовала я.

— Нѣтъ, нѣтъ, вамъ будетъ скучно!—безаппеляціоннымъ тономъ рѣшила Зоя.—Вотъ если-бы вы соблаговолили чайкомъ насъ угостить.

— Хорошо. Я попрошу няню приготовить чай,—сдержанно проговорила я, направляясь изъ комнаты.

Прежнее глухое недовольство снова бурно заклокотало у меня въ душѣ.

И опять мнѣ стало больно и обидно, что я не могу быть полезна мужу и что совсѣмъ чужіе люди ему нужнѣе въ его работѣ, нежели я. Со сдвинутыми бровями и горечью въ сердцѣ прошла я въ столовую.

— Боже мой, Боже мой!—думалось мнѣ,—неужели я ужъ такая неудачница уродилась, такая бѣлоручка, что

не могу принести и малюсенькой помощи любимому существу!

Вѣдь помогала же я ему до тѣхъ поръ пока не появились эти двое новыхъ помощниковъ!

И я съ несвойственнымъ мнѣ чувствомъ злобы живо воспроизвела въ своемъ воображеніи образы Зои и Игнаши.

Первая казалась мнѣ сейчасъ такой навязчивой, дерзкой и невоспитанной, а второй—глупымъ и безвольнымъ, черезчуръ покоряющимся каждому малѣйшему капризу своей будущей жены. И моя злоба закипѣла сильнѣе.

Изъ-за нихъ, — думала я съ мучительнымъ волненіемъ, — я не могу видѣть такъ часто какъ-бы хотѣла Сергѣя. Они вѣчно сидятъ въ портретной и если не работаютъ, то ведутъ съ нимъ ученые разговоры, мало понятные мнѣ. А я одинока. Постоянно одинока въ этомъ большомъ домѣ и никогда никто не пойметъ меня здѣсь.

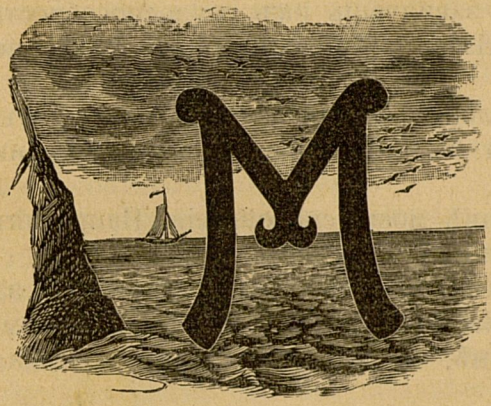
И вдругъ внезапная мысль пришла мнѣ въ голову: что, если все происходитъ потому только, что я дурнушка? Вѣдь обладай я хорошенькимъ личикомъ Лили или Кити и выйдя я замужъ за моего мужа при такихъ условіяхъ, навѣрное онъ не завезъ-бы меня сюда и не спряталъ въ эту глушь, а вывозилъ-бы на балы и рауты въ Петербургѣ, гордясь моей граціей и красивой внѣшностью!

Да, да, это такъ! растравляла я еще больше свою рану, хотя внутренній благоразумный голосъ нашептывалъ мнѣ другое.—Стыдись, Тася, — говорилъ мнѣ этотъ голосъ,— ты выдумываешь ужасныя вещи и создаешь изъ мухи слона. Ты отлично знаешь, что твой Сергѣй добрый и умный человѣкъ и прежде всего видитъ твою душу.

— Нѣтъ, нѣтъ! — изступленно возражало мое зашедшееся отъ негодованія сердце,—это такъ, это такъ! И я не хочу думать иначе.

— Скажите, няня, Сергѣю, что я не выйду къ чаю, что у меня болитъ голова!—неожиданно рѣзко обратилась

я къ старухѣ, хлопотавшей со мною у чайнаго стола, и вышла изъ комнаты, демонстративно хлопнувъ дверью чтобы запереться у себя.



XIII.

— Можно войти?— услышала я въ тотъ-же вечеръ голосъ моего мужа у дверей, когда я полулежала съ книгой на кушеткѣ въ моей комнатѣ.

Мнѣ хотѣлось притвориться спящей и не отвѣтить ему, но та же злая сила, подмывавшая меня своей темной волною весь этотъ вечеръ, шепнула мнѣ и сейчасъ.

— Нѣтъ. Открой ему и потребуй отъ него объясненія всѣхъ его поступковъ.

И я вскочила, отворила дверь моему мужу. Онъ вошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. На немъ было его верховое платье. Въ рукахъ хлыстъ.

Сергѣй рѣдко ѣздилъ верхомъ. Ему было некогда дѣлать это, благодаря постояннымъ работамъ, поэтому я очень удивилась увидя его въ верховомъ костюмѣ.

— Ты ѣдешь верхомъ?—спросила я его.

— Да, хотѣлось-бы освѣжиться... Зоя Ильинишна ушла домой и мы съ Игнашей рѣшили прокатиться немного.

— Опять съ Игнашей! — вырвалось съ нескрываемой злобой у меня.

— Что съ тобой, Наташа?

— Я не совсѣмъ здорова!

Я не лгала; дѣйствительно, голова моя кружилась такъ, что, казалось, почва уходитъ изъ подъ ногъ. Злая сила забушевала во мнѣ снова.

— Неправда! — вырвалось у Сергѣя такъ внезапно и порывисто, что я вздрогнула отъ неожиданности, — неправда! Ты никогда не умѣла лгать, Наташа, не лги-же и теперь... Ты сердишься на меня за... мою работу совмѣстно съ этими людьми, завидуешь ихъ трудоспособности, наконецъ. Не хорошо, Наташа! Не ожидалъ я такого неблагоразумія отъ тебя!

Онъ взялъ мою голову обѣими руками и, откинувъ немного назадъ, впился въ мои глаза долгимъ, проницательнымъ взглядомъ.

Но это не вернуло мнѣ моего спокойствія. Напротивъ, его упрекъ укололъ меня.

— Да! — вскрикнула я со стономъ и слезами,—я завидую! Ты не ошибся! Завидую, потому, что ты слишкомъ мало заботишься обо мнѣ, и тебѣ нѣтъ дѣла до меня! Ты меня разлюбилъ.

Онъ выпустилъ мою голову изъ рукъ, и въ минуту лицо его стало холоднымъ и суровымъ.

— Наташа! проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія:— ты знаешь, Наташа, я неспособенъ на ложь! Я слишкомъ высоко цѣню себя и свое достоинство. Если-бы это было такъ, то я сказалъ-бы тебѣ объ этомъ. Слышишь, Наташа, я никогда ничего не скрою отъ тебя, никогда! Скрывать и лгать значитъ трусить. А я—не трусъ и ненавижу трусость въ самой ея основѣ. А ты просто капризничаешь съ нѣкоторыхъ поръ и упорно не желаешь меня понять.

— Я, капризничаю, я?

Что-то темной кипучей волной хлынуло мнѣ въ душу и обожгло ее. Внезапный новый приливъ безудержнаго гнѣва затопилъ сердце. Я задрожала съ головы до ногъ и вся красная отъ волненія и злости заговорила, возмущенно впиваясь негодующими глазами въ лицо моего мужа.

— Ага! Я капризничаю! Да! Такъ вы находите это?! А я нахожу другое! Я нахожу жестокое, дурное, недостойное отношеніе съ вашей стороны ко мнѣ! Вы привезли меня сюда, оторвавъ отъ моихъ родныхъ, вырвавъ изъ

того круга къ которому я привыкла, заперли одну здѣсь въ глуши, лишивъ общества ни только моихъ родственниковъ и друзей, но и своего собственнаго. Да, да, да! Это такъ!.. Вы предпочли меня какимъ-то чужимъ, незнакомымъ людямъ, которыхъ я и знать-то не хочу, и съ которыми у меня нѣтъ ничего общаго. Вамъ пріятнѣе быть съ ними, нежели со мною! Да! Пріятнѣе, потому что я ничто для васъ, ничто!

— Наташа! Что съ тобой!? Наташа!..—почти съ ужасомъ произнесъ мой мужъ.

Но я уже ничего не понимала, ничего не чувствовала. Я точно катилась подъ гору. Огромное возбужденіе и злое негодованіе охватывали меня все сильнѣе и подчиняли себѣ.

— Да! Да!—раздражаясь злыми слезами рыдала я — не оправдывайтесь, я знаю! Я знаю, что я дурнушка-Тася ничто для васъ! Что вы стыдитесь меня, моего безобразія, моей глупости. Конечно, я не знаю латыни, насъ не учили этому въ институтѣ, но это еще не значитъ, что можно предпочесть мое общество какимъ-то проходимцамъ.

— Наташа! Опомнись, что ты говоришь!—послышался уже строгій голосъ Сергѣя.

Но опомниться я уже не могла.

Слезы текли ручьемъ изъ моихъ глазъ, губы сводило судорогой, а та же темная сила бушевала въ душѣ.

— Но я не буду мѣшать вашей дружбѣ съ ними, вашей совмѣстной работѣ,—рыдала я, какъ изступленная.— Успокойтесь! Не буду вамъ мѣшать. Я уѣду къ tante Lise и буду васъ ждать тамъ, когда вы вспомните обо мнѣ, и вернетесь! Да, я уѣду завтра-же, мнѣ надоѣло быть въ роли позабытой! Надоѣло! Да!

Я закрыла лицо руками и уткнулась имъ въ спинку кресла, тихо рыдая.

Наступила пауза. Мнѣ показалась она безконечно длинной, но должно быть молчаніе продлилось всего нѣсколько секундъ.

— Богъ съ тобой, Наташа,—послышался снова голосъ

моего мужа,—я увѣренъ, что ты одумаешься и поймешь всю несуразность твоихъ словъ и упрековъ. А, впрочемъ, если ты желаешь все-таки уѣхать на время къ твоимъ, я ничего не имѣю противъ. Видишь, я былъ правъ, предполагая, что ты соскучишься здѣсь.

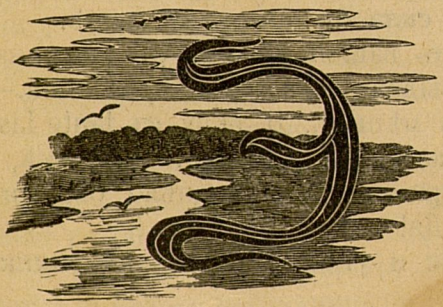
И, сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты.

Я слышала, какъ удалялись его шаги, какъ прозвучалъ его голосъ, обратившійся съ какимъ-то вопросомъ къ поджидавшему его Игнашѣ и затѣмъ все стихло.

Я бросилась къ окну, распахнула его. Весенняя ночь дохнула мнѣ въ лицо ароматной лаской и освѣжила мою пылающую голову. Я высунулась въ окно. Со стороны конюшни во дворѣ отъѣзжали два всадника, рельефно выдѣляясь на фонѣ лѣтней ночи. Подковы лошадей гулко ударяли о землю. И вдругъ сердце мое сжалось до боли...

— Останься со мною, Сергѣй, прости меня! Побудь со мною! Я виновата передъ тобою, хотѣлось мнѣ крикнуть вслѣдъ уѣзжавшему мужу.

Но было уже поздно. Всадники скрылись за оградой усадьбы и гдѣ-то далеко теперь звучали подковы ихъ лошадей.



XIV.

ТО была мучительная ночь. Оставшись одна и успокоившись немного я поняла всю нелѣпость моего поведенія.

О, какъ я была не права! Мой мужъ идеальный человѣкъ въ мірѣ и виноватъ передо мною только тѣмъ, что родился писателемъ. А развѣ это вина? Сергѣй труженикъ, привыкшій работать, я—свѣтская барышня не имѣющая ни малѣйшаго по-

нятія о трудѣ. И я могла упрекать его въ недостаткѣ вниманія, его, всегда заботливаго, ласковаго и нѣжнаго ко мнѣ. Что если онъ разсердится теперь за мою нелѣпую сцену и разлюбитъ меня? Перемѣнится къ своей злой Наташѣ? О, я не переживу этого ни за что, никогда!

Я невыносимо страдала. Упавъ грудью на подоконникъ и вперивъ глаза въ сѣрый сумракъ майской ночи я шептала, какъ безумная:—Прости меня, Сергѣй, прости! Даю тебѣ слово, что ничего подобнаго не повторится между нами. Я буду благоразумной и доброй, буду достойной твоей любви. Я дождусь твоего возвращенія, встрѣчу тебя и скажу тебѣ это! Скажу, какъ опять жестоко неправа была я съ тобой. Простишь-ли ты меня, Сергѣй, дорогой мой?

Какъ-то, сама того не замѣчая, я уснула тутъ-же у окна, со склоненною на подоконникъ головою.

Не знаю долго-ли пролежала я такъ безъ всякихъ сновидѣній въ неудобной позѣ, съ отекшими руками.

Прикосновеніе чего-то легкаго къ моему плечу разбудило меня. Въ первую минуту я ничего не поняла, гдѣ я наконецъ, что со мною.

Передо мною въ утреннемъ разсвѣтѣ вырисовалось чье-то блѣдное, какъ смерть, испуганное и взволнованное лицо.

И тутъ-же словно тупымъ коротким ударомъ ударило меня по сердцу.

— Игнатій Николаевичъ, что съ вами?

Дрожащія губы Игнаши пролепетали чуть слышно.

— Несчастье... Наталья Николаевна... лошадь понесла вашего мужа... сбросила и онъ расшибся... тамъ лежитъ у рѣки... Не знаю живъ ли...

И Игнатій зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Дикій крикъ, полный отчаянія, вырвался изъ моей груди.

Я вскочила съ кресла. Мои ноги дрожали и подкашивались. Сердце замерло безъ біенія. Голова кружилась.

— Онъ умеръ?—схвативъ за плечи стоявшаго у окна Игнатія и тряся ихъ изо всей силы, прошептала я, задыхаясь.

— Не знаю... Ничего не знаю... —прорыдалъ несчастный,—тамъ... лежитъ у рѣки... Я къ вамъ... О, Господи! Несчастье какое...

Я глухо вскрикнула и, быстро соскочивъ съ подоконника, кинулась въ садъ бѣгомъ отъ окна, не слыша и не понимая, что кричалъ мнѣ вслѣдъ Игнатій.

Я бѣжала долго-долго, потерявъ представленіе о времени и разстояніи; мои ноги вязли въ рыхлой отъ весенней влаги почвѣ, но я не чувствовала усталости.

Далеко за мною осталось „Довольное", слободка и сосновая роща, а я все бѣжала и бѣжала, не останавливаясь ни на минуту. Гдѣ-то невдалекѣ блеснула свѣтлая полоска рѣки... Она точно манила меня своей сверкающей на солнцѣ зеркальной поверхностью. Съ быстротою птицы достигла я ея и бѣжала теперь вдоль ея берега, скользкаго и топкаго, чуть зеленѣвшаго первой травою, рискуя ежеминутно сорваться и полетѣть въ студеную, свѣжую воду.

Страшный шумъ въ головѣ мѣшалъ сосредоточиться мыслямъ, сердце стучало такъ, что я чувствовала боль отъ его сильнаго, точно удары молотомъ выстукиванія. Во рту былъ какой-то прогорклый вкусъ, какой бываетъ при болѣзни, а въ груди накипала какая-то жгучая, клокочущая огромная пѣна, преграждая мнѣ дыханіе, надавливая горло... Ноги подкашивались... Вотъ-вотъ, казалось мнѣ, я упаду, обезсиленная, измученная до послѣдней степени. Но все-таки бѣжала, подхлестываемая непонятной силой, уносившей меня все впередъ и впередъ...

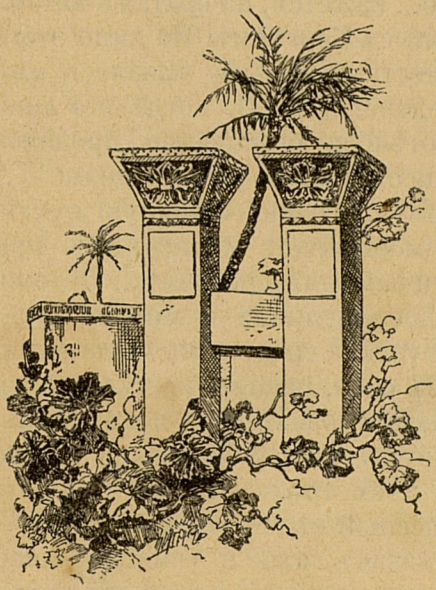
Вдругъ я увидѣла что-то темнѣющее невдалекѣ у берегу рѣки...

— Сергѣй... неподвиженъ... Онъ мертвый!..—вихремъ пронеслось въ моихъ мысляхъ.

Дурнушка. (Стр. 113).

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград

И жгучая почти физически ощущаемая боль отчаянія пронизала, словно калеными иглами, все мое существо... Какой-то черный, липкій, грязный потокъ нахлынулъ, подхватилъ и завертѣлъ меня... Голова закружилась... Я оступилась... Ноги соскользнули съ берега и я безъ чувства, безъ мысли, безъ стона, упала потерявъ равновѣсіе, внизъ, въ холодныя съ плескомъ разступившіяся подо мною воды рѣки...



XV.

ОЧЬ глубокая, безпросвѣтная поглотила меня... Я не чувствовала ни ужаса, ни боли... Мысль отказывалась служить... Даже инстинкты страха передъ смертью молчали... Молчало все...

Сколько это длилось— не помню...

Я открыла глаза отъ нестерпимой боли... Какіе-то страшные тиски болѣзненно сдавили мнѣ грудь.. Кругомъ меня толпились люди; они кричали что-то и качали мое распластанное, обезсиленное тѣло, поминутно встряхивая его какъ вещь. Это трясеніе и вызвало адски-мучительную боль въ груди и внутренностяхъ. Лица моихъ мучителей были сосредоточены и суровы. Впрочемъ, они напоминали мнѣ скорѣе не людей, а морскихъ чудовищъ съ мокрыми волосами, со впутанными въ нихъ иломъ и водорослями, и въ прилипшихъ къ тѣлу одеждахъ. Мучительный холодъ пронизалъ меня всю насквозь. Что-то сильнѣе и сильнѣе

надавливало грудь. Дыханіе сперлось. Мнѣ казалось—смерть приблизилась и встала у моего изголовья...

И вдругъ теплая волна, окрашенная кровью, хлынула изъ моего горла. Я потеряла сознаніе...

Ночь продолжалась... Но я не слышала больше ни шума, ни криковъ, не видѣла страшныхъ чудовищъ, раскачивавшихъ мое тѣло, съ суровыми сосредоточенными лицами. Напротивъ, чье-то незнакомое, и доброе, старческое лицо склонилось къ моему изголовью...

Это лицо я видѣла гдѣ-то... кажется, на вратахъ алтаря той церкви, гдѣ насъ вѣнчали съ Сергѣемъ. Но лицо этого сѣдого, похожаго на евангелиста человѣка, казалось мнѣ чудно-знакомымъ и странно-дорогимъ. И, когда это лицо склонялось ко мнѣ, мнѣ хотѣлось безконечно продлить присутствіе незнакомаго существа какъ можно дольше у моей постели. Онъ клалъ мнѣ на голову большую сухую и теплую руку, и ночь въ моей душѣ прояснялась при одномъ этомъ прикосновеніи и замѣнялась днемъ... Потомъ еще болѣе знакомыя черты, добродушныя и милыя, представали передо мною; ихъ я узнала сразу—это была няня.

Я окончательно пришла въ себя, наконецъ, чудеснымъ лѣтнимъ утромъ, открыла глаза и сознательно-ясно обвела ими комнату. Изъ груди двухъ людей вырвался одинъ общій вздохъ облегченія. Я посмотрѣла въ ихъ сторону. Они оба—и няня, и мой чудесный сѣдовласый старикъ—бросились ко мнѣ, и въ глазахъ ихъ я увидѣла такое яркое, такое безконечное счастье, что мнѣ самой стало радостно и хорошо на душѣ.

— Слава Богу, вы здоровы!—произнесъ радостно-умиленный голосъ незнакомца.

— Кто вы?—не сводя съ него взгляда,—спросила я.

— Тотъ, кто желаетъ вамъ отъ всего сердца всего хорошаго,—съ чарующей улыбкой шепотомъ произнесъ онъ.

— Не говорите, я все-равно знаю! — тоже почему то шепотомъ произнесла я,—вы—посланникъ неба, не правда-ли? И должны знать, у васъ-ли, въ раю мой мужъ?

Онъ тревожно взглянулъ мнѣ въ лицо.

Онъ, должно быть, боялся, что я брежу опять, но мое лицо выражало столько сознательной радости, столько счастливаго покоя, какой только можетъ быть у трудно-больного, впервые почувствовавшаго замѣтное облегченіе...

— Мой мужъ у васъ?—повторила я.

— Успокойтесь, ему лучше, онъ поправляется.

— Такъ значитъ онъ живъ?!

— Живъ, крохотка, нашъ Сереженька...—поторопилась отвѣтить няня.

Отъ счастья я снова лишилась чувствъ...

Съ этого дня я стала быстро поправляться.

Чудесный старикъ оказался докторомъ Львомъ Ивановичемъ Сурскимъ, выписаннымъ изъ Курска въ тотъ-же день, когда меня, безчувственную, полумертвую, вытащили изъ рѣки слободскіе крестьяне. Я пролежала оказывается двѣ недѣли отъ сильнаго нервнаго потрясенія... Но онъ собственными руками вырвалъ меня изъ цѣпкихъ рукъ смерти, едва выпустившихъ захваченную было уже ими добычу. Зато между мною и докторомъ образовалась какая-то тѣсная духовная связь. Къ намъ еще примкнула няня, выходившая меня собственными руками, какъ только можетъ выходить мать своего больного ребенка. Вся жизнь насъ троихъ сосредоточилась здѣсь, въ этой свѣтлой комнаткѣ, съ веселенькими обоями, пропитанной чуть замѣтнымъ ароматичнымъ куревомъ, заглушавшимъ неизбѣжный запахъ лекарства.

Теперь всѣ мои мысли сводились къ одной: какъ можно скорѣе, выздоровѣть, чтобы ухаживать за выздоравливающимъ мужемъ.

Оказывается, онъ, сброшенный въ ту роковую ночь, неожиданно взбѣсившейся лошадью, отдѣлался глубокимъ обморокомъ, принятымъ Игнашей за смерть, и сильнымъ вывихомъ ноги, ради котораго и былъ прикованъ къ постели. Я искренно вѣрила тому, что это было возмездіемъ

мнѣ за всѣ дурные побужденія и склонила голову передъ этимъ справедливымъ наказаніемъ меня судьбой.

Докторъ Левъ Ивановичъ принялъ на себя роль посредника между нами и переносилъ отъ меня къ моему Сергѣю и обратно поклоны и тѣ неуловимо заботливыя добрыя пожеланія, которыми могутъ обмѣниваться близкіе любящіе другъ друга люди.

Наконецъ я встала съ постели.

Всталъ единовременно со мной и Сергѣй.

— Вамъ можно нынче повидаться съ супругомъ. Вы уже достаточно оправились для этого,—сказалъ мнѣ какъ-то Левъ Ивановичъ, когда я уже начинала бродить по комнатѣ, то и дѣло присаживаясь къ окну и вдыхая теплый майскій воздухъ.

— Боже мой! Но только не здѣсь! Позовите его въ садъ, въ липовую аллею, я сейчасъ-же приду туда... Здѣсь страшно пахнетъ лекарствомъ, а мнѣ хочется увидѣть его послѣ такой долгой разлуки при болѣе праздничной обстановкѣ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и пошелъ исполнить мое порученіе.

Оставшись одна, я подошла къ зеркалу поправить волосы. Я исхудала во время болѣзни, но это шло ко мнѣ. Глаза блестѣли ярче, кожа на лицѣ стала блѣднѣе и прозрачнѣе... Какая-то неуловимая печать легла на лобъ и давала новое освѣщеніе всему лицу, ставшему осмысленнѣе, серьезнѣе и значительнѣе.

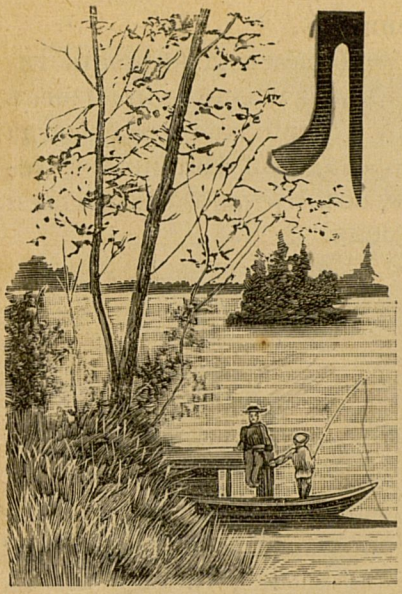
Я наскоро погладила срѣзанные во время болѣзни волосы и, опираясь на зонтикъ, медленно, шагъ за шагомъ направилась въ садъ.

У дверей портретной меня встрѣтила няня.

— Матушка-барынька моя,—дѣточка моя, Христова страдалица,—кинулась она ко мнѣ,—крохотка моя, Слава Богу поправилась ты у насъ! Родная ты наша!

Старуха цѣловала мои руки, обливая ихъ потоками слезъ.

Я горячо обняла ее и поспѣшила къ мужу, съ сильно бьющимся сердцемъ.



XVI.

ЛѢТО стояло теплое, роскошное. Изумрудныя стрекозы, блестя въ майскомъ солнцѣ серебромъ своихъ крылышекъ, порхали въ воздухѣ, производя свой чуть внятный меланхолическій шумъ. Пестрыя бабочки, безшумныя, какъ эльфы, купались въ глубокомъ эфирѣ. Нестерпимо пряно пахло цвѣтущей сиренью. Въ липовой аллеѣ было сумрачно и прохладно.

Въ ожиданіи Сергѣя, я присѣла на скамью подъ старой развѣсистой липой. Мнѣ хотѣлось собраться съ мыслями, подумать о событіи, перевернувшемъ весь прежній строй моей жизни. Я волновалась, какъ никогда...

— Наташа! Милая Наташа!

При звукѣ дорогого голоса я подняла голову и съ тихимъ крикомъ упала на грудь мужа.

— Прости меня, прости! Прости!

Сергѣй стоялъ передо мною взволнованный, блѣдный, осунувшійся и похудѣвшій, какимъ я его еще никогда не видала.

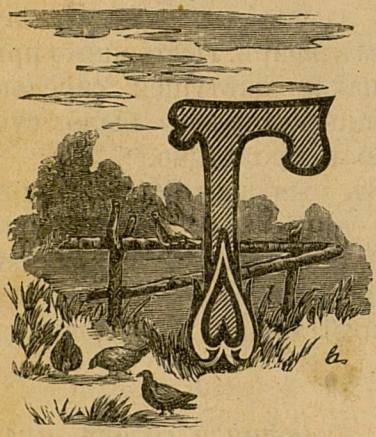
— Наташа, бѣдная моя Наташа! Мнѣ не въ чемъ прощать тебя, я только могу любить и лелѣять тебя!— нѣжно окружая меня своими объятіями, сердечнымъ ласковымъ голосомъ, говорилъ мнѣ мужъ.

Отъ этого слишкомъ знакомаго, безконечно дорогого голоса мое сердце забилось сильно, сильно.

— Ты живъ, ты здоровъ! ты со мною! — шептала я, какой безумной, была я тогда! Какою неправой и жестокой, Сергѣй, родной мой, дорогой и любимый мой мужъ!

Онъ ласково глядѣлъ на меня.

— Наташа, милая Наташа, не будемъ вспоминать тяжелаго промежутка въ нашей свѣтлой жизни,—произнесъ онъ тихо и ласково, — вѣрь мнѣ и знай одно: ты всегда была мнѣ дорога, безконечно дорога, моя Наташа! А теперь станешь еще вдвое дороже, потому что ты такъ своей болѣзнью настрадалась изъ за меня!



XVII.

ОДЪ, цѣлый годъ прошелъ съ этого дня.

Снова лѣто и мы снова въ нашей усадьбѣ. И не мы одни—съ нами есть еще кто-то третій, безконечно милый и дорогой обоимъ намъ.

Жара нестерпимая, но подъ шатромъ густолиственной липы хорошо и прохладно...

Я лежу на садовой скамейкѣ и вполнѣ предаюсь созерцанію того, что составляетъ цѣль и радость всей моей жизни...

«Его» колясочка тутъ подлѣ меня, но она пуста. «Онъ» самъ улыбается мнѣ съ рукъ няни, розовый, толстенькій, чудесный ребенокъ.

Да, именно, чудесный, мой Мики, мой первенецъ, мой голубчикъ, красавчикъ мой!

Онъ смѣется, потому что бѣлый чепецъ, на головѣ няни, той-же, старой, милой, дорогой няни, вынянчившей моего мужа, кажется ему чудно-прекраснымъ..!

Теперь я не знаю, что значитъ скука... Не завидую трудоспособности Игнаши и Зои, помогающимъ по прежнему работѣ по редактированію журнала моего мужа.

Дурнушка. (Стр. 119.)

У меня самой теперь столько работы ну, столько работы и хлопотъ!

Надо кормить Мики, укачивать, перепеленывать его, шить ему рубашечки, платьица, чепчики! Все это лежитъ на моей обязанности и я низачто не подѣлюсь ею ни съ кѣмъ. Развѣ только съ няней Анной Степановной и то скрѣпя сердце, чтобы не обидѣть старушку.

Зиму мы провели въ Петербургѣ, потому что издательскія дѣла требовали тамъ присутствія моего мужа.

Но за то лѣто вполнѣ наше. И мы рѣшили пріѣзжать сюда ежегодно, поручая дѣло „Идеальнаго" журнала временно помощнику Сергѣя, чтобы дать возможность окрѣпнуть нашему мальчику на чудесномъ деревенскомъвоздухѣ.

Дверь террасы хлопнула вдали.

— Сереженька идетъ, крохотка,—объявила няня и, сорвавъ большой придорожный листъ лопуха, стала отгонять имъ комаровъ отъ личика Мики.

— Да, это Сергѣй.

Онъ идетъ къ намъ своей бодрою легкой, юношеской походкой и улыбается намъ издали.

— Красивая картина! — кричитъ онъ весело,—охватывая однимъ общимъ любящимъ взоромъ меня съ моимъ Мики на рукахъ.

— Если-бы ты только знала, какъ ты трогательна и хороша въ твоей материнской любви, Наташа! А мы Іюльскій номеръ приготовили, посылаемъ въ Питеръ,—говоритъ онъ черезъ минуту — въ немъ будетъ напечатано мое стихотвореніе „Мать и дитя". Я посвятилъ ихъ тебѣ и Мики, моя Наташа!

Мой мужъ склоняется къ ребенку и цѣлуетъ его влажный отъ жары лобикъ.

Сердце мое преисполняется благодарности къ Сергѣю.

Мики всего семь-восемь мѣсяцевъ, а ему уже посвящаются стихи. И кѣмъ-же? Однимъ изъ лучшихъ писателей нашего времени.

Мои глаза сіяютъ. Улыбка разливается по лицу.

Я счастлива большимъ сознательнымъ счастьемъ. Я знаю теперь одно, что ни удовлетворенное тщеславіе, ни красота, ни успѣхъ, ничто не сравнится съ этимъ чудеснымъ, дивнымъ чувствомъ материнства.

— Мики!—шепчу я съ пылающими щеками, сильнымъ, окрѣпшимъ голосомъ, когда мой мужъ отдохнувъ немного съ нами, снова идетъ работать въ домъ.—Люблю тебя безгранично, мой мальчикъ! —и я прижимаю головку ребенка къ груди.

Темные волосенки, чуть завивающіеся въ мягкія колечки, щекотятъ меня, а глаза, синіе, влажные, прекрасные, какъ у его отца, смотрятъ, какъ мнѣ кажется, не дѣтски сознательно и умно...

Весь онъ, маленькій, безпомощный, милый, тутъ около меня, у моего сердца...

И съ каждымъ взглядомъ его синихъ глазенокъ, съ каждой улыбкой крошечныхъ губокъ, я чувствую новую волну новой силы, вливающейся въ меня могучимъ и быстрымъ наплывомъ.

Я острѣе, чѣмъ когда-либо, сознаю мое счастье, когда любуюсь Мики.

Я—мать, и это сознаніе наполняетъ всю мою душу невыразимымъ блаженствомъ... Я любима, пусть теперь только инстинктивно, потомъ буду сознательно безгранично любима этимъ крошкой, моимъ сыномъ... Эти глазки впервые блеснутъ сознательно для меня одной, эти ручонки обовьютъ мою шею въ горячемъ порывѣ сыновней любви.

— Мой Мики, мой первенецъ, мой единственный и любимый!—шепчу я, почти задыхаясь отъ жгучаго порыва материнской любви.

Слезы счастливыя, радостныя, блаженныя текутъ по моимъ щекамъ и падаютъ на темное темячко, на розовыя щечки моего ребенка, моего Мики...

КОНЕЦЪ.

Книжная лавка писателей
Цена 7-50
№ 935
19 « IV 1972 г.
Л
КЛ-2

37.37.7.40